

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
«ХУДЖАНДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ АКАДЕМИКА Б. ГАФУРОВА»

На правах рукописи

АТАЕВА ХАФИЗАХОН ГАФАРОВНА

СУБСТАНТИВАЦИЯ В АНГЛИЙСКОМ И ТАДЖИКСКОМ
ЯЗЫКАХ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Специальность: 10.02.20 – Сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание учёной степени кандидата филологических наук

Научный руководитель –

доктор филологических наук,

профессор Мамадназаров Абдусалом

СУБСТАНТИВАЦИЯ В АНГЛИЙСКОМ И ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКАХ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕХОДА ЧАСТЕЙ РЕЧИ В ТАДЖИКСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ	
1.1. Факторы перехода частей речи	16
1.2. Явление перехода частей речи в существительных в таджикском и английском языках и их место в морфологии.....	20
1.3. Переход частей речи в существительных как синтаксическое явление и его стилистические функции.....	29
1.4. Место субстантивации в ряду других явлений «транспозиции»	34
ГЛАВА 2. СУБСТАНТИВАЦИЯ ИМЕННЫХ ЧАСТЕЙ РЕЧИ В АНГЛИЙСКОМ И ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКАХ	
2.1. Виды субстантивации в таджикском и английском языках	49
2.2. Особенности субстантивации прилагательных в таджикском и английском языках.....	60
2.3. Особенности субстантивации местоимений в английском и таджикском языках.....	75
2.4. Особенности субстантивации числительных в английском и таджикском языках.....	87

ГЛАВА 3. СУБСТАНТИВАЦИЯ СПРЯГАЕМЫХ И НЕСПРЯГАЕМЫХ ФОРМ ГЛАГОЛА В АНГЛИЙСКОМ И ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКАХ

3.1. Особенности субстантивации глаголов в таджикском языке и их эквиваленты в английском языке.....	99
3.2. Особенности субстантивации инфинитива в таджикском и английском языках.....	111
3.3. Особенности субстантивации причастий в английском и их эквиваленты в таджикском языке	117
3.4. Особенности субстантивации наречий в английском и таджикском языках.....	130
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	138
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	147

ВВЕДЕНИЕ

Лингвистические исследования последних лет характеризуются большим вниманием к плану функционирования языка и интерес лингвистов к изучению языковых явлений с позиции функционального подхода, позволяющего описать переходные явления, день ото дня возрастает. Особое значение придаётся комплексу проблем, относящихся к функциональному аспекту языковых явлений, в частности, к различным формам перекатегоризации языковых единиц в актах коммуникации, обычно обозначаемых термином «транспозиция».

Однако, в современной лингвистической теории понятие «транспозиция» не получает однозначного толкования и в вопросе о сущности и типах транспозиции исследователи нередко расходятся во мнениях. Одни трактуют явление транспозиции широко, другие наоборот, ограниченно.

На современном этапе развития лингвистической науки целесообразным представляется широкое понимание данного явления как сложного, многогранного механизма, так или иначе определяющего взаимодействие номинативных единиц языка. Концепция транспозиции – это трёхчастная структура, элементы которой участвуют в процессе речепроизводства и потому могут рассматриваться как единство трёх планов: содержания, выражения и функционирования.

В плане содержания транспозиция – особая форма переосмысления, создающего основу категориального изменения знака. В плане выражения транспозиция – совокупность эксплицитных и имплицитных средств выражения переосмысления, сигнализирующих о переводе знака в другую категорию.

В плане функционирования транспозиция – воспроизведение переосмысленного знака в соответствующем контексте, актуализация в определённой речевой ситуации.

При аффиксальной транспозиции план содержания знака определяет его план выражения и соответственно этому, план его функционирования – контекст знака. Но при безаффиксальной транспозиции, когда материально выраженные средство перевода знака в иную категорию отсутствуют, план содержания знака определяет контекст его реализации соответственно коммуникативному намерению говорящего, т.е. определяет его синтаксическую позицию, его возможность выступать в различных синтаксических значениях [Телегин, 1992, 5].

На положительное решение вопроса может повлиять и то обстоятельство, насколько изменение грамматической функции единицы сопровождается или не сопровождается изменением её основного смыслового содержания. Известно, что именно преобладание функционально-грамматического или лексико-семантического элемента при перекатегоризации языковых единиц обусловило подразделение транспозиции на два вида – функциональную и семантическую.

Актуальность темы. Актуальность данной диссертационной работы обусловлена необходимостью сопоставительного исследования субстантивации частей речи в английском и таджикском языках. Проблема субстантивации относится к числу сравнительно нового направления исследования в лингвистике. Сопоставительный анализ морфолого-синтаксического способа словообразования даст возможность выявить особенности и общие черты данного явления в сопоставляемых языках. Необходимо также рассмотреть и отношения между частями речи. Отсутствие специальных монографических работ в сопоставительном плане также указывает на актуальность данной темы исследования.

Степень изученности темы исследования. Явления «переходности» конверсии характеризуют все языки, и проблемы, связанные с ними, представляются актуальными как в общелингвистических исследованиях, так и в исследованиях по отдельным языкам.

Особое значение имеют в связи с этим работы по английскому языку, сама структура которого позволяет расширить границы «переходности» языковых единиц, следствием чего является особенно значительный объём функциональных изменений слов в процессе коммуникации.

Многие авторы считают, что субстантивация – это одно из частых проявлений переходности в грамматическом строе языка. В свою очередь, переходность – один из видов взаимодействия, которое действует повсеместно в языковой системе. Так, Л.В. Борте изучает взаимодействие частей речи на материале однокоренных слов, принадлежащих к разным частям речи [Борте, 1977, 27]. Е.П. Калечиц исследует межкатегориальные связи в частях речи – это субстантивация, адвербиализация, образование отымённых предлогов, а также межкатегориальные связи внутри лексико-грамматического разряда [Калечиц, 1991, 38-61]. В.В. Бабайцева описывает гибридные образования – соединительные звенья между противостоящими типами классификации [Бабайцева, 1967, 21]. О.М. Ким уделяет внимание типам частичечной транспозиции – отсубстантивная, отадвербиальная, отадъективная, отпричастная, отдеепричастная, отглагольная транспозиция, прономолизация, депрономолизация [Ким, 1978, 17].

Явление переходности или транспозиции в частях речи, как считают авторы [А.И. Смирницкий, В.В. Виноградов, В.Г. Мигирин], – одно из частых проявлений в грамматическом строе языка. Одним из первых Ш. Балли разграничил аффиксальные и безаффиксальные переходы, и благодаря его работам, стало очевидно, что средство транспозиции может быть материально выраженным. Такое явление имеет место при употреблении знаков в переносном смысле или с новыми синтагматическими свойствами [Балли, 1955, 131].

Многие лингвисты отмечают [Б.Е. Зернов, Л.А. Телегин в том числе], что транспозиция занимает особое место в системе английского языка, и в результате его исторического развития морфологические показатели полностью исчезают [Телегин, 1992, 17]. От того что наша

тема связана с субстантивацией, мы обратили внимание на неё как на явление. Э.М. Медникова называет субстантивацию самым продуктивным способом словообразования и транспозиции. Но она при этом отмечает, что это верно только «если под абсолютной продуктивностью понимать такое явление, когда для словообразования не существует структурно-грамматических ограничений» [Медникова, 1983, 33-30], что характерно для языков аналитической ориентации. Э.Я. Мороховская указывает, что аналитизм строя языка проявляется в аспекте конструирования языковых единиц и в аспекте их категориального оформления [Мороховская, 1987, 8].

Тенденция к аналитизации в английском языке проявляется, прежде всего, в глагольной парадигме, но в последнее время она заметно становится активной в сфере реализации категории имени.

Аналитический строй языка имеет огромные возможности для субстантивирования разных видов языковых единиц. В английском языке многие слова могут субстантивироваться. Также можно встретить субстантивированные словосочетания и предложения [Громова, 1994, 51].

Результат экономии речевых усилий открывает широкую возможность для субстантивирования. Субстантивация даёт возможность “сокращать выражения мысли” [Кудрявцева, 1989, 115-123], а субстантивные единицы “лишённые образующей избыточности” [Никитевич, 1968, 177-184]. Активность субстантивации в русле тенденции к номинативному способу оформления высказывания вызывает необходимость глубокого изучения её структурно-семантической системы. Если субстантивация прилагательных и причастий изучена в сопоставляемых языках, то субстантивация других видов языковых единиц – ещё мало исследованная область в обоих языках. Зарубежные англисты рассматривают в курсах грамматики субстантивацию числительных, отдельных местоимений и наречий как возможные случаи субстантивации. Поэтому предпринимая попытки описать и

систематизировать все возможные средства передачи значения субстанциальности, представляется важной и необходимой.

Данной теме в русском и английском языках, включая контрастивные исследования с другими языками, посвятили свои работы Ш. Балли, В.В. Бабайцева, А.Я. Баудер, Л.В. Борте, А.Ф. Гайнудинова, Н.П. Голубева, Д.А. Громова, О.М. Ким, Б.Р. Мамедов, В.Н. Мигирин, Э.Д. Саидова, А.А. Смирнова, М.И. Смольянинова, Е.Н. Степанова, Л.А. Телегин, В.А. Чижов, Л.Г. Яцкевич и др.

Проблему субстантивации в таджикском языке начали исследовать сравнительно недавно, и она представлена в работах Д. Таджиева, Ш. Рустамова, Ш. Мухамадиева, в статьях М. Бобомуродова, З. Мухторова, К. Тохирова, Н. Ниёзи, Э. Шоева, Х. Хусейнова, Д.А. Бойбобоева. Заслуживают внимания работы профессора Ш. Рустамова, который опираясь на работы А.И. Смирницкого, подчёркивает, что субстантивация связана с морфолого-синтаксическим способом словообразования [Рустамов, 1981, 96; ЗАХТ, 1983, 182-186; ГЗАХТ, 1985, 126-130].

Его последователем является Ш. Мухамадиев, который отмечает, что решение данного вопроса имеет неоспоримую важность в аспекте определения частиречного статуса. Функции слов в речи, приобретения лексическими единицами парадигм других частей речи в результате воздействия различных факторов влияют на изменение в результате транспозиции грамматического и общекатегориального значения слова [Мухамадиев (б), 2009, 7].

Что касается сопоставительного изучения языков, в нашей республике опубликованы три специальные работы Х.Ю. Яхьяевой [1971, 1973] по сопоставлению английского и таджикского языков, Д.О. Ташпулатовой [2015] по сопоставлению таджикского, русского и французского языков, М.А. Сорокиной [2018], где на материале английского, таджикского и русского языков, затрагиваются также вопросы субстантивации. Вопросы субстантивации в сопоставительном

плане также рассматриваются в работах К. Усмонова [2007, 2011, 2016], в статьях Х.Ю. Яхьяевой [1971, 1973], М.Т. Джабборова [1999, 2000], П. Джамшедова [2008], С. Джаматова [2013], Д.А. Бойбобоева [2014], Д.О. Ташпулатовой [2014], М.А. Сорокиной [2015], и др.

Способность к образованию субстантивов разного рода является не только иллюстрацией тенденции к экономии языковых средств, речевых усилий, но и свидетельством богатства языка, располагающего большим выбором вариативных средств.

Общие сведения о субстантивации также можно найти в работах лингвистов.

Итак, лингвисты трактуют термин «субстантивация» следующим образом: **Субстантивация** (от лат. *substantivum* – *имя существительное*) – переход в класс существительных слов, принадлежащих к другим частям речи. Субстантивация представляет собой один из способов образования слов, имеющих одну мотивирующую основу, при котором субстантивы (существительные, образовавшиеся в процессе субстантивации) не имеют какого-либо специального словообразовательного аффикса [Сазонова, 2008, 544-545].

Под термином «**субстантивация**» понимается субстанциальное переосмысление языковой единицы в процессе функционирования её в условиях, типичных для существительного, без изменения внешнего облика самой единицы [Громова, 1994, 5].

В процессе субстантивации субстантивирующие единицы сохраняют некоторые свои признаки: категорию определённости, неопределённости, множественного числа, категорию притяжательности.

Субстантивация (*субстантивирование*) – переход в разряд имён существительных из другой части речи вследствие приобретённой способности непосредственно указывать на предмет (а не только через его признак) [Сазонова, 2008, 545].

Субстантивация от латинского слова *substantivum* – *существительное* – переход слов других частей речи в разряд имён

существительных, вследствие приобретённой способности непосредственно указывает на предмет, а не только через его признак и т.п. [Ахманова, 2010, 480].

Субстантивацией называется переход в разряд существительных других частей речи, часто без изменения морфологической формы слова [Камянова (а), 2015, 250].

В английской лингвистике этот термин используется широко. В таджикском языке на данное явление обратали внимание и таджикские лингвисты. Таджикский лингвист Ш. Ниёзи ещё в пятидесятые годы прошлого столетия в своей книге “Существительное и прилагательное в таджикском языке” назвал это явление как морфолого-синтаксический способ словообразования существительного [Ниёзи, 1954, 15].

Слова, которые из других частей речи перешли в существительное, или в разных ситуациях используются в качестве существительного называются **субстантиватами** [Рустамов (б), 1972, 12]. Переход частей речи друг в друга считается самым продуктивным способом словообразования [Рустамов, 1981, 176].

В лингвистике переход других частей речи в разряд существительных называется **субстантивацией** [ЗАХТ, 1982, 171].

Решение вопроса субстантивации имеет неоспоримую важность в аспекте определения частиречного статуса и функции слов в речи, приобретения лексическими единицами парадигм других частей речи в результате влияния различных факторов на изменение в результате транспозиции грамматического и общекатегориального значения слова [Мухамадиев (б), 2009, 3].

Как видно из данных теорий, все авторы трактуют процесс субстантивации одинаково, значит, несомненно, мы можем согласиться, что субстантивация как безаффиксальный способ словообразования является одним из самых продуктивных в различных языках, даже в языках разных структурных типов, как английский и таджикский.

Наша работа выполняется на основе функционального подхода к изучению языковых единиц, поскольку единицы, являющиеся объектом данного исследования, функционально зависимы – субстантивы, проявляющие черты существительного и прежде всего приобретающие субстанциальное значение посредством функционирования.

Цели и задачи исследования. Цель данного исследования заключается в подробном и всестороннем анализе особенностей субстантивации частей речи в сопоставляемых английском и таджикском языках. Исходя из данной цели необходимо решить следующие задачи:

- Изучить явление перехода частей речи в английском и таджикском языках и определить их место в морфологии и синтаксические функции;
- Определить место субстантивации в исследуемых языках в ряду других явлений транспозиции;
- Выявить особенности видов субстантивации прилагательных в английском и таджикском языках;
- Проанализировать, и выявить особенности субстантивации спрягаемой формы глагола, числительных, инфинитива, причастий в сопоставляемых языках;
- Определить особенности субстантивацию наречий и других языковых единиц в английском и таджикском языках;
- Раскрыть основные пути и способы субстантивации, особенности и отличительные черты, свойственные каждому из сопоставляемых языков.

Научная новизна диссертационной работы заключается в том, что в ней впервые исследуются способы перехода слов разных частей речи в разряд имён существительных в сопоставляемых языках, выявлены субстантивы разных видов языковых единиц современного английского и таджикского языков, как с точки зрения их возможностей, так и в аспекте действия ограничительных факторов.

Теоретические основы исследования. Теоретической базой нашего исследования послужили научно-теоретические труды российских, зарубежных и таджикских исследователей, таких, как В.В. Виноградов, А. И. Смирницкий, В. Г. Гак, В.Н. Ярцева, Д.А. Громова, Л.А. Телегина, П.П. Голубева, А.М. Бразирович, Р.Н. Валеева, М.Ф. Лукина, А.А. Смирнова, М.И. Смольянинова, Е.Н. Степанова, Е.С. Кубрякова, Ш. Балли, В.В. Бабайцева, А.Ф. Гайнудинова, А. Я. Баудер, О.М. Ким, Э.М. Мараховской, В.Н. Мигирина, В.А. Чижова, Л.С. Бархударова, Д. Таджиева, Ш. Рустамова, Ш. Ниёзи, Н. Масуми, Х. Хусейнова, Ю.А. Рубинчик, Х. Яхьяева и др.

Значительную помощь в написании работы оказали монографии и работы профессоров Д. Таджиева, Ш. Рустамова, Ю.А. Рубинчика, диссертационные исследования Ш. Мухамадиева, Б.Р. Мамедова, Д.О. Тошпулатова, Х.Ю. Яхьяевой, Л. А. Телегина, Д.А. Громовой и др.

Теоретическая значимость диссертационной работы состоит в том, что её результаты могут содействовать дальнейшему формированию и развитию теории субстантивации в исследуемых языках и сопоставительно-типологическому исследованию, в частности. Результаты исследований можно также применять при изучении различных теоретических проблем словообразования - конверсии в различных её проявлениях.

Практическое значение диссертационной работы заключается в том, что сформулированные по итогам исследования выводы могут быть применены в научной разработке по вопросам субстантивации частей речи других языков и при обучении английскому языку в таджико-язычной аудитории. Фактический материал может быть полезным и использован в процессе создания теоретического курса «Сравнительная типология английского и таджикского языков» для вузов республики, а также при написании дипломных и курсовых работ студентами на факультетах иностранных языков.

На защиту выносятся следующие положения диссертации:

– Субстантивация широко распространена в обоих исследуемых языках. Практически любая часть речи может быть субстантивирована. Однако в таджикском языке наиболее развита субстантивация прилагательного, причастия и глагола, в английском – субстантивация прилагательного, причастия и местоимённого прилагательного. Субстантивация – как один из видов конверсии является наиболее продуктивным способом словообразования в исследуемых языках;

– Английские и таджикские субстантивированные единицы демонстрируют сходство в семантике, что проявляется в совпадении наиболее характерных базовых моделей и основных семантико-тематических категорий;

– В структурном плане субстантиваты в большинстве случаев в сравниваемых языках имеют некоторую тождественность: семантически-тематически они соответствуют однословной форме;

– В отличие от английского языка, субстантивация таджикского языка сохраняет грамматические характеристики исходной части речи и в таджикском языке субстантиваты приобретают грамматические признаки существительного, т. е. флективные признаки существительного;

– В исследуемых языках субстантиват обладают большим функционально-стилистическим потенциалом: участвуют в создании образной системы художественных произведений; реализуют информативно-эмотивный язык; являются тематически специализированными элементами в стилистике делового общения.

Объект и материал исследования. В качестве объекта исследования выступает субстантивация частей речи английского и таджикского языков. Фактический материал данной работы собран в объёме свыше трёх тысяч карточек из литературных произведений таджикских и английских писателей, переведённые с таджикского на английский и с английского на таджикский язык. Также использованы примеры из

художественной литературы с русского, переведённые на английский и таджикский языки. В незначительном объёме также использованы примеры, переведённые информантами, преподавателями кафедры иностранных языков Худжандского госуниверситета, владеющими английским и таджикским языками.

Предмет изучения диссертации. Данная работа выполняется на основе функционального подхода к изучению языковых единиц, так как единицы, являющиеся объектом нашего исследования, функционально зависимы, это – субстантивы, проявляющие черты существительного, и, прежде всего, приобретающие субстанциальное значение посредством функционирования.

Методы исследования. В работе использованы приёмы сопоставительного и типологического языкознания. При этом материал каждого из сопоставляемых языков подвергается анализу с точки зрения его системы. Наряду с этим, материалы рассматриваются с точки зрения системы первого языка и её аналогов и расхождений во втором, и наоборот.

Апробация работы. Основные положения диссертации изложены на ежегодных традиционных научных конференциях учёных и аспирантов Худжандского государственного университета имени акад. Б. Гафурова в 2010 – 2019 годах. По теме диссертации прочитаны научные доклады на научно-теоретических семинарах общеуниверситетской кафедры иностранных языков ХГУ имени акад. Б. Гафурова в 2010 – 2019 годах. По теме диссертации опубликованы шесть статей в различных изданиях республики, в том числе четыре статьи в изданиях, рекомендованных ВАК МО РФ и ВАК МО РТ. Одна из статей опубликована в журнале «Современный учёный» (№ 3, 2017) города Белгорода Российской Федерации. Диссертация обсуждена на заседании общеуниверситетской кафедры иностранных языков ГОУ «ХГУ имени академика Б. Гафурова» и рекомендована к защите (от 29.11.2019 – протокол № 4).

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, трёх глав, заключения, библиографии и списка источников фактологического материала.

ГЛАВА I. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕХОДА ЧАСТЕЙ РЕЧИ В АНГЛИЙСКОМ И ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКАХ

1.1. Факторы перехода частей речи

Все языки характеризуют явление «переходности» и те проблемы, которые связаны с ней. Они являются значимыми как в исследованиях по отдельным языкам, так и по общелингвистическим.

Проблема транспозиции во всех своих проявлениях, особенно в самой распространённой форме субстантивации, исследована во многих языках: в русском, английском, немецком, узбекском и др. языках, и в том числе, в таджикском [в работах Ш. Рустамова, Ш. Ниёзи, Ш. Мухамадиева], но специальные работы по сравнительному исследованию субстантивации в таджикском и английском языках до сих пор отсутствуют, если не учитывать несколько небольших статей. Важность изучения переходных явлений показана в работах А. И. Смирницкого, А.А. Телегина, Д.А. Громовой, Ш. Рустамова, Ш. Мухамадиева.

В современных учебниках по грамматике таджикского языка для вузов [1963, 1965], где раздел «Переход в существительные других частей речи» принадлежит Ш. Рустамову, также приводятся общие сведения о субстантивации прилагательных, причастий, глаголов и числительных. Автор подчёркивает, что субстантивацию частей речи можно разделить на историческую и текстовую [Рустамов, 1983, 178]. С точки зрения образования, Ш. Рустамов считает субстантивацию одним из морфологических и синтаксических способов словообразования. «Переход из одной части в другую без словообразовательных морфем является одним из известных способом словообразования [Рустамов, 1985, 126].

Возможности субстативации прилагательных и других частей речи подчёркиваются Ю.А. Рубинчиком в грамматике персидского языка, где делается упор на тот факт, что «при реализации модели «прилагательное-существительное» происходит субстантивация имён прилагательных.

Наиболее часто это явление — результат эллипсиса определяемого компонента в атрибутивном словосочетании, в этом случае прилагательное берёт на себя функцию всего словосочетания, приобретает новое лексико-грамматическое значение и превращается в существительное [Рубинчик, 2001, 169].

Переход частей речи друг в друга является самым популярным способом словообразования в обоих сопоставляемых языках. На их продуктивность влияют как внеязыковые, так и языковые факторы. Неязыковые факторы – это необходимость в номинации новых понятий, которые появляются по ходу прогресса науки и техники, влияния моды, а также в результате общественно-экономического развития.

К языковым факторам относятся внутриграмматические параметры, т.е. грамматический строй языка, стилистические факторы и тенденция к экономии речевых усилий.

Все лингвисты считают, что переход частей речи занимает особое место в системе словообразования, вообще, и в исследуемых языках, в частности.

А.А Шахматов назвал процессы перехода частей речи из одной в другую такими терминами как «субстантивация», «адвербиализация», «адъективация» и др. [Шахматов, 1941, 231].

Как отмечает А.М. Пешковский, «переход – следствие того, что отдельные слова на почве звуковых изменений значения, происходящих в них самих, связанных с ними ассоциативно слова, медленно и постепенно переходят из одной категории в другую» [Пешковский, 1956, 128].

По мнению И.В. Арнольд, каждая часть речи имеет свою специфику и может транспонироваться, т.е. переходить в другую часть в зависимости от присущих ей грамматических категорий и способов их выражения [Арнольд, 1959, 108].

В.В. Виноградов в отношении перехода частей речи высказывает следующее: «В живом языке нет идеальной системы с однообразными резкими и глубокими гранями между разными типами слов.

Грамматические факты двигаются и переходят из одной категории в другую, нередко разными сторонами своими, примыкая к разным категориям» [Виноградов, 1975, 43].

Л.А.Телегин отмечает: транспозиция и переход являются основными механизмами, обеспечивающими взаимодействие слов в языке. Их результаты распознаются лишь в речевом употреблении, в определённой синтаксической позиции [Телегин, 1992, 25].

Ещё одной причиной фактора перехода частей речи является характер мышления и его связи с объективной действительностью. Язык – это отражение объективной действительности. И в связи с этим все причины явлений, происходящих в языке, можно отыскать в реальном мире.

Объективная действительность отражается человеческим мышлением. В результате перехода слов увеличивается их количество. Это не требует дополнительных усилий для запоминания и этот процесс можно рассматривать как стремление к экономии. Причём как говорящий, так и слушающий понимают друг друга без дополнительных объяснений, иначе они использовали бы гораздо большее количество слов.

Ср: *He had no feeling of his left hand but he broke all he could with his right and the line rushed out* [Hemingway, 106]. ~ *Ў дасти чапашро ҳис намекард, бинобар ин, бо тамоми қувва кӯшиш кард, ки бо дасти рост ресмонро нигоҳ дорад, аммо ресмон ҳамоно беист лағжида рафтан мегирифт* [Хемингвей, 107].

...though the big hospitals and the houses in Krems converted into military hospitals they could no longer accommodate all the sick and wounded... [Tolstoy, 150]. ~ *... агарчанде, ки дар госпиталҳои калон ва хонаҳои ба лазаретҳо табдил додашудаи Кремс барои беморон ва ярадорон дигар ҷой набуд...* [Толстой, 225].

*Рӯзе аз рӯзҳо ҳокими биёбон – деви Ҳафтқалла роҳгузар шуда, ин ҷои ободро дида, ба ғазаб омад [Шукӯҳӣ, 309]. ~ However, one day the **Seven-Headed monster**, the master of the desert, was passing by [Shookuhi, 20].*

*Баъди як сол Ҳафтқалла боз роҳгузар шуда он деҳаро дид, ки сабзу хуррам аст [Шукӯҳӣ, 309]. ~ A year later, the **Seven-Headed monster** was again checking out his territory [Shookuhi, 20].*

В последнем предложении в таджикском варианте если использовать *Ҳафтқалла* вместо *деви Ҳафтқалла*, смысл предложения понятен как говорящему так и слушающему. А в английском переводе *Ҳафтқалла – the Seven-Headed monster* не подлежит сокращению.

*Як вақт корфармо омада бо бели оҳанини новашакл аз он қуттӣ орд гирифта бар рӯи лаълии чӯбин пошид ... [Айнӣ (1), 26]. ~ The **halva-maker** scooped out some flour with a large metal shovel and spread it out on the tray... [Aini (1), 49].*

В данном примере мы видим, что причастие *корфармо* субстантивировалось и обозначает *работодатель, хозяин*, а в английском языке, как мы видим, *корфармо* переводится *the halva-maker – человек делающий халву, кондитер*.

*Белзанон бар рӯи белҳои худ хаамири қиёминро бардошта бурда, бар рӯи лаълии чӯбин рехтан гирифтанд [Айнӣ (1), 26]. ~ The **workers** began shoveling out the syrupy dough onto the wooden tray [Aini (1), 49].*

Во втором предложении прилагательное *белзан* (*копающий, вскапывающий*) тоже, переходя в существительное, субстантивируется. А в английском языке данная единица переводится *worker*, которое само по себе является существительным.

Итак, одним из главных факторов возникновения новых слов в языке является необходимость компенсации недостающих в языке лексем для отображения сторон объективной действительности. К ним также относятся такие стимулы, как необходимость в номинации новых

понятий, появляющихся в результате общественно-экономического развития, прогресса науки и техники, а также влияния моды.

Другие причины, вызывающие трансформационный процесс, зависят от специфики свойств конкретной части речи, которая выступает в роли исходной, и от лексико-грамматических свойств, коммуникативного содержания лексико-грамматического класса, выступающего в роли трансформанта.

Изучение данного вопроса важно для решения проблемы переиздания старых и создания новых словарей.

1.2. Явление перехода частей речи в существительные в таджикском и английском языках и их место в морфологии

Когда речь идёт о переходе или двустороннем переходе в английском языке, имеется в виду конверсия. Но в трактовке данного термина и его использовании лингвисты расходятся во мнениях. Многие лингвисты считают, что конверсия – это переход глагола в существительное и наоборот. Но лингвист Э. Пеннанен даёт другое определение: «конверсия – использование определённого слова в качестве слова другой части речи, или транспозиция слова в другой лексико-грамматический класс» [Pennanen, 1971, 50].

Конверсия и субстантивация – это разные способы словообразования. У них много общего, но есть также существенные различия. Общее между ними то, что они относятся к номинативным средствам оформления человеческой мысли – явления межчастеречной переходности. Как субстантивация, так и конверсия – это семантико-синтактико-морфологические способы словообразования [Лопатин, 2008, 570].

В процессе исторического развития в фонологической, грамматической и лексической системах языков происходят различные изменения. Например, переход одной части речи в другую носит частный

характер, затрагивая лишь словообразовательную категорию, которая считается одним из способов обогащения словарного запаса языка.

В таджикском языке также наблюдается явление перехода частей речи без морфем, которое является одним из наиболее известных способов словообразования [Рустамов, 1981, 176].

Вопросом словообразования в таджикском языке занимались лингвисты К. Тахирова, М. Шукуров, Ш. Рустамов, Ш. Мухамадиев и другие. Они обратили своё внимание также и на трудности классификации частей речи таджикского языка, так как зачастую трудно отграничить существительное от прилагательного, с одной стороны, и прилагательное от наречия, с другой стороны, что тесно связано с исчезновением категорий падежа и рода в системе этих частей речи.

Ш. Рустамов разделил способ словообразования существительных на несколько групп: а) морфологический способ – с суффиксами и префиксами;

б) синтактико-морфологический способ – составные существительные;

в) лексико-синтаксический способ – переход фраз в состав сложных слов;

г) аббревиация;

д) морфолого-синтаксический способ – переход частей речи из одного класса в другой [Рустамов, 1981, 96].

Последний способ словообразования называется транспозицией.

Х. Хусейнов, определив субстантивацию как переход других частей речи в существительное, подчёркивает возможности субстантивации прилагательных, числительных, глаголов и подражательных слов в таджикском языке. Автор разделяет субстантивы на три вида: полная, неполная и временная (*мувақати*) [Хусейнов, 1983, 173-174].

Все случаи транспозиции определяются лингвистами по-разному: 1) переходность или переход [Бабайцева, 1967; Баудер, 1988]; 2) транспозиция [Балли, 1955; Гак, 1990; Громова, 1994; Ахманова, 2010]; 3) трансформация [Немченко, 1975; Лукин, 1982]; 4) конверсия [Есперсен,

1958; Арбекова, 1977; Рустамов, 1981, Мухамадиев, 2009; Джоматов, 2013, Джабборова, 1989]; 5) синтаксическая деривация [Курилович, 1982].

Данный термин произошёл от латинского слова *transpositio* – «переход». В лингвистическом энциклопедическом словаре под ред. В.Н. Ярцевой данный термин приведён в трактовке В.Г. Гака следующим образом: **Транспозиция** от средневекового латинского слова *transpositio* – *перестановка* – использование одной языковой формы в функции другой формы – её противочлена в парадигматическом ряду [Гак, 1990, 519].

В широком смысле транспозиция – перенос любой языковой формы, например транспозиция времён, наклонений и др. Данный термин также используется для обозначения метафор и иных переносов в лексике.

В основе транспозиции лежит семантическое или функциональное сопоставление языковых единиц; это отношение и процесс, в котором различаются 3 элемента: исходная форма (*транспонируемое*), средство транспозиции (*транспозитор*), результат (*транспозит*). Транспозитор представляет собой знак связи между определяемым и определяющим. Транспозиция – одно из следствий и форм проявления *асимметрии* в языке, она играет большую роль в устройстве и функционировании языка. Благодаря транспозиции расширяются номинативные возможности языка, сочетаемость слов, создаются синонимы для выражения оттенков значения [Гак, 1990, 519].

В более узком смысле транспозиция или функциональная транспозиция – перевод слова или основы слова из одной части речи в другую или его употребление в функции другой части речи.

Различаются 2 этапа транспозиции:

1) неполная или синтаксическая транспозиция, при которой изменяется лишь синтаксическая функция исходной единицы без изменения её принадлежности к части речи. Средствами такой транспозиции являются словоформа, служебное слово, десемантизированное слово в полуслужебной функции, окружение;

2) полная или морфологическая транспозиция, при которой образуется слово новой части речи. Средством её является аффиксация или конверсия. Различение морфологической и синтаксической конверсии при транспозиции – одна из сложных проблем лингвистического анализа.

В зависимости от категории, в которую или функции которой переходит слово (его основа), различают: субстантивацию (переход в класс существительных), адъективацию (переход в класс прилагательных), вербализацию (оглаголивание), адвербиализацию (переход в класс наречий), прономализацию (переход в класс местоимений) [Гак, 1990, 519].

Впервые теория транспозиции была разработана Балли, О. Есперсоном, А. Сеше и А. Фреем. Л. Теньер дал описание видов транспозиции под названием «трансляция», различая транспозиции первой степени, т.е. перевод слов из одной части речи в другую или второй степени – перевод предложений в функцию существительного, прилагательного, наречия [Теньер, 1988, 105].

Идея транспозиции лежит в основе трансформационного метода. В работах Е.С. Кубряковой, В.В. Виноградова транспозиция исследуется в связи с вопросами словообразования, синтаксической синонимии, семантического синтаксиса, теории тропов и др.

В случае транспозиции имеют место использование одной языковой единицы в функции другой, а также переход слова из одной части речи в другую, изменение функции слова в речи, усвоение новых грамматических свойств, появление новых отношений с другими словами; при этом теряется связь с прежними отношениями, когда имеет место семантический подход.

Явление «переходности» характеризует все языки и проблемы, которые связаны с данным явлением, представляются актуальными в общелингвистических исследованиях, а также в области сравнительной типологии.

В сопоставляемых языках в процессе перехода если слова, которые принадлежат к одной определённой части речи, изменяют свои основные

лексические значения, приобретают черты другой части речи и при этом получают её морфологические признаки, то в соответствии с этим меняются их синтаксические функции.

Например: *The family was at one time among the **richest** in England, and the estates extended over the borders into Berkshire in the north, and Hampshire in the west* [Doyle, 91]. ~ *Замонхое буд, ки оилаи Ройлоттҳо яке аз **бойтарин оилаҳо** дар Англия буд. Ройлоттҳо дар шимол дар Бекшир, дар ғарб – дар Гемпшир мулкҳои зиёде доштанд* [Дойл, 137].

В данном предложении английское прилагательное *rich* в превосходной степени обозначает предметное слово, т.е. субстантивируется. Оно принимает показатель существительного, т.е. определённый артикль *the* и выполняет синтаксическую функцию дополнения в предложении.

Или другие примеры:

*Ah, yes! I f-forgot the obligations of hospitality here in Italy; they are a wonderfully hospitable people, these **Italians**. I'm sure the **Austrians** find them so* [Voynich, 92]. ~ *Ҳо, бале, ман фаромӯш кардаам, ки **италиёниҳо**, бисёр меҳмондӯст ҳастанд. Оре, фавқулода меҳмондӯст ҳастанд ва ман яқин дорам, ки **австриягиҳо** ҳам инро тасдиқ мекунанд* [Войнич, 108].

*“Be careful or you will fear even the **Reds** of Cincinnati and the **White Fox** of Chicago.”* [Hemingway, 16]. ~ *Эҳтиёт бош, вагарна аз **Сурхҳои Синсиннатӣ** ва **Ҷуробсафедони Чикаго** ҳам метарсӣ* [Хемингвей, 17].

Таджикско-английские примеры:

*Дар ҳар ду тараф ду саф тартиб дода, бачагони хурдро дар пас ва **калонтаронро** дар пеш гузошт* [Айнӣ (2), 9]. ~ *He formed two rows on each side, with the small boys at the rear and the **big ones** at the front* [Aini (2), 8].

*Хайбар саги бисёр ҳушёр буда, дар андак вақт ҳамаи **гуфтаҳои** моро фаҳманда ва вазифаи асосии худро донанда шуда монд* [Айнӣ (1), 53]. ~

*Khaibar was a highly intelligent dog. In a very short time he understood everything we **said** to him and thoroughly knew his duties* [Aini (1), 73].

В данном примере мы видим переход причастия в существительное. Причастие *гуфта*, переходя в существительное, принимает формант множественного числа *-ҳо* и изафет *-и*, которые свойственны имени существительному. Хотя *гуфта* причастие, но здесь оно выражает абстрактное существительное. И то же самое с другими примерами:

Хоҷагон, хусусан хоҷагони мираконӣ ва ғиҷдувонӣ, ба дуохонӣ ҳам машғулӣ мекарданд: мардум беморон ва девонагонро аз атроф ба хонаҳои онҳо меоварданд ва онҳоро ба сари беморони барҷомондаи худ бурда мехонанд ва бо ҳамин восита ба он беморон “шифо” меҷустанд [Айнӣ (1), 9]. ~ *The Khojas, especially the Mirakonis and Ghijduvonis, also had a sideline in prayer healing: the sick and crazed were brought from everywhere around to their houses, where they recited prayers over them in order to cure them* [Aini (1), 32].

Современная классификация слов по частям речи не может быть полной, если в ней не отражены явления перехода слов из одной группы в другую. Результат такого перехода слова образует новое слово, и это новое слово имеет свои морфологические и синтаксические признаки. Такой переход называется морфолого-синтаксическим способом словообразования, как было отмечено выше [Рустамов, 1985, 126; Мухамадиев (а), 2009, 5].

В зарубежной лингвистике данным вопросом особенно интересовался Ш. Балли. Кроме Ш. Балли, на данное явление обратили внимание многие другие зарубежные лингвисты [Есперсен, 1958; Мигирин, 1971; Телегин, 1992; Громова, 1994]. Таджикские лингвисты [Тахирова, 1967; Ниёзи, 1954; Сияев, 1967; Рустамов, 1972, 1981; Шоев, 1986; Мухамадиев, 2008, 2009] опираясь на работы А.И. Смирницкого [1953] и В.В. Виноградова [1975], внесли свой вклад в исследование

данного и одного из наиболее важных вопросов словообразования в таджикском языке. В данной сфере мы поддерживаем мнение В.В. Виноградова [как и Н. Ниёзи, Ш. Рустамов] в том, что морфологосинтаксический способ словообразования может охватывать те случаи, где изменения категориального значения сопровождаются изменениями в морфологической парадигме и синтаксической функции слова [Виноградов, 1975, 158].

В теоретическом курсе грамматики современного английского языка В.Н. Жигадло дал объяснение явлению перехода одной части речи в другую. Хотя каждая часть речи, отмечает он, имеет свои особенности, которыми она отличается от других частей речи, между ними нет непроходимой границы. Поэтому в процессе развития языка при наличии соответствующего значения становится возможным употребление одной части речи в функции, преимущественно свойственной другой части речи; возможен переход слова из одной части речи в другую, и, наконец, в едичных случаях возможно существование таких лексических единиц, которые совмещают в себе показатели двух или более частей речи [Жигадло, 1956, 18].

Многие лингвисты под понятием «переход» понимают исключительно безаффиксальный переход. Но, с другой стороны, некоторые учёные под термином «переход» подводили все случаи транспозиции: *аффиксальный и безаффиксальный*. Е.С. Кубрякова для обозначения той области данного явления, где материально выраженный транспозитор отсутствует, употребила термин «безаффиксальная транспозиция» [Кубрякова, 1981, 29].

Например: *“True- the man must live, - replied the youg married”* [London, 38] ~ *“Ҳақ аст – одам бояд зиндагӣ кунад, - ҷавоб дод навҷавон”* [Лондон, 63].

...I am a trite commonplace sinner, hackneyed in all the poor petty dissipations with which the rich and worthless try to put on life [Bronte, 121].

~ ... ман на бо сабаби майли табиӣ, балки зиёдтар бо сабаби таъсири вазъият як гунаҳкори муқаррариям, ки ҳама гуна дилхушиҳои ночизро аз сар гузаронидаам, ончуноне **сарватмандон** ва ҳамин гуна **одамони ночиз** ба онҳо дода мешаванд [Бронте, 133].

В таджикском языке также наблюдается как аффиксальный, так и безаффиксальный переход.

Например, *Аз бозе, ки ин қарзро ман ӯ гирифтам, аҷаб нест, ки ҳар шаб ба болои ҳамин пул фикр кунад, бинобар ин аз ҳама пештар хотирҷамъ кардани **пиракиро** лозим донистам* [Айнӣ (1), 21]. ~ *I wouldn't be surprised if he worried about the loan every night from the time I took it to the time I paid him back. So I knew that I had to put the **old man** at ease before all the other debts were settled* [Aini (1), 45].

***Бемор** чашмонашро пӯшид* [Айнӣ (1), 149]. ~ *The **sick man** closed his eyes* [Aini (1), 173].

В первом предложении субстантивированное прилагательное приняло суффикс *-ӣ*, хотя данный суффикс – словообразовательный суффикс прилагательного. Он образовал абстрактное существительное, указывающее на признак человека – *пиракӣ* (старик).

Во втором предложении наблюдается безаффиксальный переход прилагательного в существительное. *Бемор* (больной) в данном примере выражает конкретное существительное, выполняя синтаксическую функцию подлежащего.

Явление перехода частей речи находится на стыке двух языковых уровней: морфологии и словообразования. Когда речь идёт о переходе одной части речи в другую, то это связано с морфологией. И наоборот, когда мы говорим о переходе одной языковой единицы в другую, то это связано с лексикологией.

В частности, Е. Курилович после наблюдения изменения между знаками языка, определил их терминами «лексическая деривация» и «синтаксическая деривация» [Курилович, 1982, 61].

Говоря об отождествлении этих двух явлений, можно прийти к выводу, что они не одинаковы. Зависимость между ними односторонняя. Если деривация всегда транспозиция, то не всегда транспозиция – деривация [Телегин, 1992, 16].

В акте транспонирования исходная форма неизбежно подвергается тому или иному изменению. Когда это изменение можно классифицировать по принадлежности к той или иной категории – лексико-семантической, морфологической или синтаксической, мы можем утверждать категориальный характер этого изменения.

В таджикской лингвистике данный вопрос тоже считается морфолого-синтаксическим способом словообразования в области морфологии [ЗАХТ, 1983, 135].

Таджикский лингвист М.Б Шахобова в своей книге «Опыт сопоставительного исследования строя таджикского и английского языков» отметила, что безаффиксальный способ словообразования – это такой способ словопроизводства, при котором одно и то же слово употребляется в функции разных частей речи, не изменяя свою внешнюю форму. Например, *бад – bad, бад – badness* [Шахобова, 1985, 92].

В результате действия безаффиксального перехода отдельные слова приобретают грамматический статус другой части речи или функционируют в новом грамматическом качестве, не выходя за рамки синтаксического варьирования. В первом случае происходит омонимичное расщепление слова на две и более самостоятельные единицы, во втором имеет место сосуществование разных синтаксических функций в пределах слова той или иной части речи.

Из анализа лингвистической литературы и приведённых примеров можно констатировать, что в результате перехода частей речи в сопоставляемых языках образуется новое слово, которое в отличие от

мотивирующего слова, бывает полным или неполным, а также имеет свои морфологические и синтаксические признаки. В словообразовании оно определилось морфолого-синтаксическим способом словообразования. Поэтому явления перехода частей речи в сопоставляемых языках находятся на стыке двух языковых уровней – морфологии и словообразования. При этом мы должны принимать во внимание то, что импульсы данного явления идут от синтаксиса. Соответственно занимаемой синтаксической позиции знак принимает и морфологические признаки – соответствующую парадигму. Так что импульсы морфологии являются подчинёнными импульсам синтаксиса.

1.3. Переход частей речи в существительных как синтаксическое явление и его стилистические функции

В сопоставляемых языках, хотя каждая часть речи имеет свои особенности, которыми она отличается от других частей речи, между ними нет непроходимой границы. Поэтому и процесс развития языка при наличии соответствующего значения становится возможным употребление одной части речи в функции, преимущественно свойственно другой части речи, возможен переход слова из одной части речи, в единичных случаях возможно существование таких лексических единиц, которые совмещают в себе показатели двух или более частей речи.

Части речи могут быть многофункциональны, т.е. это способность выполнить несколько функций.

Термин «функция» обычно используется в значении синтаксической функции члена предложения. Данный термин имеет в виду наличие функциональной связи между членами предложения и частями речи [Мещанинов, 1978, 134]. Из этого следует, что слово является многофункциональным, если оно употребляется в функции различных частей речи, при этом оно не меняет свою частиречную принадлежность.

Многофункциональность очевидна при актуализации языковых единиц, т.е. при переводе слов из абстрактной языковой сферы в

конкретную речевую. Противопоставление языка и речи как следствие этого, различие двух модификаций слова – виртуального слова как единицы системы языковых средств и актуального слова как единицы актуальной речи – прочно вошли в теорию и практику лингвистического анализа.

При актуализации слово помещается, в какой-нибудь синтаксический контекст, ту синтаксическую позицию в словосочетании или предложении, которая соответствует их основному значению как слово определённой части речи. Но в процессе функционирования языка многие слова оказываются помещёнными в несвойственный для них синтаксический контекст. Приспосабливаясь к конкретной ситуации, слова отступают от привычных норм и средств актуализации и выполняют новую функцию. Здесь можно представить две возможности:

- 1) Употребление слова в новой функции ограничено данным контекстом и при этом оно остаётся на уровне индивидуального или окказионального использования – это **окказиональная транспозиция**.
- 2) Слово в новой функции выходит за рамки данного привычного контекста. Оно расширяет сферу своего употребления и приобретает устойчивый характер. Здесь можно увидеть **узую транспозицию**.

Проявление многофункциональности — это также способность языковой единицы накапливать семантико-синтаксические свойства, изначально ей несвойственные. Многофункциональность – одновременно и потенция языковых единиц, и реализация этой потенции, которая приводит к транспозиции.

Многофункциональность не обязательно предполагает изменение категориальной принадлежности слова. Ряд глаголов английского и таджикского языков развивают несколько функций, ни одна из которых не приводит к изменению частиречной принадлежности. Речь идёт о глаголах *be, do, have, become, get* в английском языке и *тавонистан (уметь), хостан (хотеть), боистан (быть необходимым), будан (быть), шудан (становиться), гардидан (быть, становиться)* в таджикском языке,

способных выполнить функцию основного, вспомогательного, связочного или модального глаголов.

Исследования многих учёных [Есперсен, Виноградов, Кубрякова] показали, что между значениями различных частей речи нет непроходимых границ, и слово в силу его семантико-ономасиологической многоплановости может оказаться выразителем разнообразного содержания.

Многофункциональность реализуется в трёх частях транспозиции: конверсии, переходе и синтаксическом варьировании. Первые два вида разрушают грамматическое тождество знака, третий вид не приводит к этому. У данного вида потенция остаётся нереализованной на данном уровне выделимости слова, так как часть речи этого слова не меняется.

В настоящее время, благодаря исследованиям логиков, философов и лингвистов, всё многообразие окружающего мира может быть подведено под две общие ономасиологические категории – предметность (субстанциальность) и признаковость. Иначе говоря, то, что подлежит названию, может быть названо в данном языке либо как предмет, либо как его признак.

Теоретически в качестве предметного понятия может быть представлена практически любая языковая единица. Предметно может быть представлено то, что является субъектом нашей мысли. Итак, предметное понятие в структуре предложения может занимать позиции подлежащего, дополнения и предикативного члена. Например,

*"Why **that** in particular? **That's** merely a part of the general wrong. The bad principle is that any man should hold over **another** the power to bind and loose. It's a false relationship to stand in towards one's fellows"* [Voynich, 98].

~ Чаро махз **хамин**? **Ин** фақат як **чиҳати** бадӣ аст. Бадии калон дар ин аст, ки ба як нафар одам ҳуқуқи аз болои **дигар** ҳуқумронӣ кардан дода шудааст [Войнич, 114].

“*Who gave **this** to you?*” [Хемингвей, 20] ~ *Ки **инро** ба ту дод?* [Hemingway, 21].

Примеры на таджикском языке:

*То ҳол шумо ба ман ҳар чизе, ки медод, барои хотири ин ҷавони хушовоз буд ва он чизҳо ҳаққи **инҳост*** [Айнӣ (1), 111]. ~ *Whatever you have given so far was in appreciation of these two fine young singers, and **is their** property* [Aini (1), 131].

Некоторые лингвисты [Кубрякова, 1981] считают, что переход частей речи друг в друга относится к лексическому процессу. Например, субстантивация характеризуется стилистически нейтральной окраской, и сфера употребления не ограничена строго определённым стилем.

*"The **fools** are in love with him as if he were a woman"* [Voynich, 99]. ~ *Ин **хирсҳои** дупо ёро монанди духтар нағз мебинанд* [Войнич, 252].

*-**Шайтонҳои** дупо! Агар минбаъд ба чормағз баромаданатонро бинам, худам поятонро зада мешиканам* [Шукӯхӣ, 395]. ~ *“**You two mischief-makers!**” he cried. “If I ever see you getting up in this walnut tree again, I will pull you down myself”* [Shookuhi, 46].

Переход носит двуплановый характер. С одной стороны – это явление синтаксического полуфункционализма, т.е. употребление слова одной части речи; с другой стороны, это – синтактико-морфологический процесс, благодаря которому возникают новые слова. Результаты двух планов не отождествимы, так как употребление слова в функциях других частей речи не всегда приводит к появлению новой лексической единицы соответствующей части речи [Телегин, 1992, 40].

Помещение единицы в определённый синтаксический контекст при актуализации предполагает одновременно соответствующую морфологическую оформленность этой единицы. Чем беднее инвентарь морфологических средств актуализации в языке, тем больше будет возможностей для развития у его единиц многофункциональности, и тем очевиднее будут её проявления. Материал английского языка может

послужить характерным примером данного явления благодаря своим особенностям языка аналитического строя. Это – морфологические показатели частей речи, приводящие к совпадению форм, которые получают определённую в соответствующей синтаксической позиции в предложении. Это также твёрдый словопорядок, благодаря которому за каждой позицией в предложении закрепляется соответствующая функция [Воронцова, 1960, 8].

Исследования многих учёных [Есперсен 1958; Виноградов 1975; Уфимцева 1986] показали, что между значениями различных частей речи нет непроходимых границ, и слово в силу его семантико-ономасиологической многоплановости может оказаться выразителем разнообразного содержания.

Для каждого члена предложения языковая система выработала наиболее типичные формы выражения: для подлежащего и дополнения – существительное, для сказуемого – глагол и т.д., так что категории значения исторически формируются в соответствии с синтаксическими функциями слова в составе предложения. Синтаксические свойства слов определённой части речи определяются их значениями.

Первичные синтаксические функции вытекают из лексических значений частей речи и представляют собой своего рода транспозицию значений [Курилович, 1982, 61].

При определении части речи нельзя игнорировать её значение, его непременно следует поставить на первое место. А синтаксические функции частей речи, не определяют их значения.

Подводя итог точки зрения разных учёных [Баудер, Кубрякова, Иванова, Телегин, Ярцева] на принципы классификации частей речи, видно, что, по общему мнению, самыми существенными моментами в классификационном процессе являются, категориальное значение части речи и её синтаксическая функция в предложении. То, что является существенным для части речи как класса слов, будет существенным и для перехода, поскольку при переходе оказываются затронутыми именно

семантика и функция знака. Семантика переосмысливается, функция меняется соответственно занимаемой синтаксической позиции. В результате приобретения знаком чуждой, несвойственной для его морфологической природы синтаксической функции, знак меняет свой морфологический статус и переходит в иную часть речи. Знак не меняет свой статус, если его употребление в данной синтаксической позиции не носит регулярного характера. В знаке сосуществуют два категориальных значения – исконное и дополнительное. Если употребление становится неоднократным, то знак, приспособляясь к новым условиям, меняет свой морфологический статус и одновременно с ним категориально-семантический и лексический статус.

В результате действия транспозиции отдельные слова либо приобретают грамматический статус части речи, либо функционируют в новом для них грамматическом качестве, не выходя за рамки синтаксического варьирования. В первом случае происходит омонимичное расщепление слова на две и более самостоятельные единицы, во втором имеет место сосуществование разных синтаксических функций в пределах слова той или иной части речи.

1.4. Место субстантивации в ряду других явлений «транспозиции»

Поиски учёными ответа на вопрос, что такое «субстантивация», начались давно. Как считают многие авторы, субстантивация – это одно из частых проявлений переходности в грамматическом строе языка. В свою очередь, переходность – один из видов взаимодействия, которое действует повсеместно в языковой системе [Громова, 1994, 26]. Лингвисты, занимающиеся изучением частей речи в целом и проблемами существительного, касаются вопроса о значении «переходных явлений» и по-разному осмысливают «переходность» частей речи. Большинство из них [Лукин, 1982; Зернов, 1990; Телегин, 1992] при любом подходе к проблеме

переходности признают два значения данного термина: полный и неполный. Полный переход — это словотворческий процесс изменения, нейтрализации или утраты трансформирующимся словом совокупности семантических, синтаксических и морфологических признаков, которые были присущи ему до перехода, и приобретение лексико-грамматических признаков той части речи, в которую это слово переходит. Полный переход относится к явлениям диахронного порядка как процесс постепенного накопления словами исходной части речи элементов нового качества.

Накопления и закрепления их в производном слове, следовательно, растянуты во времени и поэтому могут проявляться в разной степени, т.е. кроме полного перехода различают частичный переход, а также промежуточные стадии этого процесса. Многие авторы [Бабайцева 1967; Мигирин 1971; Баудер 1988] неполным переходом называют изменение синтаксической функции слова.

Полный или неполный переход единиц зависит не только от времени развития переходящей единицы, но и от глубины взаимодействия между частями речи, т.е. части речи переходящей единицы и частью речи, в которую она переходит. Переход частей речи, основанный на глубине их взаимодействия, затрагивает внутреннюю форму части речи при условии, если отмечены следующие аспекты взаимодействия:

- 1) факты взаимодействия разных частей речи в идентичных синтаксических функциях;
- 2) тождество на лексическом и функциональном уровнях;
- 3) связи разного рода в частных грамматических категориях и формах [Мигирин, 1971, 53].

Транспозиция – более широкое понятие для переходных явлений безаффиксального способа словообразования и более узкое понятие, обозначающее категориальное преобразование слова при изменении синтаксического окружения единицы с приобретением ею соответствующих морфологических показателей [Громова, 1994, 32].

Одним из более частных процессов перехода языковых единиц в существительное считается субстантивация.

В связи с обоснованием целесообразности составления классификации субстантивов по содержательному критерию и организации их в полевого пространстве субстанциальности, необходимо трактовать значение «предметности» или «предметного слова».

Многие авторы признают сложность трактовки данного термина и отмечают особый характер этой категории, так как под неё подводят не только существительные, обозначающие непосредственно конкретные предметы, ощущаемые и воспринимаемые зрительно, такие как *модар* (*мать*), *гул* (*цветок*), *дарахт* (*дерево*), но и такие как *бориш* (*осадок*), *некї* (*добро*), в которых заложено значение признака; *шунидан* (*слышать*) - значение действия, процесса и т.п.; на данный вопрос обратили своё внимание многие отечественные и зарубежные лингвисты.

А.М. Пешковский считает, что определённого ответа на вопрос: «Почему язык обладает свойством опредмечивать всё непредметное?» и «Как могла возникнуть такая способность в языке?» мы не получим, так как он связан с другим сложным вопросом – о происхождении языка и речи, на который «никогда, должно быть, нельзя получить достоверного ответа» [Пешковский, 1938, 95; - цит. по Громовой 1994, 28].

Под термином «**субстантивация**» понимается субстанциальное переосмысление языковой единицы в процессе функционирования её в условиях, типичных для существительного, без изменения внешнего облика самой единицы [Громова, 1994, 5].

Субстантивация, будучи частым проявлением переходности в грамматическом строе языка трактуется лингвистами следующим образом: **Субстантивация** (от лат. *substantivum* – *имя существительное*) – переход в класс существительных слов, принадлежащих другим частям речи. Субстантивация представляет собой один из способов образования слов, имеющих одну мотивирующую основу, при котором субстантивы

(существительные, образовавшиеся в процессе субстантивации) не имеют какого-либо специального словообразовательного аффикса [Сазонова, 2003, 545].

Субстантивация (*субстантивирование*) – переход в разряд имён существительных из другой части речи вследствие приобретённой способности – непосредственно указывает на предмет (а не только через его признак) [Сазонова, 2008, 544-545].

Субстантивация от латинского слова *substantivum* – *существительное* – переход слов других частей речи в разряд имён существительных [Ахманова, 2010, 460].

Субстантивацией называется переход в разряд существительных других частей речи, часто без изменения морфологической формы слова [Камянова (а), 2015, 250]. В английской лингвистике этот термин используется широко.

В таджикском языке также на данное явление обратили внимание таджикские лингвисты. Таджикский лингвист Ш.Ниёзи в своей книге “Существительное и прилагательное в таджикском языке” назвал это явление как морфолого-синтаксический способ словообразования существительного [Ниёзи, 1954, 15].

Слова, которые из других частей речи перешли в существительное или в разных ситуациях используются в качестве существительного, называются **субстантивацией** [Рустамов (а), 1972, 12].

Переход частей речи друг в друга считается самым продуктивным способом словообразования [Рустамов, 1981, 176].

В лингвистике переход других частей речи в разряд существительных называется **субстантивацией** [ЗАХТ, 1982, 171].

В процессе субстантивации субстантивирующие единицы сохраняют некоторые свои признаки: категорию определённости, неопределённости, множественного числа, категорию притяжательности.

В данной работе и при анализе процесса субстантивации мы поддерживаем теоретические положения, выдвинутые в работе Д.А. Громовой.

Субстантиваты характеризуются стилистически нейтральной окраской, и сфера их употребления не ограничена каким-либо одним определённым стилем: они являются общими как для разговорной, так и для литературно-письменной речи. Некоторые учёные считают, что, хотя традиционно явление субстантивации рассматривается в грамматике, это лексический процесс. К грамматической системе языка субстантивация имеет отношение по образованию слова иной части речи.

Для формирования смысловой стороны отсубстантивных транспозитов как в английском, так и в таджикском языках существительные делятся на конкретные и абстрактные. Также следует отметить, что необходимо выделить компоненты знакового значения предметных имён, поскольку именно они подвергаются переосмыслению, составляющему содержательную сущность транспозиции. Также необходимо выделить различные семасиологические разряды предметных имён, смысловая структура которых основывается на той или иной конфигурации семантических признаков.

В субстантивации имеет место частный случай реализации принципа языковой экономии, при котором созданный таким путём субстантиват всегда и обязательно ориентирован на атрибутивное словосочетание, на синтагматические связи [Бузаров, 1997, 16]. Соотносясь семантически с атрибутивным словосочетанием, субстантивированное прилагательное как бы вбирает в себя его семантику, компрессируя и семантику, и форму мотивирующего исходного словосочетания. Привычность данных словосочетаний и их частое употребление обусловили возможность опущения опорного существительного как информационно избыточного, поскольку при переходе атрибута в существительное последнее впитывает в себя и хранит в своей семантической структуре значения того имени, к которому оно некогда было отнесено [Кубрякова, 1981, 172]. В процессе

опредметчивания прилагательного фактор языковой экономии формальных средств переплетается с ярко выраженной в современном английском языке тенденцией к конденсации содержания. В результате взаимодействия этих процессов имеется очевидное преимущество простоты и лаконизма на стороне субстантивированного прилагательного по сравнению с исходным атрибутивным словосочетанием. При этом субстантиват формально соотносится с основой прилагательного, а семантически – с мотивирующим словосочетанием в целом [Бузаров, 1997, 17].

Субстантивация упрощает семантическую форму номинативной единицы при том же содержании и отвечает потребностям в экономии средств выражения, и, следовательно, речевых усилий.

Также выделяются виды субстантивации, которые имеют разные механизмы действия и отличаются функционально-стилистической дифференциацией.

Субстантивация как активный способ оформления высказывания вызывает необходимость глубокого изучения её структурно-семантической системы. Как уже известно, субстантивация прилагательных и причастий изучена в сопоставляемых языках тщательно, но субстантивация других частей речи ещё не достаточно исследована.

Субстантивация – универсальное явление; как свойство человеческого познания она может воспринимать процессы, события объективной действительности под углом субстанциальности [Громова, 1994, 10].

Под субстантивацией понимается субстанциальное переосмысление языковой единицы в процессе функционирования её в условиях, типичных для существительного, без изменения внешнего облика самой единицы. При этом оно обретает морфологическую степень существительного – субстанциальность и другие признаки данной части речи. Например,

*The lecture was upon the ideal Republic and the duty of **the young** to fit themselves for it [Voynich, 23]. ~ Дар маъруза аз республикаи идеалӣ, аз вазифа ва тайёрии **Чавонон** ба он сухан мерафт [Войнич, 34].*

*“But are your **relatives** so very poor?” [Bronte, 19]. ~ Вале магар **пайвандони** ту то ин андоза камбизоат ҳастанд? [Бронте, 23].*

Таджикские примеры с переводом на английский язык:

*Ман аз писари худ, ки шарики додарарӯси шумост, ба хондани ин **Чавон** сабаб шудани шуморо шунидаам, - гуфт ва дуҷумбора бо падарам вохӯрдӣ кард [Айнӣ (1), 54]. ~ I have heard from my son, who is your brother-in-law’s classmate that we have you to thank for educating this **young man** [Aini (1), 93].*

*... ният доштам, ки хотирот ва ёддоштҳои худро таҳрир намуда, ба хонандагон, хусусан ба бачагон ва **Чавонон**, пешкаш намоям [Айнӣ (1), 6]. ~ ... I have been meaning to record my reminiscences and offer them to my readers, especially to my **younger readers** [Aini (1), 30].*

В первом примере слово **Чавон** (молодой) – прилагательное, перешедшее в разряд существительных. Свидетельство тому – его синтаксическая функция, т.е. **Чавон** выполняет функцию подлежащего, которая типична для существительного, и при этом его внешний облик не изменился, хотя по смыслу здесь **Чавон** (молодой человек). В данном примере наблюдается экономия языка, которой присуще явление субстантивации. Во втором примере единица **Чавонон** относится к субстантивированному прилагательному, которое обрело морфологическую степень существительного – субстанциальность и другие признаки данной части речи, т.е. прилагательное **Чавонон**,

принимая форму множественного числа с помощью суффикса *-он*, опредмечивается.

То же самое и со словом *калон*: *Асло калонгириро намедонист, аз калону хурд забони хуши худро дарез намедошт* [Айнӣ (1), 43]. ~ *There wasn't an ounce of deceit or irrogance in him; he addressd young and old, great and small, with the same unassuming good humour, and treated all as his equals* [Aini (1), 77].

Здесь прилагательные *калон* и *хурд* – прилагательные, перешедшие в группу существительных без изменения внешнего облика. Хотя *калон* и *хурд* и выполняют синтаксическую функцию подлежащего и таким образом субстантивируются, в словаре таджикского языка слово *калон* переводится как *большой, старший, важный, важные люди, члены правительства*; а *хурд* – *маленький, младший, малолетний, низкие по положению люди*. Данные единицы распространены в разговорной речи, часто встречаются в художественной литературе. Значит мы можем отнести данные субстантивированные прилагательные к группе неполной субстантивации.

Как было отмечено выше [стр. 31], в английском языке транспозиция разделяется на полную и не полную:

When the young are together it is wise for an old man to be with other old men [Abrahams, 104]. ~ *Дар урфият меғӯянд: маъракаи Чавонон ҷои пирон нест, яъне ба маъракаи худат барин пирон бирав, вагарна танҳо бишин* [Абрахамс, 136].

Здесь единица *young* – субстантивированное прилагательное, принявшее определённый артикль *the*, который считается признаком определённого существительного. В данном предложении единица *young* (*молодые люди*) стоит во множественном числе, и об этом свидетельствует глагол-сказуемое *are*. В английском языке слово *young* переводится как *чавонон* (*молодёжь*), и это слово относится к группе полностью субстантивированных прилагательных, не изменивших внешний облик.

*It did not seem to have occurred to him that the strangers might understand **English*** [Voynich, 20]. ~ *Ў гумон накарда буд, ки ин ачнабиҳо забони англисиро медонанд* [Войнич, 26]. В данном примере наблюдается неполный переход прилагательного **English** в состав существительных, так как оно может функционировать и как прилагательное.

В таджикском языке лингвисты тоже разделили два вида перехода, в нашем случаи субстантивации: историческая (*таърихӣ*) и текстовая (*матнӣ*) [ЗАХТ, 1973, 178].

Ср: - *Дар ин миён бемор (падарам) дар чояш қад рост кардан хост ва ба тарафи ман чашм дӯхт, дубора галтид ва дастонаш як ҷунбиш хӯрданд ва баъд аз он ором гирифт* [Айнӣ (1), 149]. ~ *Suddenly **the sick** (my father) made as if to sit upright and stared at me, then fell back; his arms twitched once, then he was still, forever* [Aini (1), 168].

Ҳамаи онҳо бо ҷӯшу хурӯш тарф тайёр мекарданд, баъзеи онҳо кулӯх метарошиданд, баъзеашон дору мекӯфтанд, баъзеи дигарашон дору ро бо ҷӯянпораҳои бехта меомехтанд ва баъзеашон тарф ҷой мекарданд [Айнӣ (1), 105]. ~ *Some were cutting lumps of dried clay to size, **others** were mixing gunpowder, some were sifting iron filings into the powder, and **others** again were assembling the finished products* [Aini (1), 125].

В первом предложении мы наблюдаем исторический переход прилагательного **бемор** в существительное, т.е. **бемор** окончательно перешло в состав существительного.

А во втором предложении наблюдается текстовой переход неопределённого местоимения **баъзе**. Его значение можно понять из контекста.

Итак, переходящие в существительное единицы называются субстантивы. Это общий термин для всех случаев субстантивации.

1) Переходность как явление проявляется на основе совмещения признаков (семантических, синтаксических, формальных), присущих смежным и несмежным классам единиц; переходность может проявляться в разной степени.

2) Конечная стадия – переход в новую часть речи.

3) Переходность – начальная стадия перехода, проявляющаяся в употреблении слова определённой части речи в несвойственной ей синтаксической функции.

4) Переходность затрагивает синхронный срез языка, а переход в своей законченности – явление диахронного плана. Это трансформация категориального значения, синтаксической дистрибуции и формы по сравнению с исходной единицей.

5) Между этими процессами лежат промежуточные варианты (гибриды), которые могут являть собой определённый этап по пути к дальнейшим преобразованиям, т.е. «переходные звенья от одного качественно-определённого состояния к другому» [Громова, 1994, 32].

Данные варианты могут стремиться к трансформации, или в силу различных семантических и структурно-грамматических свойств, могут быть пределом преобразований, и в системе языка тогда не появится новое слово или гибридное слово, способное в будущем преобразоваться в единицу производного класса.

А.Ф. Родионов разделяет субстантивацию на полную и частичную. Он задаёт вопрос, можно ли считать, что в результате процесса частичной субстантивации *the poor* (бедные), *the rich* (богатые), *the beautiful* (красавец) возникает новое слово или мы имеем дело с употреблением прилагательного / причастия в необычной для него функции существительного? Его ответ таков: возникает новое слово, которое по своим семантическим особенностям (наличию предметного значения) и грамматическим признакам должно быть отнесено к существительному. Хотя они и не обладают всеми субстантивными категориями, поскольку есть существительные типа *weather, advice, furniture*, лишённые форм

множественного числа и категории притяжательности и не могут употребляться с неопределённым артиклем. С одной стороны, автор полагает, что субстантивированные прилагательные типа *the poor, the rich* – это примеры частичной субстантивации, с другой стороны, он признаёт в них новое слово – существительное [Родионов, 1968, 33-47].

Можно считать, что если образовано новое слово – существительное по своим семантическим особенностям и грамматическим признакам, это значит, что прошла полная субстантивация, независимо от того, полный или неполный набор признаков существительного реализуется, так как не все истинные существительные обладают всеми возможными признаками этой части речи.

Понятие полной субстантивации часто связывается с приобретением максимально полного набора признаков существительного, а под частичной субстантивацией понимается частичное приобретение признаков существительного.

Подводя итог, можно прийти к следующим выводам: каждая часть речи имеет свою специфику и может транспонироваться, т.е. переходить в другую часть в зависимости от присущих ей грамматических категорий и способов их выражения. При **транспозиции** слова из разряда в разряд могут приобретать как оценочные, эмоциональные, экспрессивные, так и функционально-стилистические коннотации.

Переход частей речи друг в друга является самым популярным способом словообразования в обоих сопоставляемых языках и на их продуктивность влияют как внеязыковые, так и языковые факторы.

Неязыковые факторы — это необходимость в номинации новых понятий, которые появляются по ходу прогресса науки и техники, влияния моды, а также в результате общественно-экономического развития.

К языковым факторам относятся внутриграмматические параметры, т.е. грамматический строй языка, стилистические факторы и тенденция к экономии речевых усилий.

Ещё одной причиной фактора перехода частей речи является характер мышления и его связи с объективной действительностью. Объективная действительность отражается человеческим мышлением. В результате перехода слов увеличивается их количество. Это не требует дополнительных усилий для запоминания и этот процесс можно рассматривать как стремление к экономии. Причём как говорящий, так и слушающий понимают друг друга без дополнительных объяснений, иначе они использовали бы гораздо большее количество слов.

Большинство лингвистов [Пешковский, Шахматов, Виноградов, Гак] считают, что переход частей речи занимает особое место в системе словообразования.

В таджикском языке также вопросом словообразования занимались лингвисты К. Тахирова, Ш. Рустамов, Ш. Мухамадиев, и другие. Они обратили своё внимание также и на трудности классификации частей речи таджикского языка, так как зачастую трудно отграничить существительное от прилагательного, с одной стороны, и прилагательное от наречия, с другой стороны, что тесно связано с исчезновением категорий падежа и рода в системе этих частей речи в таджикском языке. Ш.Рустамов разделяя способы словообразования существительного в таджикском языке на несколько групп отметил, что явление перехода частей речи друг в друга относится к морфолого-синтаксическому способу, т.е. к транспозиции.

Все случаи транспозиции определяются лингвистами по-разному. В английском языке различаются 2 этапа транспозиции: полная – *young and old* (*пиру чавон* – старики и молодёжь) и неполная – *English* (*забони англисӣ* - английский).

В таджикском языке лингвисты тоже разделили два вида перехода: исторический (*таърихӣ*) – *бемор аз ҷояш хест* (больной встал) и текстовой (*матнӣ*) – *баъзеашон дору мекуфтанд* (некоторые готовили лекарство)

В процессе перехода если слова, которые принадлежат к одной определённой части речи, изменяют свои основные лексические значения, приобретают черты другой части речи и при этом получают её морфологические признаки, то в соответствии с этим меняются их синтаксические функции.

Многие лингвисты под понятием «переход» понимают исключительно безаффиксальный переход. Но, с другой стороны, некоторые учёные под термин «переход» подводили все случаи транспозиции: аффиксальный и безаффиксальный. Е.С. Кубрякова для обозначения той области данного явления, где материально выраженный транспозитор отсутствует, употребила термин «безаффиксальная транспозиция»: *the young* (чавон – молодой человек)

Также в английском языке наблюдается аффиксальный переход: *the young married* (навчавон, домод - молодожён).

В таджикском языке также наблюдаются как аффиксальный, так и безаффиксальный переход: *пиракӣ* (старик) – *калону хурд* (старики и молодёжь)

Части речи могут быть многофункциональны, т.е. это способность выполнить несколько функций. Приспосабливаясь к конкретной ситуации, слова отступают от привычных норм и средств актуализации и выполняют новую функцию. Проявление многофункциональности — это также способность языковой единицы накапливать семантико-синтаксические свойства, изначально ей несвойственные. Многофункциональность - одновременно и потенция языковых единиц, и реализация этой потенции, которая приводит к транспозиции.

Выводы по первой главе:

Анализ теоретических работ показывает, что по вопросам конверсии и субстантивации в лингвистике до сих пор нет единого мнения. Одни лингвисты считают, что конверсия и субстантивация – это разные словообразовательные явления. Другие считают, что конверсия – это

переход разных частей речи в другую часть речи. Сюда входят субстантивация, адъективация, адвербиализация и т.д., следовательно, субстантивация – частный случай конверсии. Различие между субстантивацией и конверсией лингвисты видят по-разному. Из анализа работ можем констатировать, что:

- 1) субстантивация – это переход в существительное разных языковых единиц;
- 2) это семантико-синтактико-морфологический способ словообразования;
- 3) субстантивация – это, в отличие от конверсии, не единовременный акт, а растянутый во времени процесс словообразования, относящийся к диахронии языка.
- 4) степень субстантивации: полная субстантивация, начальные и промежуточные стадии, при этом для достижения полной субстантивации необязательно иметь полный набор признаков существительного, главное, чтобы реализуемая субстантивом сема существительного вошла в язык.

Таким образом, в результате действия перехода частей речи друг в друга отдельные слова либо приобретают грамматический статус другой части речи, либо функционируют в новом для них грамматическом качестве, не выходя за рамки синтаксического варьирования. В первом случае происходит омонимичное расщепление слова на две и более самостоятельные единицы, во втором – имеет место сосуществование разных синтаксических функций в пределах слова той или иной части речи. В качестве предметного понятия может быть представлена практически любая языковая единица. Предметно может быть представлено то, что является субъектом нашей мысли. Таким образом, предметное понятие в структуре предложения может занимать позиции подлежащего, дополнения и предикативного члена и этим субстантивируется.

ГЛАВА 2. СУБСТАНТИВАЦИЯ ИМЕННЫХ ЧАСТЕЙ РЕЧИ В АНГЛИЙСКОМ И ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКАХ

2.1. Виды субстантивации в таджикском и английском языках

Субстантивацию можно делить на разные типы после определения функции субстантивов. Лингвисты также различают разные степени субстантивации.

Д.Э. Розенталь и М.А. Теленкова определяют термин «*субстантивация*» переходом слов других частей речи в разряд имён существительных и разграничивают три вида субстантивации: **полная**, **неполная** и **оказиональная** [Розенталь, 1976, 475].

О.С. Ахманова также считает субстантивацию «переходом в разряд существительных из другой части речи», но подчёркивает «вследствие приобретённой способности непосредственно указывать на предмет (а не только через его признак и т.п.» [Ахманова, 2010, 460].

Полная субстантивация – это окончательный переход части речи в разряд существительных, с потерей возможностей употребляться как прилагательное: *sick* – *бемор* (*больной*). При полной субстантивации как в английском, так и в таджикском языке субстантиват приобретает показатели числа и падежа существительного и сочетаемость, характерные определители, такие как артикль, притяжательные местоимения, числительные, синтаксические функции подлежащего и дополнения. В таком случае прилагательное функционирует в языке параллельно с существительным как его омоним.

Неполная субстантивация – это переход части речи в разряд существительных при продолжающемся употреблении в предшествующей части речи: *wounded* – *маҷрӯҳ* (*раненный*). Частично субстантивированные части речи в английском языке не имеют форм множественного числа и притяжательного падежа. Морфологическим показателем их субстантивации является определённый артикль. Субстантиваты такого рода передают значение собирательности, распространяющегося класса, обладающих качествами, названными соответствующими частями речи.

Субстантивация окказиональная в сопоставляемых языках – это переход частей речи в разряд существительных в условиях данного контекста: *young and old – хурду калон (стар и млад)*.

И.К. Сазонова выделяет два вида субстантивации *полная* и *окказиональная*. Субстантивация полная, когда существительное, появившееся в результате субстантивации, становится самостоятельной лексической единицей и фиксируется словарями. Субстантивация окказиональная – употребление слова в качестве существительного только в условиях конкретной ситуации или конкретного контекста [Сазонова, 2008, 545].

В таджикском языке виды субстантивации ещё не стали предметом всестороннего исследования. В учебниках по грамматике для вузов говорится только об *исторической (таърихӣ)* и *текстовой (матнӣ)* субстантивации [ЗАХТ, 1973, 178].

Ш. Рустамов в своей работе посвященной существительному, исследует субстантивацию прилагательных, причастий, числительных и глаголов, но отрицает субстантивацию инфинитива и наречия в таджикском языке [Рустамов, 1981, 176-190; 1985, 126-130].

Х. Хусейнов, определив субстантивацию как переход других частей речи в существительное, как и Ш. Рустамов, подчёркивает возможности субстантивацию прилагательных, числительных, глаголов и добавляет к ним и субстантивацию подражательных слов в таджикском языке. Автор не указывая на возможности субстантивации инфинитива и наречия подразделяет субстантивацию на *полную, неполную и временную* [Хусейнов, 1983, 173-174].

В функциональном плане субстантивация неравноценна. Для выполнения той или иной функции используется соответствующий тип субстантивации.

Предлагаем следующий перечень функции субстантивирования:

1) переход языковой единицы в лексико-грамматический разряд существительного, для того чтобы получить более ёмкий по содержанию и экономный по форме синоним существительному. Например,

... like the young lady of before ... [London, 177] ~ *...ба монанди хонуми Чавони пешина ...* [Лондон, 202].

2) избежание повтора единицы, употреблённой в ближайшем контексте в атрибутивной функции:

Two English artists were sitting on the terrace; one sketching, the other lazily chatting [Voynich, 20]. ~ *Дар айвон ду рассоми англис нишаста буданд, якешон манзараи кӯҳсорро тасвир мекард, дигаре бо вай коҳилона гуфтугӯ дошт* [Войнич, 26].

3) для сокращения чужой мысли в речи:

"That sentence was not finished, signora; there was an unspoken 'but' in the back of your mind." [Voynich, 155]. ~ *“Шумо чумлаи худатонро тамом накардед, хонум Болла, як “лекин” дар фикри шумо ногуфта монд* [Войнич, 176].

4) описание самой единицы как метаязыковой сущности:

'Found it,' the Mouse replied rather crossly: 'of course you know what "it" means.' [Carroll, 58] ~ *“Инро ёфт”, - ҷавоб дод Муш, - ту чи намедонӣ, ки “ин” гуфта чи дар назар дошта мешавад* [Каррол, 16].

Исходя из приведённых примеров, можно определить три типа субстантивации: **истинная субстантивация** (функция перехода единицы в лексико-грамматический разряд существительного), **квазиобстантивация** (функция избежания повтора – анафоро-эпифорическая функция в передаче чужой мысли) и **метасубстантивация** (называние единицей самой себя же).

К первому типу относится окказиональная субстантивация, когда единица употреблена в субстантивной функции для стилистического эффекта в определённом контексте определённым автором.

Как отмечают многие лингвисты, окказиональные слова обычно обусловлены стремлением к экспрессивности, достижению определённого стилистического эффекта. Обычные лексические способы не всегда удовлетворяют говорящего, и он ищет и находит новые словосочетания или использует разные языковые единицы для того чтобы наиболее полно отразить мысли и чувства, уникальность речевой ситуации [Щерба, 1974; Пауль, 1960]. Например,

His visit caused a little flutter of excitement throughout the town [Voynich, 106]. ~ *Омадани вай дар шахр ҳаёҳуе ба миён овард* [Войнич, 123].

Баъди он, ки кашмакаши бисёре натиҷа надод... [Шукӯҳӣ, 411]. ~ *All of the efforts of the two small boys, however, were not enough...* [Shookuhi, 72].

Или другой пример:

I'd rather be any kind of a thing than a fool [Voynich, 104]. ~ *Ман ба ҳар чиз шудан ҳозирам, вале масхарабоз шуда наметавонам* [Voynich, 118].

...ман на хоҷаи миракониам, на девона ва на масхарбоз... [Айнӣ (1), 519]. ~ *... but I'm neither a mirakony master nor a fool...* [Aini (1), 542].

Если единица не останавливается в своём развитии направления к существительному, то она превратится в промежуточную субстантивацию и её нельзя называть окказиональной, так как субстантивирующая единица начинает функционировать в текстах разных авторов.

... you are now standing in the presence of one of the most absolute fools in Europe [Doyle, 71]. ~ *... шумо дар назди худ яке аз бузургтарин каси беақли Европаро мебинед!* [Дойл, 105].

Whether is it better, I ask, to be a slave in a fool's paradise ... [Bronte, 328]. ~ *Фуломи хӯҷаини худ будан хуб аст ...* [Бронте, 343].

Ин кори кадом масхарабоз? [Шукӯҳӣ, 383]. ~ *“Who did this to me?”* [Shookuhi, 26].

Последний этап перехода в существительное единицы — это узуальная субстантивация (полная). Такая единица принадлежит не только речи, но и языку. В словаре такая единица зафиксирована как существительное. Например:

...he spends his whole life in looking after the poor, and seeing the sick... [Voynich, 190]. ~ *ӯ ҳамеша ғами бечорагонро меҳӯрад ва ба нағз парасторӣ карда шудани беморон аҳамияти калон медиҳад* [Войнич, 206].

...a large proportion of his time appeared devoted to visiting the sick and poor among the scattered population of his parish [Bronte, 321]. ~ *... вай аксарияти вақташро ба қабули эҳтиёҷмандон, аёдати беморону дармондагон, ки хонаҳояшон аз якдигар дур ҷойгир шуда буд мегузаронд* [Бронте, 337].

... бечораро агар як чиз диҳанд, хурсанд шуда меҳӯрад ва агар надиҳанд, ҳарчанд гушна бошад ҳам, талаб намекунад [Айнӣ (1), 20]. ~ *... if you offer a poor man something to eat he will gladly to accept it, but if you don't offer him anything, he won't ask no matter how hungry he is* [Aini (1), 44].

Бобоям дар ин кор ҳам ҳунарманд буда, назар ба фикри ӯ, аз ин роҳ ҳам дар ин деҳа барои вай даромади иловагӣ пайдо мешуд. Даромади имоматӣ бошад, бозёфти барзиёд [Айнӣ (1), 11]. ~ *My grandfather was a master wheelwright, too, and reckoned this would be a source of extra income if he moved here, on top of this imam's emoluments* [Aini (1), 34].

М.Ф. Лукин, исследуя переход причастий в прилагательные и существительные в русском литературном языке, даёт такую формулировку:

1) диахронный аспект исследования, рассмотрение эволюционного развития словоформы, переходящий или перешедший в другую часть речи;

- 2) утрата перешедшим словом общекатегориального значения исходной части и приобретение им значения той части речи, в которую оно перешло;
- 3) выпадение слова из лексического фонда исходной части речи и прибавление новой лексической единицы к другой части речи;
- 4) приобретение парадигматики другой части речи; принадлежность вновь образованной лексической единицы к системе языка [Лукин, 1982, 109-110].

Исходя из мнения данного лингвиста, можно заключить, что если слово вовлечено в сферу другой части речи, то при этом оно функционирует в качестве новой лексической единицы. Оно выпадает из исходной части речи, и здесь можно говорить о его переходе в эту часть речи, в противном случае речь идёт только об употреблении словоформы в значении других частей речи. Мы не можем говорить о переходе единиц, если слово продолжает функционировать в исходном классе.

М.Ф. Лукин квалифицирует данное явление как новое лексико-грамматическое, т.е. лексико-грамматическая субституция и определяет, как «образование словоформами тех или иных частей речи своих вторичных форм и более или менее регулярное использование в качестве субститутов потенциальных словоформ других частей речи» [Лукин, 1982, 109].

Данную трактовку М.Ф. Лукина невозможно применить к субстантивации английского языка, так как в английском языке омонимия широко развита, когда слово в одной и той же внешней ипостаси оказывается принадлежащим сразу двум или более частям речи. Для таджикского языка это тоже характерно.

Термин «субституция» или замена встречается у А.М. Пешковского, Б.Е. Зернова, М.Ф. Лукина, Д.А. Громовой и др.

Б.Е. Зернов считает субституцию случаем позиционного замещения имён, которые:

1) не сопоставимы с единицами ни одного из выделяемых лингвистами подклассов имени существительного (*«upon» is a formal equivalent of «on»*);

2) такое употребление не предполагает наличия какого-либо парадигматического ряда;

3) функциональный признак предметности при этом не может квалифицироваться как собственная характеристика конstituентов *upon, certainly, perhaps, maybe*, что указывает на принадлежность соответствующих образований к классам единиц, ведущие признаки которых принципиально отличаются от признаков существительного [Зернов, 1990, 115-129]. Очевидно, что под термин «субституция» подводятся разные понятия.

М.Ф. Лукин дифференцирует данный термин как явление связанное с одной стороны, с исчезновением исходной единицы, которая начала функционировать как другая часть речи, а с другой стороны, как явление, когда обе единицы – переходящая и перешедшая – функционируют в разных классах на равных; одна как исходная часть речи, другая как перешедшая в другой класс, и тогда они становятся лексико-грамматическими омонимами. Лингвист под термином «субституция» понимает переход диахронического процесса – процесса приобретения признаков новой части речи с разными результатами [Лукин, 1982, 109-114].

Д.А. Громова считает данный результат несущественным, в этом случае происходит перекатегоризация имени, переосмысление исходного знака на другой. Именно поэтому термин «субституция» не отражает сути явления [Громова, 1994, 72].

А.П. Пешковский под термином «замена» трактует синхронное образование новой единицы не путём длительного накопления элементов нового качества, а синхронно, по определённой модели по аналогии [Пешковский, 1956, 234].

Б.Е. Зернов выражает ту точку зрения, что существование отличного от переходности явления – позиционного замещения – субституции

отражает суть данного понятия, так как место существительного может занимать любая языковая единица, но при этом не наблюдается перекатегоризация имени [Зернов, 1990, 115-129].

Истинная субстантивация как процесс диахронический, поэтапный включает образования синхронного среза, результатом которого являются появления синонима к существительному и двух лексико-грамматических омонимов, существительного гибридного характера и исходной единицы, ставшей производящей; они существуют как два слова. Истинная субстантивация, в свою очередь, имеет 3 этапа: *окказиональный*, *промежуточный* и *полный* [Громова, 1994, 72].

Когда языковая единица занимает позицию существительного, принимает валентные свойства этой части речи и морфологические показатели, то существительным она не является, но может быть базой для узуальной и окказиональной субстантивации, и тогда происходит квазисубстантивация. К такому типу можно отнести субстантивацию междометий, модальных слов, союзов и т.п. Например,

Laura helped her mother with the good~byes [Mansfield, 69; цитата по Громовой, 1994, 48]. ~ *Лаура ба модараш дар маросими гуселкунӣ ёри мерасонид* [информант].

Такое явление можно наблюдать и в таджикском языке:

Аммо ман наметавонистам, ки модарамро дар ин ҳол гузошта барои “ҷувориҳойгӣ” ба ёбон равам [Айнӣ (1), 151] ~ *Still, I could not leave my sick mother in order to go out to the fields and scare the crows away* [Aini (1), 171].

- *Не, вай баданаширо бо хок тоза мекунад. Хокбозии вай оббозию оббозиаш ҳам хокбозӣ* [Шукӯҳӣ, 370]. ~ “*They do swim, but not in the water, but in the sand. They cool themselves off by cicking sand around themselves*” [Shookuhi, 9].

Квазисубстантивацию можно разделить на два типа:

1) эллипсис во избежание повтора в ближайшем контексте, т.е. существительное, которое эллиптируется, как правило, присутствует в предыдущем предложении, либо легко выводится из упоминания в ближайшем контексте. Так могут субстантивироваться прилагательные, числительные, указательные местоимения и местоимения, которые называются «квантификативные детерминативы». Квазисубстантивация такого типа может служить почвой для истинной субстантивации.

*The other voice reminded him of his enjoyment, his happiness. And his second voice stifled **the first*** [Tolstoy, 98]. ~ *Дигар овоз мегуфт: бин, бахтатро аз даст медиҳӣ. Ва ин овози ниҳонии баъдина овози **авваларо** пахш кард* [Толстой, 73].

*One bait was down forty fathoms. The **second** was at seventy-five and the **third** and **fourth** were down in the blue water at one hundred and one hundred and twenty-five fathoms* [Hemingway, 36]. ~ *Яке аз шастҳо чил фадом ба қаъри уқёнус рафта буд. **Дуюмаш** ҳафтоду панҷ фадом ва **севуму чаҳорум** то сад ва яксаду бисту панҷ фадомӣ ба қаъри оби кабудӣ уқёнус фурӯ рафта буданд* [Хемингвей, 37].

Таджикские примеры с переводом с оригинала на английский:

*-Ҳарфи якум “Д”, - гуфт Самад, - **дуюмаш** “а”, **сеюмаш** чӣ бошад?* [Шукӯҳӣ, 406]. ~ *Samad, who knew the alphabete, tried to read: “The first letter is D and the **second** is A, and what is the **third** one?”* [Shookuhi, 66].

*-**Аввал** ин ки,- гуфт падарам дар **ҷавоб**, - кӣ медонад, ки аввал ман мемурам ё он кас, **дуюм** ин, дар назари одами пир аз **ҷавонон** дида пул ширинтар аст* [Айнӣ (1), 21]. ~ *“**First** of all,” replied my father, “who knows whether he or I will die first? **Second**, money is dearer to an older person than a **young** one.”* [Aini (1), 44].

2) эллипсисом предложения – сокращением может быть даже одно слово, в зависимости от идеи, которую надо выразить субстантивно.

Например: *"Are you going to have the goodness to say anything but 'Yes,' Arthur?"* [Voynich, 61]. ~ *Артур, ту ғайр аз "Ҳуш боз ҷи?!" ҷавоби дигаре доданӣ ҷасти ё не?* [Войнич, 74].

Таджикский пример:

«**Бидон**» дар забони тоҷикӣ буда, дар вай сарфи арабӣ баён меёфт [Айнӣ (1), 92]. ~ *"Know" was a Tajik exposition of the rules of Arabic grammar* [Aini (1), 111].

Метасубстантивация – это позиционное замещение имени с целью описать, объяснить конкретную единицу. Занимая позицию существительного, при этом реализуя лексико-грамматические признаки существительного, данные единицы не получают новое значение, а называют себя.

Термин «метасубстантивация» был введён и трактован О.К. Васильевой-Шведе при исследовании испанского языка. Метасубстантивом может быть любая единица, способная описать себя.

Субстантивность метазнака не зависит от того, является ли субстантивом то слово, которое оно в данном случае обозначает. Слово любого класса, будучи метазнаком, является метасубстантивом [Васильева-Шведа, 1972, 77].

Метасубстантивы, занимая позицию существительного, могут сочетаться с другими словами по всем правилам, они имеют формы единственного и множественного числа, принимают определённый и неопределённый артикль и этим определяются, согласуются с числительными, прилагательными и предлогами.

This is before that has already been discussed [Russel, 40; цит. по Громовой, 1994, 52]. ~ *Ин аст, он чизҳое, ки пештар муҳокима шуда буданд* [информант].

Let me think: was I the same when I got up this morning? I almost think I can remember feeling a little different. But if I'm not the same, the next

question is, Who in the world am I? [Carroll, 48]. ~ *Ҳозир як фикр кунам: вақте саҳарӣ хестам ман ман будам ё ман набудам? Ба назарам ман на тамоман ман будам! Дар ин сурат ман кистам?* [Кэррол, 11].

Это явление также можно наблюдать в таджикском языке:

-He,- гуфт Самад, -“н” ин хел намешавад [Шукӯхӣ, 407]. – *No,- said Samad, -“N” is not like this* [Shookuhi, 66].

- “Те” чанд аст? – гуфта аз он кас пурсидам [Айнӣ (2), 46]. ~ *“How much is the letter “T”?” – I asked him* [Aini (2), 33].

Позиция существительного считается основным свойством метасубстантивации. Общая субстанциальная идея представления или понятия заложена в метасубстантивах, при этом внутреннее содержание, указывающее на их принадлежность к разным языковым фактам, каковыми они являются в языке – объекте, не переосмысливаются до лексического изменения, и этим они субстанциально выражают своё истинное понятие. Наряду с субстантивами других типов, метасубстантивы других типов также занимают определённое место среди всех средств выражения значения субстанциальности.

Таким образом, как показывает анализ, в сопоставляемых языках лингвисты разделяют три вида **субстантивации** в английском языке – **полную, неполную и окказиональную** и два вида – **историческую и текстовую** в таджикском языке. При **полной** субстантивации в английском языке субстантиват приобретает показатели числа и падежа существительного и сочетаемость, характерные определители, такие как артикль, притяжательные местоимения, числительные, синтаксические функции подлежащего и дополнения. В таком случае другая часть речи функционирует в языке параллельно с существительным как его омоним.

Частично субстантивированные части речи в английском языке не имеют форм множественного числа и притяжательного падежа. Морфологическим показателем их субстантивации является определённый артикль. Субстантиваты такого рода передают значение

собираемости, распространяющегося класса, обладающих качествами, названными соответствующими частями речи.

При **оказиональной** субстантивации части речи переходят в разряд существительных в условиях данного контекста.

При **исторической** субстантивации в таджикском языке субстантиваты в современном таджикском языке используются только как существительное, при текстовой субстантивации субстантивы только в тексте используются как существительное и приобретают морфологические категории последнего.

2.2. Особенности субстантивация прилагательных в таджикском и английском языках

Безаффиксальный переход частей речи друг в друга является одним из наиболее распространённых способов словообразования. Профессор А.И. Смирницкий [1953, 1956, 1975] в своих работах тщательно исследовал данный способ словообразования. Некоторые слова образуются с помощью суффиксов и префиксов, при этом они связаны со своими основными корнями. Так и другие слова могут образовываться переходом из одной части речи в другую, будучи взаимосвязаны со своими исходами или корнями. Например, когда мы говорим *сафедӣ* (белизна), очевидно что прилагательное *сафед* (белый) с помощью суффикса *-ӣ* образовало абстрактное существительное, и его предметное значение связано со своим корнем *сафед* (белый).

Те слова, которые образовались морфологическим способом, имеют словообразовательные признаки, и тем определяют свою принадлежность к той или иной части речи. Например в таджикском языке суффиксы *-зор* или *-истон* обозначают, что слово принадлежит к разряду существительных.

А. И. Смирницкий считает, что парадигма является основным определителем таких слов. Но некоторые лингвисты, критикуя данную теорию А. Смирницкого, отмечают, что в данном словообразовательном процессе также играют роль синтаксические свойства. Переход одной части речи в другую также указывает на взаимоотношение одной лексической единицы с другой. Семантика слова во всех своих значениях отражается в предложении и взаимосвязи друг с другом.

Ба ҳамин тариқа, аз неку бади одамон нафрат кардам... [Айнӣ (1), 592]. ~ *So, I hated people's good and bad features* [Aini (1), 612].

Вале, сабил монад, даҳонялаҳо дар ҳама ҷо ёфт мешаванд [Кӯҳзод, 16]. ~ *But, hell, one can meet the hapless people everywhere* [информант].

Как в английском, так и в таджикском языке субстантивация отличается от других словообразовательных способов тем, что в ней не наблюдаются словообразовательные аффиксы, фонетические изменения и изменения семантики слова.

Существительные и прилагательные связаны отношениями взаимоприращения. Будучи родственными в генетическом плане, прилагательные, как считают многие лингвисты, выделялись из субстантивных основ и в результате способности нашего сознания один признак выявлялся из суммы признаков, и ему давалось удельное название [Потебня, 1968, 60]. Кроме того, эти две части речи в сопоставляемых языках связаны друг с другом сложной системой семантических, деривационных, морфологических и синтаксических отношений.

Как в английском, так и в таджикском языке, модель перехода прилагательного в существительное считается одной из самых продуктивных моделей субстантивации. Данная модель складывается из возможности употребления прилагательного в синтаксических позициях существительного. При употреблении в синтаксической позиции существительного, субстантивированное прилагательное приобретает значение имени существительного, т.е. значение признака предмета

переходит в значение самого предмета. Кроме того, субстантиват приобретает все грамматические свойства существительного.

Субстантивации прилагательных посвящены работы многих таджикских языковедов [Ниёзи, 1954; Тахирова, 1967; Яхьяева, 1971, Рустамов, 1972, 1981; Мухамадиев, 2009]. В сопоставительном плане с другими языками субстантивации прилагательных посвящено также несколько статей [Джабборова, 1990; Джаматова, 2013; Бойбобоева, 2014].

В зарубежной германистике субстантивация прилагательных также изучалась многими лингвистами [Амосова, 1956; Пешковский, 1958; Смирницкий, 1959; Винокурова, 1959; Каращук, 1977; Баудер, 1988]. Субстантивация прилагательных в русском языке исследуется в работах А.М. Бразилович [1952], Л.Г. Яцкевич [1977], Е.Н. Степанова [1987], в немецком языке – А.А. Смирнова [1989], в кумыкском языке – Э.Д. Саидовой [2012], имеются работы в контрастивном плане с другими языками. В сопоставительном плане субстантивация прилагательных по сравнению с татарским языком изучается А.Ф. Гайнудиновой [2002, 2011], с чешским языком – В.А. Чижовым [1977].

Прилагательные довольно легко могут переходить в имя существительное. Этот переход обычно называется субстантивация имён прилагательных [Жигадло, 1956, 44].

Некоторые прилагательные в процессе развития языка обратились в существительные, так как перестали выражать признак в его отношении к предмету и начали обозначать предмет или лицо как носителя признака [Голанов, 1963, 118].

Переход прилагательных в разряд существительных обусловлен утратой прилагательными значения признака и приобретения ими значения предмета лица или явления. Субстантивированные прилагательные могут выполнять в исследуемых языках синтаксические функции подлежащего, предикативного члена, дополнения и могут иметь определение. Однако они не могут выступать в синтаксической функции определения [Камянова (а), 2015, 251, Мухамадиева (б), 2009, 9].

В таджикском языке как отметила Х.Ю. Яхьяева, некоторые прилагательные в результате изменения своих грамматических признаков утрачивают значение признака предмета и получают вещественное значение, таким образом, переходят из класса прилагательных в класс существительных, т.е. субстантивируются [Яхьяева, 1971, 53].

Субстантивированные прилагательные занимают видное место в словарном составе современного английского и таджикского языков и вопрос о них связан с исследованием ряда проблем грамматики, лексикологии, стилистики.

С изменением грамматического значения меняются грамматические качества и свойства любой категории слов.

Х.Ю. Яхьяева также подчёркивает несколько причин субстантивации прилагательных: 1.Смысловая близость прилагательного и существительного; 2.Приобретение прилагательными конкретного вещественного значения; 3. Способность существительного представлять в виде субстантивации любые понятия и представления и т.д. [Яхьяева, 1971, 54].

В таджикском языке прилагательные субстантивируются чаще, чем другие части речи, так как они более близки к существительным. Прилагательные иногда выражают признаки, которые свойственны предмету [Рустамов, 1981, 178].

Подлежащее в сопоставляемых языках может выражаться именем прилагательным в случае, когда оно субстантивируется. Субстантивированные прилагательные английского языка не имеют форманта множественного числа, выраженного, как правило, значением множества, тогда как в таджикском языке такие прилагательные имеют обе формы числа [Юсупова, 2006, 94].

Субстантивированные имена прилагательные обозначают название предметов или непосредственно сами признаки. Субстантивированные имена прилагательные называют лица и предметы только по свойствам и признакам [Мухамадиев (б), 2009, 9].

В процессе субстантивации изменяются не только синтаксические функции, но и лексическое значение того, что прежде было прилагательным, и вследствие изменения своего лексико-грамматического значения перешло в категорию субстантивированных прилагательных.

Субстантивированные прилагательные, как и существительные, представляют собой понятия вещей, обладающих многими признаками, одним из которых является признак прилагательного.

Субстантивацию прилагательных также можно разделить на полную, частичную и окказиональную [Ганшина, 1953, 88].

По степени завершённости процесса субстантивации можно различать 3 главных разряда: 1) слова, употребляющиеся теперь только как существительные; 2) слова, имеющие переходный характер; 3) слова, употребляющиеся и как существительные и как прилагательные [Голанов, 1963, 119].

Субстантивация прилагательных может быть полной или частичной в зависимости от того, насколько полно в субстантивированном прилагательном выражены типичные для существительного грамматические категории.

При полной субстантивации прилагательные приобретают все грамматические категории существительных и их сочетаемость, а также могут выступать в любой синтаксической функции существительных.

При частичной субстантивации категориальные грамматические признаки существительного, не приобретаются, а имеют в каждом случае особый неполный набор признаков, обуславливающий специфику их употребления [Караулова, 2008, 250].

Итак, лингвисты также разделяют субстантивацию прилагательных на **полную, частичную и окказиональную**.

К первому типу субстантивации прилагательных можно отнести таджикское слово *дузд*, которое из-за продолжительного использования в

качестве имени существительного перешло в разряд этой части речи. Оно почти не употребляется ныне как прилагательное. Например,

- *Аҷаб нест, ки дузде ба он ҷо даромада сақфи дуконро сӯроҳ карда Ҳамаи чизҳои маро рӯфта барад* [Айнӣ (1), 140]. ~ “*It wouldn't surprise me, if a **thief** got in there, dug a hole in the ceiling of the store, and made off with all of my goods.*” [Aini (1), 158].

-*Ҳой дуздҳо доред! Дуздо доред!* – гӯён ногоҳ мӯйсафеде аз кучое пайдо шуда омад [Шукӯҳӣ, 393]. ~ “*Hey, there! Don't steal my hay!*” he shouted over to Samad [Shookuhi, 44].

В английском языке эквивалентом таджикского субстантивированного прилагательного *дузд* является слово *thief*, которое всегда было и остаётся именем существительным.

Ср.: “*Christ drove the moneychangers out of the Temple, for His House shall be called a House of Prayer, and they had made it a den of **thieves***” [Voynich, 66]. ~ *Исо мунофиқонро аз калисо ронд, зеро хонаи Исо парастиишгоҳ аст, вале мунофиқон вайро ба бошишгоҳи дуздону роҳзанон табдил дода буданд* [Войнич, 47].

*The fiend pinning down the **thief's** pack behind him, I passed over quickly: it was an object of terror* [Bronte, 4]. ~ *Саҳифаеро, ки андарунаш иблис тасвир шудаву ӯ аз дузд бӯғчаи чизу чораи рабудашро кашида мегирад, ман филҳол гардондам: он дар дилам даҳшат меангехт* [Бронте, 7].

Можно привести примеры со словами **Чавон**, **Чавонон** которые на таджикском языке означают *молодой человек*, *молодые люди*.

Дар рӯ ба рӯи созандагон – дар поёни суфа Чавони баландқомате, ки миёнаш аз рӯй бастагӣ буд... [Айнӣ (1), 15]. ~ *Across from the musicians at the end of the sufa a tall **young man**...* [Aini (1), 38].

В английском языке слова *youth* (**чавон**) и *youths* (**чавонон**) – являются существительными, но перевод примеров показывает, что слова *youth* (**чавон**) и *youths* (**чавонон**) иногда субстантивируются в английском языке, а иногда просто переводятся как *young man* или *young people*.

Ср.: "*Captain Tommasi, " he went on, turning to one of them, "ring for the guard, if you please, and have this **young gentleman** put in the punishment cell for a few days [Voynich, 80]. ~ Капитан Томасси! – хитоб кард полковник ба яке аз онҳо, - Посбонҳоро ҷеғ занед ва фармоед, ки ин **чавонро** ба яккахона андозанд [Войнич, 59].*

*"I have had a good deal of experience in guiding **young people**," he said; "and I make it a rule never to prohibit anything without a good reason. There are very few **young men** who will give much trouble if proper consideration and respect for their personality are shown to them [Voynich, 60]. ~ Ман дар тарбияи **чавонон** хеле пуртаҷрибаам, одати ман ин аст, ки ба донишҷӯён бе асосу сабабҳои қонеъкунанда ҳеҷ ҷизро манъ намекунам. Агар ба **чавонон** ҳитроми муайяне зоҳир кунем, онҳо калонҳоро хеле кам ташвиш медиҳанд [Войнич, 39].*

К этому типу также относится слово *blind* в американском варианте английского языка. В Англии это слово употребляется только как прилагательное, а в США *blind* полностью перешло в имя существительное со значениями *штора, маркиза, жалюзи*. В Англии же *blind* может использоваться как существительное в значении *слепые*, хотя морфема *-s* к нему не добавляется. Например,

*... the two large windows, with their **blinds** always drawn down, were half shrouded in festoons and falls of similar drapery ... [Bronte, 9]. ~ Ду тирезаи баланди дорои **пардаҳои** ҳамеша фурӯвезон тавассути пар-парҳои аз*

ҳамон матов дӯхташуда намоён астанд [Бронте, 11]. Здесь *blinds* употреблено в американском варианте.

А в следующем примере *blind* употреблено в британском варианте со значением *слепые*:

... *it is like laughing at a blinds, cripple, or...* [Voynich, 94]. ~ Ин баробари он аст, ки мардум ба кӯр, шал, ланг ханда кунанд, ё ки ... [Войнич, 110].

В разряд полностью субстантивированных прилагательных таджикского языка перешли также слова *кампир* (страуха), *баққол* (бакалейщик), *ошпаз* (повар), *ятим* (сирота) и др. Например,

Ман бо маслиҳати кампирон ва мӯйсафедон мурғонро ба онҳо хӯрондам [Айнӣ (1), 150]. ~ *On the advice of the older people in the village I fed them chicken soup* [Aini (1), 170].

Аз ин ҷо масъалаи «савобталабии» баққол ба мо тамоман ҳал шуд [Айнӣ (1), 150]. ~ *Then we understood the meaning of the grocer's "charity"* [Aini (1), 159].

Қассоб гӯсфанд мекушт, ошпазҳо оши палаву кабоб ва нонвойҳо фатири равғанӣ мепухтанд [Айнӣ (1), 69]. ~ *Butchers were slaughtering sheep, cooks were preparing rice and mutton stew, bakers were turning out thick loaves of flat bread* [Aini (1), 90].

Английский эквивалент таджикского субстантивированного прилагательного *кампир* (старуха) выступает словосочетание *old woman*, в котором слово *old* переводится на таджикский язык *пир*, *кӯҳна* (старая, старье), а слово *woman* означает *зан* (женщина). Дословно *old woman* означает *зани пир* (старая женщина) или *пиразан* (старуха).

Субстантивированное прилагательное *баққол* (бакалейщик) переводится на английский язык *grocer*, которое было и остаётся именем существительным.

Слово *ошпаз* (повар) переводится на английский язык *cook* и данное слово входит в разряд имён существительных, т.е. не является субстантивированным прилагательным.

Субстантивированное прилагательное *ятим* (сирота) в английском языке имеет свой эквивалент *orphan*, и данное слово относится к именам существительным.

В английском языке также функционирует ряд слов, которые полностью перешли из прилагательного в существительное. Такие слова приобретают все признаки имени существительного. Они могут употребляться с артиклем, с формантом множественного числа и с морфемой *possessive case* в английском языке. Сюда, по данным М.А. Ганшиной и Н.М. Василевской [Ганшина, 1953, 89], относятся слова *a native, a relative, a savage, a criminal, a black, a white, a liberal, a radical, a conservative, a European, a proletarian, a weekly* (еженедельник), *a monthly* и др. Например,

The whites are in power, they control everything [Abrahams, 103]. ~
Лаҷоми ҳокимият дар дасти *сафедпӯстон* аст, *сафедпӯстон* ҳукмрон
мебошанд [Абрахамс, 135].

"I should not have wished you to stay with your relatives," Montanelli answered gently [Voynich, 3]. ~
Ҳаргиз тарафдор нестам, ки ту бо *хешонат*
зиндагӣ кунӣ; онҳо туро зиқ мекунанд, ман инро нағз медонам [Войнич,
12].

He rattled on, telling anecdote after anecdote; now of the Argentine war, now of the Brazilian expedition, now of hunting feats and adventures with savages or wild beasts [Voynich, 144]. ~
Ғўрмагас ба нақли воқеаҳои бесару
нўг сар карда: гоҳ аз *чангҳои* Аргентина мегуфт, гоҳ аз экспидитсияи
Бразилия лоф мезад, як вақт аз саргузаштҳои шикорӣ ва рӯ ба рӯ шуданаш
бо *ҳайвоноти дарранда* сухан меронд... [Войнич, 164]

Black is not my favorite colour [Hornby, 111]. ~ *Сиёҳ* ранги писандидаи ман нест [информант].

Others were Constitutional Monarchists and Liberals of various shades [Voynich, 66]. ~ *Дигарон тарафдори подшоҳии машрута ва ҳар ранг озодихоҳон буданд* [Войнич, 85].

He and the two mates are as I learn, the only natives in the ship [Doyle, 214]. ~ *То он даме, ки ман медонам, ӯ бо ду ёрдамчиёнаш ягона таҳҷоиён дар кишти мебошанд* [Дойл, 200].

Из этих примеров слова *a black* и *сиёҳ* (чёрный) можно считать абсолютными эквивалентами, так как и английское *black* и таджикское *сиёҳ* (чёрный) могут функционировать и как прилагательное и как существительное. Например,

She was a big woman, and had long black hair [Bronte, 390]. ~ ... *зани қоматбаланд бо мӯйҳои сиёҳи дароз* [Бронте, 389]. В этом примере вопреки примеру: *Black is not my favorite color* слово *black* и его таджикский перевод *сиёҳ* (чёрный) выступает как имя прилагательное.

То же самое можно сказать о слове *liberal* и его таджикском эквиваленте *озодандеш (бетаассуб)*, которые вопреки вышеприведённому примеру в следующих примерах из сопоставляемых языков функционируют как прилагательные:

He was now explaining in Fabrizi's library his theory of the line which should be taken by liberal writers at the moment [Voynich, 65]. ~ *ӯ дар кабинети Фабритси нишаста бо ин гапи худ фаҳмонд, ки нависандагони либерал акнун чӣ гуна бояд рафтор кунанд* [Войнич, 86].

В английском языке к полностью субстантивированным прилагательным относятся также прилагательные, обозначающие национальность: *a Greek - юнонӣ, a German - олмонӣ, a Belgian - белгиягӣ, an American - амриқоӣ, a Norwegian - норвегӣ, an Italian – итолиёвӣ* и др.

В таджикском языке, как видно из перевода названий этих национальностей, процесс субстантивации не происходит. Эти слова остаются прилагательными, образованными при помощи суффикса *-ī* из имён существительных.

It is not strange, then to find the English graduate and the African graduate having much in common [Abrahams, 110]. ~ *Ачиб нест, ки англиси босавод ва африкоии босавод бисёр монандиҳо дошта бошанд* [Абрахамс, 142].

Названия языков в обоих языках представляют собой полностью субстантивированные прилагательные: *Tajik - тоҷикӣ, English - англисӣ, Russian - русӣ, German - олмонӣ, Uzbek – узбекӣ*. Отличаются они только с точки зрения правописания, названия языков в английском пишутся с прописной буквы, в таджикском – со строчной. Например,

When she first came here, she could speak no English [Bronte, 101]. ~ *Вақте ки духтарак ин ҷо пайдо гашт, бо англисӣ гуфтугӯ карда наметавонист* [Бронте, 97].

В английском языке функционирует ряд частично субстантивированных прилагательных: а) прилагательные, обозначающие всех лиц, обладающих называемыми данным прилагательным признаком, качеством. Эти лица рассматриваются как одна группа, а не как отдельные индивиды. Сюда относятся прилагательные *young, dumb, deaf, sick, poor, rich, foolish, reckless* и др. Например,

... *“any ladies either, except the young, and single.”* [Bronte, 170]. ~ *Вай мехоҳад ба наздаш танҳо духтарон ва дӯшизаҳо дароянд* [Бронте, 189].

They have special schools for the deaf and dumb [Hornby, 1207]. ~ *Онҳо барои карҳо ва гунҳо мактабҳои махсус доранд* [информант].

... *the sick could eat little* [Bronte, 67]. ~ *беморон кам таом тановул мекарданд* [Бронте, 74].

Morton, when I came to it two years ago, had no school: the children of the poor were excluded from every hope of progress [Bronte, 324]. ~ *Вақте ду сол қабл ба ин ҷо омадам, дар Мортон ягон мактаб набуд; фарзандони камбағалон имконияти хондан надоштанд* [Бронте, 339].

Certainly not! What fool expects to? [London, 172]. ~ *Албатта не! Кадом аҳмақ чунин мешуморад?* [Лондон, 197].

Как явствуется из данных примеров, во всех этих предложениях субстантивированные прилагательные обозначают группу определённого рода людей, т.е. эти прилагательные, перешедшие в разряд субстантивных слов, имеют значение множественного числа. Частично субстантивированные прилагательные лишены ряда категориальных признаков имён существительных. У них нет ни категории числа, ни артикля, ни формы притяжательного падежа.

Переводы вышеуказанных субстантивированных прилагательных английского языка на таджикский язык свидетельствуют о том, что между сопоставляемыми языками обнаруживается полное соответствие, т.е. таджикские прилагательные *ҷавон* (молодой) и *пир* (старый), *кар* (глухой) и *гунг* (немой), *бемор* (больной), *камбағал* (бедный) и *дармонда* (слабый), *чоҳил* (глупый) и *бебок* (бесстрашный) в этих предложениях полностью субстантивировались. Разница между языками заключается только в том, что в английском языке вышеуказанные прилагательные, перешедшие в разряд имён существительных, стоят в форме единственного числа, но имеют значение множественного числа. В таджикском же языке эквиваленты этих прилагательных в субстантивном значении употреблены в форме множественного числа. Другая отличительная черта между исследуемыми языками заключается в том, что эти прилагательные при подобной функции всегда употребляются с определённым артиклем,

что не характерно для их таджикских переводов, так как такого артикля в таджикском языке нет.

Относительно окказиональной субстантивации прилагательных следует подчеркнуть, что по данному вопросу существуют две точки зрения. Как было отмечено выше [стр. 43], сторонниками этого взгляда являются Д.Э. Розенталь и М.А. Теленкова. Кроме того, эту точку зрения поддерживают Л.Г. Яцкевич и А.Я. Баудер. В частности, Л.Г. Яцкевич описывает окказиональную субстантивацию как транспозицию на словообразовательном уровне, как явление случайное, нерегулярное, выполняющую номинативно-характеризирующую функцию и дающую новое лексическое значение [Яцкевич, 1977, 101-106]. А.Я. Баудер относит эти субстантивации и к семантически не закрепленному, и к структурно не оформленному случаю перехода прилагательных и других частей речи в разряд существительных [Баудер, 1982, 13-19].

Вот один пример из таджикского с переводом на английский:

- *Худро ба гӯли назан, духтар, - мӯйбурида зуд сухани ӯро бурид* [Фирӯз, 61]. ~ *Don't be a fool, - a girl with a short hair interrupted her* [информант].

В таджикском языке *мӯйбурида* (стриженная), как правило, употребляется вместе с именем существительным типа *духтар* (девушка), *зан* (женщина) в словосочетаниях как *духтари мӯйбурида* (девушка с короткой стрижкой), *зани мӯйбурида* (женщина с короткими волосами). В данном примере это слово окказионально употреблено как имя существительное. Или другие примеры:

Кал додари кӯр [Пословица]. ~ *Stay hungry* [proverb].

В данном примере наблюдается субстантивация прилагательного по признаку предмета. *Кал*, т.е. *лысый* – признак предмета. Обычно в таджикском языке прилагательное *кал* употребляется с существительными *мард* (мужчина), *шахс* (личность), *одам* (человек), *сар* (голова) и таким образом выражают словосочетания *марди кал* (лысый

мужчина), *одами кал* (лысый человек), *шахси кал* (лысый человек), *сари кал* (лысая голова).

Субстантивированные прилагательные таджикского языка, подчиняя себе числительные и местоимения, образуют субстантивные словосочетания и при этом у них появляются атрибутивные отношения.

В таджикском языке также прилагательные, указывающие на национальность, местожительства человека, могут переходить в группу существительных. Например,

Сахроӣ ҳам даркор, шахрӣ ҳам даркор! [Икромӣ (2), 80] ~ *We need not only villagers but also townspeople!* [информант].

В данном предложении прилагательные *сахроӣ* и *шахрӣ* перешли в разряд существительных т.е. субстантивировались, так как *сахроӣ* и *шахрӣ* указывают на местожительство человека. Обычно говорят *одами сахроӣ* (житель деревни) или *одами шахрӣ* (житель города). В таджикском словаре данные прилагательные трактуются как *сахроӣ* – *сахронишин, деҳотӣ* (сельский житель); *шахрӣ* – *аҳли шахр, сокини шахр* (горожанин). Значит данные прилагательные постепенно входят в группу полностью субстантивированных прилагательных.

Другие примеры, указывающие на местожительство или национальность:

Дар байни онҳо қаршигиҳо набуда танҳо шахрисабзиён буданд [Айнӣ (1), 534]. ~ *There were not only Karshi people among them, Shahrisabz people also were there* [Aini (1), 543].

Бештарини тоҷикон заминҳои амлок яъне заминҳои подшоҳиро киштукор мекарданд ва бештарини урганчиён майдабаққолӣ доштанд [Айнӣ (1), 9]. ~ *Most of the Tajiks worked on the Emir's estates, and the Urgenchis were mostly retail grosers* [Aini (1), 32].

В таджикском языке субстантивированные прилагательные могут номинировать лицо. По мнению Ш. Рустамова, причина в том, что прилагательные данного разряда очень близки к своему существительному [Рустамов, 1981, 177].

Некоторые прилагательные указывают не только на лица, но и на неодушевлённые предметы. При их субстантивации у них появляются стилистическая функция. Например:

Ба нағзӣ нағзӣ [Шукуҳӣ, 403]. ~ *You must respond to **kindness** with **kindness*** [Shookuhi, 61].

Нужно отметить, что в таджикском языке прилагательные, переходя в разряд существительных, не полностью теряют свои свойства. Это проявляется в их семантике, и в морфологической форме, и в их связи с другими словами. Многие прилагательные в таджикском языке перешли в разряд существительных со своими суффиксами, что указывает на грамматические признаки. Например,

Ятими доно ва бои фиребгари нодон [Айнӣ (1), 40]. ~ *The clever **Orphan** and the **Wicked Landlord*** [Aini (1), 62].

Калонони деҳа ба деҳаи ҳамсоя барои тӯй рафта буданд [Айнӣ (2), 27]. ~ *All the **grownups** had gone to a neighboring village for a celebration* [Aini (2), 21].

Бачагон аввал рост хеста бо якдигар гӯштӣ гирифтанд, пурзӯрон камзӯронро меафтонданд ва мезаданд [Айнӣ (2), 7]. ~ *First the boys got up and began wrestling with each other, the **stronger boys** throwing down and beating the **weaker ones*** [Aini (2), 7].

Субстантивированные прилагательные, участвуя в словообразовательном процессе, принимают суффиксы не имён существительных, а прилагательных.

Например, с помощью суффикса *-ї* образуются абстрактные существительные: *беморї* (болезнь), *бадбахтї* (несчастье), *қашшоқї* (бедность, нищета).

- *Ман ҳам мадрасаро агар тамом мекардам, аҷаб набуд, ки ягон чиз мешудам. Афсӯс, ки ҳамин қашшоқии сабилмонда ба ман имкон надод* [Айнї (1), 96]. ~ *“If I had completed the madrasa, I might well have amounted to something. But, alas, this same accursed poverty never gave me the chance”* [Aini (1), 114].

Лекин ман фикр кардам: “аввал он, ки барои омӯхтани ягон ҳунаро баъзе ноғувориҳоро бардоштан лозим аст;...” [Айнї (1), 98]. ~ *However, I reasoned that, in the first place, it was necessary to undergo a few hardships in order to acquire a skill...* [Aini (1), 117].

Хаёли ширини ин гуна хар доштан ҳамаи душвориҳои мактабро ба ман осон кард... [Айнї (2), 19]. ~ *Such fantasies dispelled all my nightmares of school...* [Aini (2), 15].

В английском языке так же, как и в таджикском, прилагательные могут утрачивать своё квалификативное значение и приобретать предметное значение. Перейдя в разряд существительных, такие слова приобретают и свойства существительных, и выполняют в предложении синтаксические функции существительных.

Таким образом, следует разграничивать полностью, частично и окказионально субстантивированные прилагательные в сопоставляемых языках. В сопоставляемых языках в разряд существительных могут переходить следующие семантические группы прилагательных:

- 1) Прилагательные, которые обозначают национальность: *English* – *англис*
- 2) Прилагательные, обозначающие внешность лица или черту характера: *stupid* – *аҳмақ*.
- 3) Прилагательные, обозначающие название цвета: *black* – *сиёҳ*.

4) Прилагательные, характеризующие социальное положение: *poor* – *камбагал*.

5) Прилагательные, указывающие на состояние человека: *blind* – *кӯр*.

В английском языке такие прилагательные, употребляясь с определённым артиклем, обозначают совокупность лиц, а в таджикском для этой цели используется морфема множественного числа: *the sick* – *беморон*.

2.3. Особенности субстантивации местоимений в английском и таджикском языках

Теория субстантивации в сопоставляемых языках часто рассматривалась на протяжении многих лет. Многие лингвисты [Никитевич, 1968; Лукин, 1982; Баудер, 1988] под термином «субстантивация» понимали, прежде всего, переход прилагательных и причастий в состав существительного. Но за последние годы признаётся переход в существительное и других частей речи, в том числе местоимений [Телегин, 1992; Громова, 1994; Рустамов, 1981; Мухамадиев, 2009, Сайфуллоев, 1981]. В современной лингвистике данная проблема получила наиболее полное описание.

Лингвисты, которые занимаются субстантивацией разных категорий единиц, имеют разные взгляды по данному вопросу.

Всем известно знаменитое высказывание А.А. Шахматова: «Перейти в существительное может всякая часть речи в функции подлежащего или дополнения» [Шахматов, 1941, 400].

По мнению В.В. Виноградова, в качестве имён существительных, кроме прилагательных, могут быть употреблены и местоимения [Виноградов, 1975, 41].

Разные языковые единицы могут субстантивироваться по-разному. У них разная степень субстанциальности. Одни могут соотноситься с конкретным понятием, другие с абстрактным, при этом они выражают в высшей степени абстрагированную субстанциальную идею.

Местоимение – своеобразная часть речи, включающая слова с абстрактным отвлечённым значением. В отличие от слов, принадлежащих к другим частям речи, местоимение не называет конкретных предметов или качеств, а указывает на них [Бархударов, 1960, 70].

С одной стороны, местоимения выделяются в отдельную часть речи, с другой стороны, причисляются к отдельной группе существительных или прилагательных. Они называются местоимение-существительное и местоимение-прилагательное, потому что субстантивирование данной части речи является сложным вопросом.

Местоимение-существительное может заменить существительное:

“This, then, was his father’s residence?” [Bronte, 312]. ~ *Пас, ин хонаи падари љст?* [Бронте, 330].

-Инҳо киҳо?- гуфта пурсид қозӣ. -Додарҳои ман,- гуфт тағоимулло.
-Бисёр нағз инҳо хуб кор мекунанд - гуфт қозӣ [Айнӣ (1), 73]. ~ *“Who are these men?” asked the kadi. “My brothers-in-law,” answered Mullo Dehqon. “Fine they are good workers,” said the kadi* [Aini (1), 93].

Местоимение-прилагательное, указывая на признак, используется как прилагательное:

I see a large building. This building is new. ~ *Ман бинои калонеро мебинам. Ин бино нав аст* [Усмонов, 2016, 41].

Своеобразное синтаксическое употребление местоимений заключается, в том, что они совмещают в себе функции предметного члена предложения [Жигадло, 1956, 48].

Личные местоимения не подвергаются узуальной субстантивации, так как при узуальной субстантивации происходит смена категориального значения и изменение парадигмы слова. Возможна лишь окказиональная субстантивация, при которой с утратой дейктичности происходит смена парадигмы: она утрачивает способность склоняться [Калечиц, 1991, 38].

Так как местоимение выделяется в отдельную часть речи, исходя из этого, можно сделать вывод, что оно тоже могут выражать предметное слово [Громова, 1994, 59].

К группе существительных или предметных местоимений в таджикском языке относятся все личные, возвратные местоимения, некоторые указательные, вопросительные, неопределённые и отрицательные местоимения. Их особенность как имени существительного проявляется тогда, когда они принимают особые грамматические признаки имени существительного [Мухамадиев (а), 2009, 16]. В сопоставительном плане в таджикском и английском языках структурно-семантические особенности местоимения рассматриваются в статьях П. Авлиёева [2016] и диссертационной работе Б. Муродова [2018], в трудах К. Усмонова [2016].

Рассмотрим субстантивацию местоимений, как в английском, так и в таджикском языке и постараемся найти их эквиваленты в сопоставляемых языках. Проанализируем следующие примеры:

Besides, they are received everywhere and I – she laid special stress on the I – have never been strict and intolerant [Tolstoy, 4]. ~ Баъд онҳо дар ҳама ҷо қабул шуданд, ва ман – ӯ **манро** сахттар таъкид намуд – ҳеҷ гоҳ **чиддию бетоқат** набудам [Толстой, 9].

В данном примере личное местоимение *I* опредмечено и оно перешло в разряд существительных, этому свидетельство присутствие определённого артикля *the*. Кроме того, данное местоимение сочетается с предлогом *on*. В данном предложении *the I* выполняет синтаксическую функцию дополнения. В таджикском языке как показывает перевод данного примера, *the I* переводится **манро** (меня). Здесь тоже наблюдается субстантивация, так как **манро** с помощью послеслова **-ро** выполняет синтаксическую функцию дополнения.

For the quality of owning freezing into I, and cuts you off forever from the we [Show, 36] ~ *Ҳамин молпарастиятон шуморо аз мо дур мекунад.* [информант]

Как показывает данный пример, личные местоимения *I* и *we* перешли в группу существительных. Этому свидетельствуют предлог *into* и определённый артикль *the*. Кроме того, местоимения *I* и *we* получили лексическое значение, местоимение *I* трактуется как сущность, личность, а местоимение *we* определяет группу людей, народ. В таджикском языке, как показывает перевод, мы наблюдаем тот же процесс.

That was the price of the I which would not die [Show, 381]. ~ *Ана он арзиши ман – мани буд, ки намиранда хоҳад монд* [информант].

Указательные местоимения тоже могут подвергаться субстантивации:

"It has followed me," and he looked over his shoulder to see whether the it was not standing behind him [Carroll, 55]. ~ *"Вай маро таъқиб кард"* – *ва ӯ аз паси китфаши нигарист, ки оё он дар пасаш ҳафт ё не* [Кэрролл, 36].

Здесь мы видим субстантивацию указательного местоимения *it*, о чём свидетельствует определённый артикль *the*. Здесь под *it* имеется в виду какое-то животное. В таджикском языке оно тоже переводится как указательное местоимение *он*.

He said: I didn't think a that [Abrahams, 193]. ~ *ӯ гуфт: Ман дар бораи ин фикр накардам* [Абрахамс, 204].

Как показывает пример, указательное местоимение *that* может быть субстантивированным, так как оно сочетается с неопределённым артиклем *a*. Здесь *that* выполняет синтаксическую функцию дополнения. А в таджикском языке, как очевидно из перевода *that*, имеет эквивалент указательного местоимения *ин* и оно так же субстантивировалось.

Или другой пример,

... she opened it, and found in it a very small cake, on which the words "EAT ME" were beautifully marked in currants. "Well, I'll eat it," said Alice,

"and if *it* makes me grow larger, I can reach the key; and if *it* makes me grow smaller ... [Carroll, 39]. ~ Алиса онро кушод, дар дарунаш кулчаҳалвое буд, ки дар болояш бо марминҷонҳо хушрӯ навишта шуда буд: “**Маро** бихӯр!” – Чӣ илоҷ, гуфт Алиса, - мехӯрам. Агар **онро** хӯрда калон шавам, калидро аз болои миз мегирам, агар хурда шавам аз тарқиши таги дар медароям [Кэрролл, 46].

Здесь тоже видна субстантивация указательного местоимения *it*, и личного местоимения *me*. В обоих языках личное местоимение *me* – *ман* выполняет синтаксическую функцию дополнения. В таджикском языке, как и в английском, указательное местоимение *it-он* так же субстантивировалось в прямой речи говорящего.

*With the frankness and boldness of youth, he not only then spoke of the injustice of private ownership of land, not only did he compose **theses** in the university on the subject...*[Tolstoy, 134]. ~ Бо чуръату кушодадилии *ҷавононаи худ, вай на танҳо дар бораи хусусӣ нашудани замин сухан мекард, ва дар **ин** бобатҳо дар донишгоҳҳо мақолаҳо менавишт...* [Толстой, 142].

Как показывает данное предложение, указательное местоимение во множественном числе *these* окказионально субстантивировалось и при этом получило формант множественного числа *-s*, и таким образом указывает на предмет, уже известный говорящему во множественном числе. Таджикский перевод показывает, что *these* имеет эквивалент *ин*, но не может выражаться одним указательным местоимением, а сочетается с предлогом *бобатҳо*, хотя здесь тоже можно увидеть случай окказиональной субстантивации.

Вопросительные местоимения тоже, субстантивируясь, могут переходить в состав существительных:

Who can we borrow that from? [Hemingway, 18] ~ Аз *кӣ* қарз мепурсем? [Хемингвей, 19]

You are a humbug sir. – A what?[London, 192]. – *Шумо лофзанҳастед, ҷаноб. – Кӯ?*[Лондон, 217].

В нашей работе есть много примеров субстантивации английского местоимения *nothing*, так как оно входит в словарный состав словаря и переводится как «ничто, ничего, пустяк, мелочь, ноль, пустое место, пустяк» и в связи с этим данное местоимение можно отнести в группу полностью субстантивированных местоимений.

A nothing vexed him... [Bronte, 367] ~ *Ҳар гапи ночиз ӯро азият меодод...* [Бронте, 389].

В данном примере местоимение *nothing* субстантивировалось, так как оно сочетается с неопределённым артиклем *a* и выполняет синтаксическую функцию подлежащего. А в таджикском языке, как показывает перевод, *nothing* – *гапи ночиз* (пустяки) и не является субстантивированным местоимением.

Mr. Rochester turned mechanically to see what the commotion was: but as he saw nothing, he returned and sighed [Bronte, 394]. ~ *Ҷаноби Рочестер аз рӯи одат сарашро тарафи овоз гардонд, то бидонад ки кист, аммо ҷизеро надида, ба ҳолати пештарааш баргашт ва оҳ кашид* [Бронте, 392].

I feared nothing but interruption, and that came too soon. The breakfast-room door opened [Bronte, 5]. ~ *Танҳо аз як ҷиз бим доштам – аз он, ки ба ман халал хоҳанд расонд; ва ин, мутаассифона, басо зуд рух дод* [Бронте, 7].

Alice looked all round the table, but there was nothing on it but tea [Carroll, 31]. ~ *Алиса ба болои миз нигоҳ карда на қадаҳе диду на шишае* [Кэрролл, 38].

В собранных нами материалах также есть большое количество примеров субстантивации неопределённого местоимения *something*.

Yet I have a vague impression that as I ran forward something lay upon the ground to the left of me [Doyle, 41]. ~ *Ба ҳарҳол аранге дар хотир дорам,*

ки ҳамон дам дар тарафи чапи ман **ким-чӣ** дар рӯи замин мехобид [Дойл, 39].

В данном примере наблюдается субстантивация неопределённого местоимения *something*, которое выражает конкретное существительное. В таджикском языке оно переводится как **ким-чӣ** и здесь тоже наблюдается случай субстантивации.

“Something passed her, all dressed in white, and vanished”—“A great black dog behind him” [Bronte, 14]. ~ *Як чизи номаълуми сафедпӯш аз назди бону гузашту ғайб зад. Аз қафояш саги азимпайкари сиёҳе...* [Бронте, 18].

Как показывает данный пример, неопределённое местоимение *something* с сочетанием неопределённого артикля *a* выражает предметное слово и этим субстантивируется. А в таджикском переводе оно выражено артиклем **як**, а местоимение можно не переводить, при этом оно не утрачивает смысла. Местоимение *something* тоже можно считать полностью субстантивированным, так как на таджикский язык оно переводится **ким чӣ**, **ким-чизе**, **чизи аҷоиб** (что-то, что-нибудь, нечто особенное).

Также имеется множество примеров субстантивации местоимения *other* в английском языке:

*I was one of the last to go out, and in passing the tables, I saw one teacher take a basin of the porridge and taste it; she looked at **the others**;* [Bronte, 39].
~ *Ман аз ҳама қафо баромадам ва дидам, ки чӣ сон яке аз муаллимаҳо тоси шавладорро гирифт аз он чашид; ӯ ва **боқимондагон** байни ҳам нигоҳ карданд;* [Бронте, 44].

*I want to know about **the others*** [Voynich, 53]. ~ *Ман ҳоли **дигаронро** доништан мехоҳам* [Войнич, 65].

В таджикском языке, хотя в учебниках по грамматике для вузов не упомянуто о перехода местоимений в разряд существительных, мы

считаем, что если местоимение выражает предметное слово и при том получает все грамматические категории существительного, то оно может субстантивироваться.

Ш. Мухамадиев в своих работах разделил транспозицию местоимений на полную и окказиональную. Слова-местоимения, которые полностью используются в качестве существительного и теряют своё исходное значение, представляют случай полной транспозиции, но в случае использования в двойной функции – как в качестве местоимения, так и в качестве существительного, - эти слова можно отнести к случаям неполной или промежуточной транспозиции [Мухамадиев (Г), 2009, 286-289].

Местоимения таджикского языка не имеют чётко выраженных морфологических признаков, в силу чего их трудно выделить в определённую группу, исходя из особенностей морфологических структур. Их особенность как имя существительное проявляется тогда, когда они принимают особые грамматические признаки имени существительного.

Ш. Мухамадиев выделил следующие случаи перехода местоимений в разряд существительных, с учётом всех лексико-грамматических признаков и видов местоимений:

- 1) Личные и возвратные местоимения;
- 2) Вопросительные местоимения;
- 3) Указательные местоимения;
- 4) Отрицательные местоимения [Мухамадиев (Г), 2009, 286-289].

Рассмотрим некоторые примеры.

- *Агар шумоён як рӯз гайрат карда регҳои даруни ин боғро ба берун кашонида резетон, ин боғ тамоман аз ҳалокат халос мешавад* [Айнӣ (1), 35]. ~ *“It will take you the whole day, but if you carry the sand from in here and dump it outside, this orchard will be saved”* [Aini (1), 55]. В данном предложении наблюдается переход личного местоимения **шумо** (ВЫ) в

состав существительных, так как оно выражается формантом множественного числа **-ён** и выполняет синтаксическую функцию подлежащего.

Так же возвратные местоимения в таджикском языке могут субстантивироваться:

- *Ин аст ҷазои касе, ки кори худро худ намекунад ва бори худро ба гардани дигарон бор карда озодагӣ ва калонгирӣ мефурӯшад* [Айнӣ (1), 139]. ~ “*This is what you get for not pulling your weight, and setting yourself above other people,*” he panted [Aini (1), 157]. В данном предложении местоимение **худ** субстантивировалось, так как оно выполняет синтаксическую функцию подлежащего, этому свидетельствует сказуемое **намекунад** (не делает).

- *Ман акнун меравам, бачаҳо шоҳбофиро хуб омӯхтанд, худашон бофтан мегиранд ...* [Айнӣ (1), 35]. ~ “*I am going now – the leds have learned pretty well how to weave a fence, they can finish it themselves ...*” [Aini (1), 56].

- «*Гирди номи падар чӣ мегардӣ? - Падари хеш бош, агар мардӣ!*» - *гуфтаанд* [Aini (1), 142]. ~ “*Don’t prate about your father’s line and pelf – Be man enough to make a name yourself*” [Aini (1), 161].

Примеры субстантивации вопросительных местоимений:

- *Ин аз чист? - гуфта пурсид* [Айнӣ (1), 15]. ~ *What’s it made of?* [Aini (1), 38].

- *Доманатро кушо, бинам, ки ту чӣҳо чидаӣ?* [Айнӣ (1), 30]. ~ “*Open your lap and let me see what you’ve got.*” [Aini (1), 52].

В первом примере под вопросительным местоимением **чи** автор имеет в виду *материю*, из которой был сшит наряд.

А во втором предложении **чиҳо** выражает *грибы*, которые собирал мальчик.

- *Биё, бинем, ки дар ин хонача кӣҳо янд, ва чӣ кор мекунанд* [Айнӣ (1), 112]. ~ “*Let’s see who’s inside and what they are up to!*” – he suggested [Aini

(1), 131]. В данном примере вопросительное местоимение *ки* выполняет роль именной части сказуемого и этим опредмечивается.

Примеры субстантивации указательных местоимений:

Не ин нест, он аст, - гӯён бачаи дигарро нишон дода ном мебурд [Айнӣ (2), 12]. ~ “*No, not **that one**, **this one**,*” and pointed out a different boy [Aini (2), 10]. В данном примере указательные местоимения *ин* и *он* субстантивировались, хотя и окказионально, в контексте. Данные местоимения в предложении выполняют синтаксическую функцию подлежащего.

Ана ҳамин барои касе, ки дар дасташ пул нест ва муҳтоҷ аст, ёрмандии калон мешавад [Айнӣ (1), 106]. ~ “*And for someone who’s short of cash, **that’s a great help***” [Aini (1), 126].

И в этом примере субстантивация таджикского указательного местоимения *ҳамин* очевидна, так как оно, сочетаясь с указательным местоимением *ана*, выражает абстрактное существительное. Потому что автор, говоря *ҳамин*, имеет в виду помощь, которую он оказал работникам.

Инро ҳама медонанд,- худписандона гуфт Самад [Шукӯҳӣ, 388]. ~ “*Now I know **that, too**,*” Samad agreed [Shookuhi, 32]. В данном примере также очевидна субстантивация указательного местоимения *ин* в таджикском языке, так как данное местоимение в предложении выполняет синтаксическую функцию дополнения с сочетанием послеслога *-ро*.

Пример субстантивации отрицательного местоимения:

Аммо дар вақти омадани ман захираашон ҳеҷ намонда буд ва охирин биринчи худро ба амир палав пухта дода буданд [Айнӣ (1), 106]. ~ “*But by the time I arrived there was **nothing** left of their supply, the last of the rice having been used for the emir’s supper*” [Aini (1), 156].

Примеры субстантивации неопределённых местоимений:

-*Не, инро ҳам медонем, боз дигараш буд. Дар бораи Одил.*

- *Кадомашро?* [Шукӯҳӣ, 399]. ~ “No”, Asad said, “*the one about Ohdeel*”. – “*Which one?*” [Shookuhi, 52].

В данном предложении мы наблюдаем субстантивацию указательного местоимения *ин*, неопределённого местоимения *дигар* и вопросительного местоимения *кадом?* Как показывает перевод предложения, на английском языке данные субстантивированные единицы не субстантивировались.

Ин гуна бозӣ ба зудӣ бачагонро монда кард, баъзеҳо бар рӯи реғи нарм дароз кашида ва баданашонро дар зери офтоби баҳорӣ тофта ёзиданд, баъзе дигарашон аз паси пода ва рамашон рафтанд [Айнӣ (1), 29]. ~ *This game soon tired them out. Some of them stretched out on the soft sand to bask in the spring sunshine, others ran after their straying flocks* [Aini (1), 51].

В данном примере мы наблюдаем переход неопределённого местоимения *баъзе* в существительное, о чём явствует суффикс множественного числа *-ҳо*. *Баъзеҳо* (некоторые) в данном примере обозначает группу детей и выполняет синтаксическую функцию дополнения.

Числительные *як* (один) или *ду* (два), сочетаясь с определительным местоимением *ҳар*, передают предметное значение [Мухаммадиев (а), 16, 2009].

Ҳарду куртаҳои худро ба даруни эзорашон андохта, монанди сарҳадчиёне, ки барои дастгир кардани ҷосус мераванд, ба тарафи шафтолу гавак кашиданд [Шукӯҳӣ, 385]. ~ *Both boys tucked their shirts into their pants and began to stuff peaches down inside their shirts* [Shookuhi, 30].

В данном примере местоимение *ҳарду* субстантивировалось. Но в английском варианте субстантивация не наблюдается.

Ҳар дуяшон мурдаро тахт карда монданд [Айнӣ (1), 56]. ~ *I fetched him, and two of them got the dead man onto a shutter, and then wrapped him in a shroud* [Aini (1), 76].

Также определительное местоимение (*таъинӣ*) может субстантивироваться:

Ҳама хандидем [Айнӣ (1), 160]. ~ *Everyone laughed* [Aini (1), 180].

Итак, как отметил Л.С. Бархударов, в отличие от слов, принадлежащих к другим частям речи, местоимение не называет конкретных предметов или качеств, а указывает на них. По мнению других лингвистов [Громова, Жигadlo, Мухамадиев], так как местоимение выделяется в отдельную часть речи, можно сделать вывод, что оно тоже может выражать предметное слово. Субстантивация местоимений, как в английском, так и в таджикском, вполне вероятна, хотя во многих случаях окказиональна. Несколько видов местоимений в английском языке образуют предметное слово, такие, как личные местоимения *the I* – *манро*, указательные местоимения *a that* – *ин*, вопросительные местоимения *Who?* – *Kū?* и неопределённые местоимения *nothing* – *ҳеҷ чиз*; *other* – *дигар*. Из них личные, указательные, вопросительные субстантивировались окказионально, а неопределённые местоимения перешли в группу существительных полностью. При переходе они принимают все морфологические свойства существительного: выполняют синтаксическую функцию подлежащего и дополнения; принимают определённый или неопределённый артикль; формант множественного числа; сочетаются с предлогом, числительными, указательными и притяжательными местоимениями.

А в таджикском языке наблюдаются переход личных *шумоён* – *you* и возвратных местоимений *худашон* – *themselves*, вопросительных местоимений *чӯ?* – *what?*; указательных местоимений *ин*, *ҳамин* – *this*; отрицательных местоимений *ҳеҷ* – *nothing*. Кроме того, как показывает

анализ примеров, неопределённые *дигар, баъзе – other* и определительные местоимения *ҳамагон – everybody* тоже подлежат процессу субстантивации. Как и в английском языке, во время субстантивации они тоже получают морфологические свойства существительного.

Как показывает анализ, перевод примеров из художественной литературы, в сопоставляемых языках многие местоимения имеют свои эквиваленты и синонимические единицы.

2.4. Особенности субстантивации числительных в английском и таджикском языках

Общим значением числительных является значение числа, т.е. количества или порядкового счёта предметов. Многие лингвисты признают субстантивацию числительных. В английском языке на субстантивацию числительных указывает У.А. Кеннеди: “Числительные могут быть использованы субстантивно в эллиптической функции” [Kennedy, 1935, 326; цит. по Громовой, 1994, 62].

В.Н. Жигадло отметил, что числительные выступают в предложении в функции определения или, при употреблении без определяемых ими существительных, в таких синтаксических функциях, в которых свойственно выступать существительному (подлежащее, дополнение и т.д.), приобретая при этом конкретное содержание в зависимости от данного контекста или от данной ситуации [Жигадло, 1956, 45].

Также Дж. Мейра-Миклестад отмечает, что «показатель множественного числа *-s* добавляется к числительным, если они служат в качестве существительного» [Meyer-Myklesstad, 1967, 486].

В таджикском языке, как отмечает таджикский лингвист Ш. Рустамов, числительные могут субстантивироваться, но в небольшом количестве. Числительные, от того что они являются абстрактным именем числа, в предложении могут функционировать как существительные

[Рустамов, 1981, 186]. На субстантивацию числительных также указывается в учебниках по грамматике для вузов, где подчёркивается, что субстантив-числитель определяются контекстом [ЗАХТ, 1983, 182; ГЗАХТ, 1985, 129].

Ш. Мухамадиев в таджикском языке выделяет три вида субстантивации количественных числительных (десятичные, приблизительные, дробные), переходящие в разряд существительных, обозначающих лицо или предмет по их количеству [Мухамадиев (6), 2009, 13].

*Ба ҳамин тариқа ман се рӯз «рӯза дошта», соҳиби се танга шудам, ки вай хароҷоти сайри Дарвешободи оянда буд [Айнӣ (1), 105]. ~ In this way I “fasted” for **three** days and earned **three** tangas, which were to pay for my forthcoming trip to the Darveshobod fair [Aini (1), 124].*

*Дар ҳафтаи дуҷум писари амаки падарам Иброҳимхоҷа ба Дарвешобод рафтагор шуд [Айнӣ (1), 105]. ~ The **second** week, Father’s cousin Ibrohim Khoja was due to go to Darveshobod [Aini (1), 125].*

*...рег кӯчида омада аввал рудро тамоман ғуронида баландии худро ба девори сепоҳса расонида ва аз он ҷо шорида даромада **сеяки** вайро пахш кардааст [Айнӣ (1), 34]. ~ ... it had then risen to the height of the wall. Flooded across this and spread over **one third** of the enclosure [Aini (1), 55].*

Наряду с другими частями речи, числительные тоже могут субстантивироваться. Субстантивация числительных выражается в приобретении ими сочетаемости существительных, возможности определяться прилагательными, принимать определённый артикль, формант множественного числа и изменяться по числам. Например,

*The **hundreds of thousands** read him and acclaimed him [London, 228]. ~ Ин садҳо-ҳазор нафар китобҳои ӯро мехонданд, мафтун мешуданд... [Лондон, 259].*

В данном предложении числительное *hundreds of thousands* субстантивировалось, так как оно имеет окончание *-s*, т.е. стоит во множественном числе. В данном примере под единицей *hundreds of thousands* имеется в виду конкретное существительное, группа людей (*сотни тысяч людей, читателей книги*). Но как показывает таджикский перевод, хотя числительное *hundreds of thousands* переводится *садҳо-ҳазор*, оно уточняется словом-толкователем *нафар* (*людей*). Это значит, что в таджикском переводе *садҳо-ҳазор* может выразить существительное в одиночку. Для этого ему нужно сочетание с единицей *нафар*. *Hundreds of thousands* здесь заменяет существительное.

Можно привести окказиональную субстантивацию порядкового числительного:

They have given him a third [Hornby, 157]. ~ *Ба ӯ се гузоштан* [информант]. Здесь имеется в виду оценка «три».

Другие примеры:

On which Seven looked up and said, 'That's right, Five! Always lay the blame on others!' [Carroll, 37]. ~ *Ҳафт ба ин қач нигоҳ карду гуфт: "Офарин! Хуб мекуни! Ҳамеша айби худро ба дигарон бор намо!"* [Кэрролл, 44].

В данном контексте числительные *Five, Seven* выступают в роли существительных, так как автор в своей сказке под указанными числительными показывает живых говорящих колод карт.

Five and Seven said nothing, but looked at Two [Carroll, 37]. ~ *Панҷ ва Ҳафт ҳарфе назада ба Ду нигоҳ карданд* [Кэрролл, 44].

"I have mine left from today. I put them in salt in the box."

"Let me get four fresh ones."

"One," the old man said. His hope and his confidence had never gone. But now they were freshening as when the breeze rises.

"Two," the boy said.

"Two," the old man agreed. "You didn't steal them?" [Hemingway, 12] ~

- Сардинаҳои дирӯзаро дорам. Онҳоро дар қуттӣ намак зада мондаам.
- Равам **чорто** тозаашро биёрам.
- **Якто**, - гуфт пирамард. Умеду итминон ӯро ҳеҷ гоҳ тарк намекарданд. Вале ҳоло боз тозатар мешуданд, мисли он ки насими сабуки баҳр мевазад.
- **Дуто**, - гуфт писарак.
- **Дуто**, - розӣ шуд пирамард. – Мабод, ки дуздида бошӣ?[Хемингвей, 13]

Субстантивация числительных также наблюдается в ряде устойчивых сочетаний.

No one can possibly count seventeen by twos [Carroll, 60]. ~ **Дутогӣ** то ҳафтдаҳ шуморидан номумкин аст [Кэрролл, 67].

В данном предложении числительное *two* можно считать субстантивированным, так как оно сочетается с предлогом *by* и суффиксом множественного числа *-s*. Как показывает перевод на таджикский язык, *by twos* переводится **дутогӣ**, хотя оно и числительное но субстантивацией не является.

Let me see: four times five is twelve, and four times six is thirteen, and four times seven is--oh dear! I shall never get to twenty at that rate! [Carroll, 6].

~ **Канӣ**, як санҷида бинам, - чор карат **панҷ** – **дувоздаҳ**, чор карат **шаш** – **сездаҳ**, чор карат **ҳафт**... ман ба ин ҳисобкунӣ то **бист** намерасам [Кэрролл, 11].

Также могут субстантивироваться порядковые числительные:

"Firstly, how did you, a foreigner, come to be implicated in matters of this kind?" [Voynich, 45]. ~ **Якум**, шумо ки одами хориҷа ҳастед, ба ин корҳо чӣ тариқа ҳамроҳ шудаед?[Войнич, 57].

*Having come to see Olenin he was evidently afraid of being taken for an ordinary Cossack, and wanted to let Olenin feel his importance from **the first*** [Tolstoy, 1973]. ~ **Ба назди Оленин омада**, аз афташ вай тарсид, ки ӯро

казаки одди напиндоранд ва хост **фавран** муҳимияти худро исбот кунад [Толстой, 1978].

В данном предложении порядковое числительное *first* перешло в группу существительных. Видно, что *first* сочетается с определённым артиклем *the* и этим указывает на существительное, при этом оно выполняет синтаксическую функцию обстоятельства. А в таджикском переводе, как мы видим, *the first* переводится **фавран** и это наречие, а не субстантивированное числительное.

Lukashka was the first to break the silence: 'Have you a house of your own in Russia?' he asked [Tolstoy, 1856]. ~ Лукашка **аввалин** шуда хомӯширо вайрон кард: - Шумо дар Руссия хонаи шахсӣ доред? [Толстой, 1861].

В данном предложении *the first* – числительное, перешедшее в разряд существительных. Об этом свидетельствуют определённый артикль и синтаксическая функция дополнения. В таджикском переводе *the first* переводится порядковым числительным **аввалин**.

He could not carry out the first, because he possessed no resources outside of the land [Tolstoy, 1900]. ~ Роҳи **аввала** барои ӯ набуд, зеро вай ғайр аз заминҳояш дигар дорой надошт [Толстой, 1905].

Здесь, как и в предыдущем примере, *the first* выражает существительное в сочетании с определённым артиклем *the*. Говоря *the first*, автор имеет в виду *первый способ*, т.е. это абстрактное существительное. При этом числительное выполняет синтаксическую функцию дополнения. На таджикском языке **аввала**, конечно же, порядковое числительное, но оно не субстантивировалось, так как имеет определяющую единицу *роҳ*. В английском языке смысл данного числительного понятен без такой единицы.

The first wants to love and be loved in return. The second wants everything else [London, 163]. ~ **Аввалинҳо** мехоҳанд дӯст доранд ва дӯстошта бошанд. **Дуюмин** тоифаи занҳо ҳама чизро мехоҳанд [Лондон, 194].

В данном примере порядковые числительные *the first* и *the second* субстантивировались. Они сочетаются с определённым артиклем *the*. *The first* и *the second* в данном предложении выполняют синтаксическую функцию подлежащего. В таджикском языке, как показывает перевод, *the first* имеет эквивалент **аввалин**, и оно субстантивировалось, но *the second* переводится **дуюмин** и это не субстантивированное числительное.

The first was a tall lady with dark hair, dark eyes, and a pale and large forehead... [Bronte, 36]. ~ **Нахустини воридшуда хонуме буд мавзунқомат, сиёҳчашм ва сиёҳмӯ, пешонии фароҳу сафед дошт...** [Бронте, 41]. Здесь тоже наблюдается субстантивация порядкового числительного *first*, которое выражено артиклем *the*.

В английском языке все типы числительных могут субстантивироваться: количественные, порядковые и дробные.

"They are," repeated young Jolyon, "half England, and the better half... [Show, 1906] ~ **"Ҳа нисфи Англия" гуфт Ҷолион, "қисми беҳтарин, ва мӯътабар ..."** [информант].

В данном предложении *the better half* - дробное числительное, перешедшее в группу существительных, так как оно обозначает группу людей, т.е. выражает конкретное существительное. Этому свидетельствует определённый артикль *the*, который отождествляет предмет, известный слушателю. В таджикском языке *half* переводится как **нисф**, **қисм**, хотя они и выражают количество, но сами не являются числительными, а относятся к существительным.

By dint of entreaties expressed in energetic whispers, I reduced the half-dozen to two: these, however, he vowed he would select himself [Bronte, 245]. ~ **Оқибат, пас аз моил намудани ӯ бо овози паст, ман тавонистам, ки шашро ба ду расонам, вале ӯ савганд хӯрд, ки ин ду пероҳанро худаш интихоб мекунад** [Бронте, 263].

One third is present at this dance each year... [London, 154]. ~ *Аз се як ҳиссаи одамон ҳамасола дар ин ид иштирок мекунанд...* [Лондон, 185].

В данном примере *one third* – дробное числительное, которое перешло в разряд существительных. В предложении оно выполняет синтаксическую функцию подлежащего, свидетельствует о том – глагол-связка *is*. Здесь тоже автор указывает на группу людей и этим образует конкретное существительное. А в таджикском языке *one third* – *аз се як ҳисса*, и мы не можем отнести это к субстантивированному числительному, так как оно сочетается с единицей *одамон*.

В таджикском языке субстантивация числительных менее продуктивна, но возможна, хотя и окказиональна.

Субстантивированные числительные употребляются в предложении в функции подлежащего, дополнения или именного сказуемого, а в составе словосочетания – в качестве определяемого компонента и требуют определения [Мухамадиев (б), 2009, 286-289].

Примеры субстантивации количественных числительных на таджикском языке:

Дар рӯидаричаи мо ду гулбутта буд, ки яке гули сафед мекушод, дигаре гули гулобӣ [Айнӣ (1), 83]. ~ *There were two rosebushes by our front door, one bearing white roses and the other pink ones* [Aini (1), 102].

В данном предложении количественное числительное *як* субстантивировалось с помощью артиклоида *-е*, несущего в себе сему неопределённости. Оно обозначает конкретное существительное.

Дар тарафи шарқии рӯи ҳавлӣ ду айвонча буд, ки яке барои хонаи ҷанубӣ ва дигаре барои хонаи шимолӣ вазифаи ошхонагӣ ва танӯрхонагиро адо менамуданд [Айнӣ (1), 14]. ~ *At the east end of the inner yard were two porches which served as a combined kitchen and bakery, one for the south and one for the north building* [Айнӣ (1), 37].

Садҳо ба ҷанг рафтанду барнагаштанд [Кӯҳзод, 152]. ~ *Hundreds went to the war and never returned* [информант].

Здесь *садҳо* (*сотни*) с сочетанием форманта множественного числа -*ҳо* выполняет синтаксическую функцию подлежащего. Тому свидетельствуют – сказуемые *рафтанд* (*ушли*) и *барнагаштанд* (*не вернулись*).

Порядковые числительные в таджикском языке, перешедшие в разряд имён существительных, подобно количественным числительным, используются в парадигме грамматических категорий существительного. Переходя в существительное, порядковые числительные могут обозначать неопределённое лицо, или лица и предмет. Они так же могут использоваться с притяжательными суффиксами (местоимёнными энклитиками), с предлогами и союзами [Мухамадиев (г), 2009, 286-289].

Примеры:

Дар дунё одамони аҷиб бисёранд. Яке аз биҳӣ, дигаре аз зардолу, сеюмӣ аз тухм, чорумӣ аз пиёз ва ҳоказо қимобанд [Шукӯҳӣ, 379]. ~ *People are so different in this world. Some of them can not abide certain foods. While one might detest quinces, another might not tolerate apricots or onions or even eggs* [Shookuhi, 19].

Ҳуҷраҳои асосии ошёнаи якум якдара ва аз он ошёнаи дуюм ва чорум дудара буданд, ки дари дуҷуми онҳо дарича буда, ба куча кушода мешуданд [Айнӣ (1), 136]. ~ *The main cells on the first floor had one door, and those on the second and forth floors had two doors, an entrance door and a smaller one opening on the street* [Aini (1), 155].

Хостам аз курпаҳои аз модарам ба мерос монда якеашро биёрам, модари ӯгай надод [Айнӣ (1), 154]. ~ *“I wanted to bring one of the quilts that were part of my mother’s inheritance, but my step-mother wouldn’t let me”* [Aini (1), 173].

Также в таджикском языке возможна субстантивация дробных числительных:

Бо вучуди ин, Лутфулло-Гуппон аз он кор натарсид ва баъд аз он ба тарафи дигари ҷӯй рафта аз он ҷо ҳам сеякашро банд кард [Айнӣ (1), 63]. ~ Nevertheless, Lutfullo Guppon waded confidently into the stream and raked down the earth he had piled up on one side, blocking one third of the waterway [Aini (1), 83].

В заключение можно подчеркнуть, что субстантивация числительных выражается в приобретении ими сочетаемости существительных, возможности определяться прилагательными, принимать определённый артикль, формант множественного числа и изменяться по числам. Все виды числительных – количественные, порядковые и дробные – как в английском, так и в таджикском языке, могут подвергаться случаям субстантивации. Они реализуют категории конкретности, одушевлённости, неодушевлённости и при этом получают все грамматические категории существительного. Выполняют синтаксические функции подлежащего и дополнения, сочетаются с определённым и неопределённым артиклем, с формантом множественного числа (*-s* в английском языке и *-ҳо* и *-он* в таджикском языке), сочетаются с указательным и притяжательным местоимением, а также с предлогом. Лёгкость и активность числительных при субстантивировании объясняется тем, что числительное и существительное имеют тесные связи в предложении. Их взаимосвязь осуществляется через семы “количественность” и “порядковость”. Числительное является неизменной частью речи, поэтому употребление его с морфологическими показателями существительного является его несобственным признаком.

Выводы по второй главе

Подводя итог вышеприведённых анализов, можно сделать следующее выводы:

Лингвисты дают разную трактовку разновидностям субстантивации, но все разграничивают три вида субстантивации: полную, неполную и окказиональную.

При полной субстантивации в английском языке субстантиват приобретает показатели числа и падежа существительного, а также его сочетаемость, характерные определители, такие, как артикль, притяжательные местоимения, числительные, синтаксические функции подлежащего и дополнения. В таком случае другая часть речи функционирует в языке параллельно с существительным как его омоним.

Частично субстантивированные части речи в английском языке не имеют форм множественного числа и притяжательного падежа. Морфологическим показателем их субстантивации является определённый артикль. Субстантиваты такого рода передают значение собирательности, распространяющегося класса, обладающих качествами, названными соответствующими частями речи.

При окказиональной субстантивации части речи переходят в разряд существительных в условиях данного контекста.

Существительные и прилагательные связаны отношениями взаимопритяжения. Как в английском, так и в таджикском языке, модель перехода прилагательного в существительное считается одной из самых продуктивных моделей субстантивации. Данная модель складывается из возможности употребления прилагательного в синтаксических позициях существительного. При употреблении в синтаксической позиции существительного субстантивированное прилагательное приобретает значение имени существительного, т.е. значение признака предмета переходит в значение самого предмета. Кроме того, субстантиват приобретает все грамматические свойства существительного; следует разграничивать полностью, частично и окказионально субстантивированные прилагательные в сопоставляемых языках. В разряд существительных могут переходить следующие семантические группы прилагательных, общие для сопоставляемых языках:

1) Прилагательные, которые обозначают национальность: *English* – *англис* (англичанин).

- 2) Прилагательные, обозначающие внешность лица или черту характера: *stupid* – *аҳмақ* (глупец).
- 3) Прилагательные, обозначающие название цвета: *black* – *сиёҳ* (чёрный).
- 4) Прилагательные, характеризующие социальное положение: *poor* – *камбағал* (бедный).
- 5) Прилагательные, указывающие на состояние человека: *blind* – *кӯр* (слепой).

В английском языке такие прилагательные, употребляясь с определённым артиклем, обозначают совокупность лиц, а в таджикском для этой цели используется морфема множественного числа: *the sick* – *беморон*.

Разные языковые единицы могут субстантивироваться по-разному. У них разная степень субстанциальности. Одни могут соотноситься с конкретным понятием, другие с абстрактным, при этом они выражают в высшей степени абстрагированную субстанциальную идею.

Субстантивация местоимений, как в английском, так и в таджикском языке, вполне вероятна, хотя во многих случаях окказиональна. Несколько видов местоимений в английском языке образуют предметные слова, такие, как личные местоимения *the I* – *манро*, указательные местоимения *a that* – *ин*, вопросительные местоимения *who?* – *кӯ?* и неопределённые местоимения *nothing* – *ҳеҷ чиз*; *other* – *дигар*. Из них личные, указательные, вопросительные субстантивировались окказионально, а неопределённые местоимения перешли в группу существительных полностью. При переходе они принимают все морфологические свойства существительного: выполняют синтаксическую функцию подлежащего и дополнения; принимают определённый или неопределённый артикль, формант множественного числа; сочетаются с предлогами, числительными, указательными и притяжательными местоимениями.

А в таджикском языке наблюдаются переход личных *шумоён* – *you* и возвратных местоимений *худашон* – *themselves*, вопросительных местоимений *чи?* – *what?*; указательных местоимений *ин, ҳамин* – *this*; отрицательных местоимений *ҳеҷ* – *nothing*. Кроме того как показывают анализ примеров, неопределённые *дигар, баъзе* – *other* и определительные местоимения *ҳамагон* – *everybody* тоже подлежат процессу субстантивации. Как и в английском языке, при субстантивации они тоже приобретают морфологические свойства существительного.

Как показывает перевод примеров, в сопоставляемых языках многие местоимения имеют свои синонимичные эквиваленты.

Субстантивация числительных в английском языке выражается в приобретении ими сочетаемости существительных, возможности определяться прилагательными, принимать определённый артикль, формант множественного числа и изменяться по числам. Все виды числительных – количественные, порядковые и дробные – как в английском, так и в таджикском языке, могут подвергаться случаями субстантивации. Они реализуют категории конкретности, одушевлённости, неодушевлённости и при этом получают все грамматические категории существительного. Выполняют синтаксические функции подлежащего и дополнения; сочетаются с определённым и неопределённым артиклем, с формантом множественного числа (*-s* в английском языке и *-ҳо* и *-он* в таджикском языке), сочетаются с указательным и притяжательным местоимением, а также с предлогом.

ГЛАВА 3. СУБСТАНТИВАЦИЯ СПРЯГАЕМЫХ И НЕСПРЯГАЕМЫХ ФОРМ ГЛАГОЛА В АНГЛИЙСКОМ И ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКАХ

3.1. Особенности субстантивации глаголов в таджикском языке и их эквиваленты в английском языке

В решении вопросов транспозиции глагольных основ возникает ряд трудностей. Глагол неслучайно называют системой систем.

Как отмечает В.В. Виноградов, выражение “предметность”, являясь средством опредмечивания разнообразных понятий и представлений, говорит о том что имя существительное находится в сложном взаимодействии со своими и другими классами слов. Ярче и выразительнее всего контраст между именами существительными и глаголами [Виноградов, 1986, 46].

Глагол, будучи номинативной частью речи, обозначает действие или состояние предмета, кроме того, выражает модальность и разные грамматические отношения [Усмонов, 2016, 74].

В таджикском языке глаголы в основном в контекстах выполняют функцию существительных, при этом уровень перехода одной части речи в другую не одинаков. Некоторые слова во время перехода не теряют свои лексические значения, но некоторые теряют. Лексическое изменение во время перехода в основном свойственно глаголу.

Таджикский лингвист Ш. Рустамов отмечает, что спрягаемая форма глагола может субстантивироваться путём конверсии. Например, когда мы говорим *баромад* (*вышел*), это, несомненно, глагол, но в то же время

омоним *баромад* (*выступление*) является существительным. Когда мы говорим *Парвина аз дар баромад* (*Парвина вышла через дверь*), то здесь слово *баромад* – глагол, который обозначает действие. Но когда говорим *Баромади Парвина дар маҷлис ба ҳама маъқул шуд* (*Выступление Парвины на собрании всем понравилось*), то здесь слово *баромад* – существительное, которое отвечает на вопрос *что?* Несомненно, это явление относится к конверсии [Рустамов, 1981, 177].

В таджикском языке количество глаголов, которые полностью перешли в разряд существительных, мало. Но существуют множество глаголов, у которых основное значение расширилось, у них появилось свойство многозначности, и они в своих основных значениях функционируют как глаголы а в другом значении как существительные [Рустамов, 1981, 186; ГЗАХТ, 1985, 128].

Причина перехода глаголов в разряд существительных, с одной стороны, связана с их омонимией, а, с другой стороны, она связана с выполнением их синтаксических функций в контексте. В связи с этим иногда субстантивированные глаголы обозначают предметное значение, и даже конкретное существительное [ЗАХТ, 1982, 174].

Процесс перехода глаголов и особенно их субстантивации в таджикском языке берёт начало с древнего периода развития языка и продолжается до сих пор. В большинстве случаев глагольные основы – аорист, инфинитив, причастие и деепричастие – подвергаются данному явлению [Мухамадиев (Г), 2009, 286-289].

Глаголы таджикского и английского языков делятся на несколько групп. В таджикском языке глагол имеет две основы: основа настоящего времени и основа прошедшего времени. Основа настоящего времени обозначает действие, происходящее в настоящем или будущем. Основа прошедшего времени обозначает, действие, происходившее в прошлом и оно омонимично 3-му лицу единственного числа [ЗАХТ, 1983, 232].

В таджикском языке наблюдается переход в группу существительных обеих основ глагола. Но их соответствие (пропорция) не одинаково. Количество переходящих в существительное основ глагола прошедшего времени гораздо больше, чем основ глаголов настоящего времени.

Например:

*Баъд аз он ки банди миёнаи ҷӯй аз танаи Лутфулло баландтар шуд, у аз ҷояш хеста ба паси банд дузону нишаста ва банди худро бо шиками худ нигоҳдорӣ карда, боз ба ҳамон суръат ва ҷобукии аввалиаш каланд зада аз тарафи омади об лой кашида банди худро баланд ва мустаҳкам кард ва пас аз он аз об баромада ба болои банд хоки хушк партофта, бандро аз хавфи оббарӣ эмин намуд [Айнӣ (1), 63]. ~ Once the central **dam** had risen higher than his own body, Lutfullo got up and knelt behind it and, holding the **dam** in the place with his belly, with the same speed and agility as before, raked more mud onto the **dam** from upstream so as to raise and reinforce it. Then he climbed of the water and shovelled dry earth onto the top; there was now no risk of its being washed away [Aini (1), 84].*

В данном предложении в таджикском языке основа настоящего времени от глагола **бастан** (связывать, соединять) – **банд**, субстантивирясь, перешло в разряд существительных. В данном предложении основа **банд** выражает предметное значение от существительного **банд** (дамба, запруда). Глагол “бастан” в словоформе **банд** можно считать полностью субстантивированным, так как в словаре таджикского языка данный глагол имеет более 10 значений: **банд барои ба ҳам пайвастанӣ чизҳо** (узел), **банди асирон** (кандалы), **ҷои ба ҳам пайвастанӣ устухонҳои бадан** (сустав), **гирех** (узел), **ҳабс** (тюрьма), **зиндон** (яма), **дом** (капкан), **машғул** (занят), **саргарм** (быть занятым), **садди роҳ ё об** (пригород), **монеа дар пеши ҷое** (барьер), **як миқдор алаф ё ҳезум** (связка дров или травы), **қисме ё порчае аз навиштае** (часть, том), **фасл ё**

моддаҳои қонун (глава, раздел) и т.д. [ФТЗТ, 2008, 130]. Как показывает перевод на английский язык, *банд* переводится как *dam* и это субстантивированная единица от глагола *to dam* – преграждать.

- *Мо ҳозир ба як туйхонаи дигар меравем, дар бозгашт ба хонаи шумоён боз меоем* [Айнӣ (1), 16]. ~ “*We’re off to another celebration now, but we’ll stop here on our way back*” [Aini (1), 39].

В данном предложении наблюдается переход глагола *бозгаштан* в существительное – *бозгашт*. *Бозгашт* в предложении выполняет синтаксическую функцию обстоятельства времени. *Бозгашт*, отпредметчиваясь, выражает абстрактное существительное. Здесь автор, говоря *бозгашт*, имеет в виду *баргаштан* (возвращаться), *гашта омадан* (пойти обратно). Как видно из английского перевода, *бозгашт* переводится как *way home* (по дороге домой) и оно не субстантивируется, потому что переводчик выбрал другое словосочетание, а не эквивалент слова *бозгашт*. Однако, если найти перевод слова *бозгашт* в таджикско-английском словаре, находим следующий вариант: *бозгашт n. return*.

Баъд аз бозгашт ба назди ман дароед. Come to see me after your return [TED, 2005, 108]. В данном примере субстантиваты *бозгашт* и *return* в исследуемых языках полностью совпадают.

Как уже известно, субстантивация делится на три группы: полную, неполную и окказиональную. Глаголы тоже бывают полностью субстантивированными, не полностью субстантивированными и окказиональными.

... *бод дар он ҷо ҳам роҳ, наёфта бо ҳамон зӯри бозгашта мебарояд ва он гуррише, ки дар рӯзи шамол аз ин ғор мебарояд, садои даромад-баромади бод аст ба ҳамин ғор* [Айнӣ (1), 52]. ~ ... *and since its way is still blocked, it comes rushing out again. The hohowling that can be heard coming from hereo on a windy day is just the wind rushing in and out of this cave.*” [Aini (1), 72].

В данном предложении глаголы *даромад* (вход) и *баромад* (выход) сочетаются с изафетом *-и*, который служит для связки определяемого. Глагол *баромадан* полностью перешёл в разряд существительных, так как он вошёл в словарный состав таджикского языка и обозначает: *баромад дар маҷлису Ҷамъомадҳо* (выступление на собраниях), *баромад дар сахна* (выступление на сцене), *сарф* (расход), *харҷ* (трата), *масориф* (затрата), *харочот* (расходы), *даромаду баромад* (доход и расход), *баромади иҷтимоӣ* (социальное происхождение) [ФТЗТ, 2008, 418].

Сӯзи дилро ашк берун меовард [Айнӣ (1), 253]. ~ *The heart's pain forced to cry* [Aini (1), 274].

В данном предложении глагол *сӯз*, переходя в группу существительных, образует абстрактное существительное, выполняющее синтаксическую функцию подлежащего. Как и в предыдущем примере, изафет *-и* служит для того, чтобы связывать определяемое. Данный глагол обозначает *дард* (боль), *алам* (горе), *андӯх* (печаль). И он входит в группу не полностью субстантивированных глаголов. По английскому переводу мы видим, что данная единица переводится как *pain*, и этот эквивалент выражает как существительное (боль), так и глагол (болеть).

Некоторые глаголы в форме аориста первого лица единственного числа и третьего лица единственного и множественного числа перешли в существительное, прилагательное или наречие в новый период развития таджикского языка. Аорист в этом значении и функции потерял все лексико-семантические и грамматические особенности глагола и вместо них принял морфологические значения существительного или других частей речи [Мухамадиев (6), 2009, 20].

Ӯ як махлуқи аҷибест, исту бисти вай пур аз таззодохост [Войнич, 155].
~ *He is one of the incomprehensible creatures, a perfect mass of contradictions* [Voynich, 176].

Здесь в таджикском варианте данного примера наблюдается переход формы аориста, и данный глагол можно считать окказиональной субстантивацией. В предложении он выполняет синтаксическую функцию дополнения. В данном предложении автор, говоря *исту бист*, имеет в виду *тамоми ҳастӣ, буду шуди инсон* (всю сущность человека). На английский язык сочетание *исту бист* переводчиком пропущено.

Бари ин ҳавлӣ аз ғарб ба шарқ тахминан 150 метр буда, дарозиаш аз ҷануб ба шарқ тахминан дусад метр меомад [Айнӣ (1), 37]. ~ *The width of this house was stretching 150 metres from the west to the east, and its length was approximately 200 metres* [Aini (1), 56].

В данном предложении глагол *бар* выражает предметное слово, о чём свидетельствует изафет *-и*. Хотя и данный глагол нельзя отнести к группе полностью субстантивированных глаголов, но здесь автор имеет в виду *пахноӣ ё дарозии ҳавлӣ* (ширина двора).

Аммо падарам бо як ҳез аз ду бозуям нигоҳ дошт ва ман бошам, пояк зада гирякунон ва фарёдзанон «меравам-меравам» гӯён нола мекардам [Айнӣ (1), 16]. ~ *But my father suddenly grabbed my arms and held me back as I kicked my feet in the air, crying and shouting "I'm going I'm going"* [Aini (1), 39].

Примеры субстантивации основы прошедшей формы глагола:

Аз рӯи шуниди Асаду Самад об аз ҳамин ду шох меояд [Шукӯхӣ, 388]. ~ *They have told to go to the Dushokh area, from which, the people said, the water flows* [Shookuhi, 34].

В данном предложении глагол *шунид*, субстантивируясь, образовало абстрактное существительное. В предложении оно, сочетаясь с предлогом *аз* выполняет синтаксическую функцию дополнения.

Ба ин доди Давлат касе аҳамият надод [Кӯхзод, 169]. ~ *Nobody paid attention to Davlat's shouts* [информант].

Доди кӯдаки навзодро шунида модараш табассум кард. ~ The mother smiled when she heard her newborn baby's cry [TED, 2005, 198].

В данном примере слово *дод* – основа прошедшей формы глагола, который переходит в существительное, о чём свидетельствует указательное местоимение *ин*, так как известно, что указательные местоимения указывают на предмет или его признак. Кроме того, существование изафета *-и* указывает на притяжательность данной единицы. Субстантивированный глагол *дод* здесь выполняет синтаксическую функцию подлежащего. В английском языке глагол *дод* переводится как *shout, cry* и является субстантивантом от глагов *to shout* и *to cry*.

Таджикские глаголы в соответствии построения своих основ также делятся на правильные и неправильные. Правильные глаголы строят свою основу прошедшей формы с помощью морфем “*-и(д)*” или “*-од*”, которые называются претеритами. Данные морфемы добавляются не к инфинитивной форме, а к основе глагола настоящего времени и они называются презентными формами [Усмонов, 2016, 75].

Из таких видов глаголов глагол *харид* может субстантивироваться. Оно более широко используется в разговорной речи, и обозначает *чизи харидашуда* (купленная вещь, покупка):

Ӯ ҳар рӯз ба бозори Фарғона барои харид мерафт [Айнӣ (1), 262]. ~ *Every day he went to Farghana market to do shoppings* [Aini (1), 281].

Ин хариди хуб аст. It is a good perchuse [TED. 2005, 581].

Здесь глагол *харид* опредметчивается, о чём свидетельствует его синтаксическая функция в предложении, т.е. оно выполняет функцию дополнения.

В таджикском языке глаголы при субстантивации принимают все грамматические категории существительных: ударение, формант множественного числа, артикли и местоимения.

Аз моли дунё 4 таноб – як гектар замин ва як зардолуздор дошт, ки бо **даромади** ҳаминаҳо бечоравор зиндагонӣ мекард [Айнӣ (1), 120]. ~ *His worldly estate consisted of three acres of land and an apricot orchard* [Aini (1), 139].

В данном примере глагол **даромади**, переходя в существительное, обозначает предметное слово, о чём свидетельствует изафет **-и**. Здесь под единицей **даромад** имеется в виду абстрактное существительное, т.е. *пул ё чизе, ки ҳамчун маҳсули ягон фаъолият сарф карда мешавад (деньги или потраченные средства, доход)*. Кроме того глагол **даромадан** во время перехода в существительное принимает своё ударение, которое падает на 3-й слог.

Ман аз ин гузашти мактабдор ба ҷасорат омада, бе он ки дасти чапамро аз сари синаам бардорам, бо дасти ростам пулро дароз кардам [Айнӣ (2), 21]. ~ *Emboldened by this **dispensation**, but without taking my left hand from my chest, I held out the money with my right hand* [Aini (2), 16].

В данном предложении глагол **гузашт**, принимая изафет **-и**, субстантивируется и образует абстрактное существительное. Оно, опредметчиваясь, обозначает **гузашт кардан, бахшидан ё даст кашидан аз нафъи худ ба нафъи каси дигар (простить, забыть)**. К тому же оно в предложении выполняет синтаксическую функцию дополнения. Перевод данного предложения на английский язык показывает, что **гузашт** переводится **dispensation** и это существительное, а не субстантивированный глагол.

Бой ҳам ба ӯ муомилаҳои хуб мекардааст. Масалан, дар вақти кор фармудан ба ӯ намегуфтааст, ки «гузарро хишова кун», ё ин ки «гандумро дарав», балки мегуфтааст, ки «гузаратро хишова кун, гандуматро дарав» [Айнӣ (1), 42]. ~ *The rich man, too treated him well. He never ordered him to “weed the **field**” or “reap the wheat”, but rather he would say “would your **field**,” or “reap your wheat”* [Aini (1), 63].

В данном примере глагол *гузар* в сочетании, переходя в существительное, опредмечивается. Здесь *гузар* выполняет синтаксическую функцию обстоятельства места, как в первом, так и во втором предложении. Глагол *гузар* относится к полностью субстантивированным глаголам, так как он вошёл в словарный состав таджикского языка и обозначает *гузаргоҳ, роҳи равуо, сероҳа ё чорроҳаи шаҳру деҳот, ки дар он магозаву дӯкони гуногун воқеъ гирифтаанд* (квартал, переход, дорога). До времён Октябрьской революции для названия *махаллей* Средней Азии использовалась данная единица: *гузари сӯзангарон* (квартал игольных мастеров), *гузари чинор* (чинарная аллея) и т.д. На английский язык *гузар* переводится *field*, и здесь оно не считается субстантивацией.

Дар деҳа дар байни ҷавонони калонсол гаштак мерафт [Айнӣ (1), 121]. ~ *The older youth in the village used to throw regular evening parties at one another's house* [Aini (1), 140].

Здесь мы наблюдаем аффиксальный переход, так как глагол *гашт* в данном предложении принимая суффикс *-ак*, субстантивируется, и обозначает *ҷамъомад* (встреча) или *шабнишинӣ* (посиделки). На английский язык оно переводится как *regular evening parties* и это не субстантивация, а описательный перевод реалии таджикского языка.

Ман мехоҳам буду шудамро ба ҷиянам мерос гузорам [Кӯҳзод, 81]. ~ *I want all my property to be inherited by my nephew* [информант].

Здесь глаголы *буд* и *шуд* перешли в состав существительных. В данном предложении глагол *буд*, принимая суффикс *-у*, и глагол *шуд*, принимая местоименный суффикс *-ам*, и послеслог *-ро*, выполняют синтаксическую функцию дополнения, которая свойственна существительным. *Буду шуд* в данном примере выражает абстрактное существительное, и здесь автор имеет в виду *ҳамаи дорой, молу мулк ё тамоми чизи дар ихтиёр дошта* (всё богатство, наследство). *Буду шуд*

можно включить в состав окказиональных субстантивированных глаголов, так как оно широко используется в разговорной речи, хотя и встречается в литературных источниках разных авторов. На английский язык *буду шудам* переведено, как *all my property* и это не субстантивация глагола.

Баъд аз ба Россия ҳамроҳ шудани Осиёи Миёна ин гуна тохтҳо барҳам хӯрданд... [Айнӣ (1), 543]. ~ *After re-unification of Central Asia to Russia, such raids were stopped* [Aini (1), 564].

В данном примере слово *тохт* в сочетании с формантом множественного числа *-ҳо* переходит в существительное и выполняет синтаксическую функцию дополнения. Оно обозначает *ҳамла*, или *тохту тоз* (*нападение, набег, налёт*). На английский язык *тохт* переводится как *raid*, которое является субстантивом от глагола *to raid* – нападать.

Учитывая значение и отношения действия к активности и пассивности, все глаголы делятся на переходные и непереходные. Глаголы, которые выражают действие, не распространяющееся на объект, а замыкающееся в самом субъекте, называются непереходными. Такие виды глаголов тоже могут субстантивироваться.

Глаголы также делятся на знаменательные и служебные: знаменательные глаголы имеют полное лексическое значение, в предикативной форме они обычно играют роль глагола-сказуемого. Служебные глаголы, в отличие от знаменательных, не имеют полного лексического значения; их функция – оформлять определённые члены предложения, чаще всего сказуемое. Они не могут употребляться самостоятельно, без сопровождения слов полного лексического значения.

Раис дар он омаданаш як кас ду касро мезад [Айнӣ (1), 573]. ~ *In his way, the leader hit one or two men* [Aini (1), 592].

Амир дар ҷавоб аз шикваи мардум натарсиданаширо нишон додани буд [Айнӣ (1), 635]. ~ *In his turn Emir didn't want to show his **fear** of people's discontent* [Aini (1), 655].

В данном предложении глагол **натарсидан** субстантивируется, так как оно сочетаясь с местоимённым суффиксом 3-го лица единственного числа **-аш** и полеслога **-ро** выполняет синтаксическую функцию дополнения.

Также наблюдается субстантивация модальных глаголов.

Агар хоҳӣ, ман баринок не, аз ман зиёдтар бағайрат, коркун ва кордон шуда метавонӣ, ҳама гап дар хост ва хоҳиши худро ба кор даровардан аст [Айнӣ (1), 35]. ~ *“If you want to, you can be even more energetic and efficient than I – don't just talk about **wishing**, put your wishes into action!”* [Aini (1), 56].

В данном примере модальный глагол **хост** субстантивировалось. Здесь модальный глагол **хост** выполняет синтаксическую функцию дополнения. **Хост** в данном примере обозначает **хоҳиш, ихтиёр** (желание).

В английском языке неличные формы глагола легко транспонируются, так как непредикативные формы содержательно и функционально стоят ближе к единицам предметной номинации, чем предикативные формы [Телегин, 1992, 124].

Аналитические формы глаголов **to do** и **to be**, переходя в существительные, могут быть понятны без контекста. Они стали устойчивыми, воспроизводимыми единицами номинации и были включены в словарь:

To do (глагол) - *It's your turn to do the washing.* ~ *Ҷомашӯи кардан ин дафъа навбати туст.*

В словаре “English Contemporary” Оксфорда **do** трактуется как существительное **шабнишинӣ** (вечеринка):

- *Are you going to a do at John's tonight?* [Longman dic., 396]. ~ Ту ин беғоҳ ба хонаи Чон ба *шабнишинӣ* меравӣ? [информант].

Или другой пример, *has been* обычно обозначает присутствие или отсутствие человека где либо:

- *He has never been in London.* – Ў ҳеҷ гоҳ ба Лондон на рафтааст.

A has been может также обозначать существительное, т.е. человек, который был знаменитым в своё время, но в данный момент забыт всеми.

“*As a writer Shepard is not nearly in the land of the has-been*”. [Longman dic., 655]. ~ Ҳамчун нависанда Шепард ба гӯшаи фаромӯшӣ рафтааст [информант].

Также можно встретить случаи субстантивации модальных глаголов английского языка:

Can they contribute to meeting the needs for influenza control? [Bronte, 74]. ~ Оё онҳо барои пешгирии бемории зуком ҳамаи чизҳои лозимаро таъмин карда метавонанд? [Бронте, 80].

Здесь *needs*, будучи модальным глаголом, перешло в существительное, на что указывает определённый артикль *the* и формант множественного числа *-s*. Но в таджикском языке *the needs* переводится *чизҳои лозима* и это не субстантивация.

Warm clothes are a must in the mountains [Long. dic., 940]. ~ Либосҳои гарм дар кӯҳсор чизҳои зарурӣ мебошанд [информант].

В данном предложении наблюдается субстантивация модального глагола *must*, так как оно принимает неопределённый артикль *a*, который свойственен существительному. На таджикский язык он переведён лексическими средствами как *чизҳои зарурӣ* (необходимые вещи).

Подводя итог данному разделу, можно констатировать, что, наряду с другими частями речи, глаголы в исследуемых языках тоже могут субстантивироваться. Во время субстантивации глаголы, как английского, так и таджикского языков, принимают все морфологические и

синтаксические показатели существительного. В таджикском языке глаголы в основном в контекстах выполняют функцию существительных, при этом уровень перехода одной части речи в другую не одинаков. Некоторые слова во время перехода не теряют свои лексические значения, но некоторые теряют. Лексическое изменение во время перехода в основном свойственно глаголу. Причина перехода глаголов в разряд существительных, с одной стороны, связана с их омонимией, а, с другой стороны, она связана с выполнением их синтаксических функций в контексте. В связи с этим иногда субстантивированные глаголы обозначают предметное значение, и даже конкретное существительное. В таджикском языке количество глаголов, которые полностью перешли в разряд существительных, мало. Но существует множество глаголов, у которых основное значение расширилось, у них появилось свойство многозначности, и они в своих основных значениях функционируют как глаголы, а в другом значении как существительные. Как показывает анализ примеров на таджикские субстантивированные глаголы, в английском языке они выражаются самим существительным.

В таджикском языке наблюдается переход в группу существительных обеих основ глагола. Но их соответствие (пропорция) не одинаково. Количество переходящих в существительное основ глагола прошедшего времени гораздо больше, чем основ глаголов настоящего времени.

В таджикском языке глаголы при субстантивации принимают все грамматические категории существительных: ударение, формант множественного числа, артикли и местоимения.

В сопоставляемых языках также наблюдаются переход служебных и модальных глаголов в существительные. Но наши примеры свидетельствуют о том, что в процесс их субстантивации в исследуемых языках значительно отличается и не имеет полного соответствия.

3.2. Особенности субстантивации инфинитива в английском и таджикском языках

Система инфинитива (неопределённая форма глагола) английского языка объединяет в себе глагольные и именные признаки. Инфинитив отвечает на вопросы “что делать?”, “что сделать?” в исследуемых языках и выражает действие без указания на лицо, число и наклонение, например: *to run* – *давидан* (бегать), *to learn* – *омӯхтан* (изучать), *to ignore* – *инкор кардан* (игнорировать) и т.д.

В таджикском языке инфинитив выражается основой прошедшей формы глагола с сочетанием морфемы *-ан*. *шунидан* – *to hear* (слышать), *рафтан* – *to go* (идти, ходить), *гуфтан* – *to say* (сказать), *омадан* – *to come* (приходить) и т.д.

Ман дар давидан аз ӯ чобуктар будаам [Айнӣ (1), 361]. ~ *It turned out I was running faster than he* [Aini (1), 380].

Агар шогирд танҳо ба омӯхтани ҳунари устои худ қаноат мекард, дар дунё ҳеҷ ҳунар пеш намерафт [Айнӣ (1), 58]. ~ “*If a pupil were content to learn only from his master, no craft on earth would make any progress*” [Aini (1), 77].

Вопросам изучения особенности субстантивации инфинитива по сравнению с другими частями речи лингвистами уделено недостаточное внимание в целом и в исследуемых языках в частности. Большинство лингвистов занимающихся данными вопросами субстантивация инфинитива не рассматривается. Даже в специальных работах, кандидатских и докторских диссертациях, посвящённых субстантивации в английском, русском и других языках, возможности субстантивации инфинитива не исследуются [Лукин, 1965; Смольянинова, 1970; Ким, 1978; Степанова, 1987; Мороховская, 1987; Громова, 1994] и др. Не затрагиваются вопросы субстантивации инфинитива в типологических исследованиях двух или более языках [Мамедов, 1973; Яхьяева, 1973; Чижова, 1997; Гайнудинова, 2002, 2011]. В учебниках по теоретической и

практической грамматике для вузов в исследуемых языках также вопрос о субстантивации инфинитива не стал предметом изучения [Бархударов, 1960; ГЗТ, 1956, Ганшина, 1953; ЗАХТ, 1983, ГЗАХТ, 1985; Аракин, 1989; Камянова, 2015; Рустамова, 1983; 1985].

Субстантивация инфинитива рассматривается в трудах Л.А. Телегина [1992], Э.Д. Саидова [1989], Ш. Мухамадиева [2009], Ю. Рубинчика [2001] и других лингвистов. Ю. Рубинчик, например, подчёркивает, что «многообразны синтаксические функции персидского инфинитива: он легко поддаётся субстантивации, получая грамматические показатели существительных, и может выступать в функции как главных, так и второстепенных членов предложения» [Рубинчик, 2001, 198].

В английском языке инфинитив субстантивируется свободно. В других языках (русский, немецкий, кумыкский) также наблюдается и исследуется субстантивация инфинитива.

Инфинитив, благодаря своему промежуточному положению между категорией глагола и категорией существительного, субстантивируется свободно и его субстантивы отражаются в словаре. Как правило, эти случаи транспозиции очевидны, потому что субстантивированная форма приобретает формально грамматические показатели, свойственные имени существительному [Телегин, 1992, 124].

Так же Л.А. Телегин в английском языке классифицировал группу глаголов, которые чаще всего субстантивируются:

- 1) глаголы, обозначающие действия людей и предметов *drink* (пить), *eat* (есть);
- 2) глаголы движения *go* (идти) *run* (бежать);
- 3) глаголы коммуникации *speak* (говорить), *talk* (разговаривать);
- 4) глаголы, обозначающие звуковые и световые явления *ring* (звонить), *crash* (разбиться);
- 5) глаголы состояния *sleep* (спать), *hurry* (торопиться);

- 6) глаголы физического проявления эмоций *hug*(обнимать), *kiss*(целовать);
- 7) глаголы восприятия *feel* (чувствовать), *watch* (наблюдать);
- 8) глаголы желания *like* (любить), *wish* (желать);
- 9) глаголы умственной деятельности *hope* (надеяться), *think*(думать)
[Телегин, 1992, 126].

Примеры:

... *Arthur, setting the precious drink in a safe place, climbed on to an oil barrel to eat his pork and biscuit* [Voynich, 71]. ~ Артур кўзачаи обро ба цои бежавф гузошта, худро ба даруни бочка гирифт ва ба хўрдани сухарӣ ва гўшти намакин нурӯъ кард [Войнич, 84].

He's quicker at climb than I am [Doyle, 23]. ~ Ў аз ман чаққонтар меҳазад [Дойл, 56].

"Sorry indeed to hear it! She and I must have some talk;" and bending from the perpendicular, he installed his person in the arm-chair opposite Mrs. Reed's [Bronte, 25]. ~ Хеле афсӯс. Дар ин сурат бо вай сўҳбат кардан лозим меояд, - пайкари меҳмон якбора дуқат шуда, вай ба роҳаткурсии тарафи муқобили хонум Рид нишаст [Бронте, 30].

She did not get hold of anything, but she heard a little shriek and a fall, and a crash of broken glass [Carroll, 14]. ~ Доду фарёд баромад, чизе шалапӣ карда афтоду садои шишаҳои шикастаи тиреза баланд шуд [Кэрролл, 22].

'And how many hours a day did you do lessons?' said Alice, in a hurry to change the subject [Carroll, 48]. ~ Дарсҳои шумо чӣ қадар давом мекард? – пурсид Алиса саросема гапро ба дигар тараф бурданӣ шуда [Кэрролл, 55].

"Just now! and rather! How coolly my little lady says it! I dare say now if I were to ask you for a kiss you wouldn't give it me: you'd say you'd rather

not.” [Bronte, 34]. ~ Агар ман инак хоҳам, ки шумо маро **бибӯсед** чӣ, рад мекунед? Хоҳед гуфт: “Шояд не?” [Бронте, 37].

*I became further aware of a strong **smell** of burning* [Bronte, 34]. ~ ... ба димоғам **бӯйи** тунде расид [Бронте, 145].

*“In that sense I do feel apprehensive—I have no **wish** to talk nonsense.”* [Bronte, 124]. ~ Ҳамаи гап дар ҳамин аст – бале, ман асло **майли** он надорам, ки беандеша гап занам [Бронте, 136].

*“**Hope** of what, sir?”* [Bronte, 118]. ~ **Умед** ба чӣ, **чаноб!** [Бронте, 129].

Можно рассмотреть данную классификацию Л.А.Телегина на таджикском языке:

*Ман ин **хурданиҳои** балаззатро ба ёд меовардам, ки шиками гуруснаам шояд тасалли ёбад* [Айнӣ (1), 104]. ~ *I mentally reviewed these delicious **dishes** in hopes of appeasing my growling stomach* [Aini (1), 124].

*Модарам дар як ҳавлии вайрон бо ду бачаи майда аз танҳо мондан тарсида ба **рафтани** ӯ норозигӣ баён кард...* [Айнӣ (1), 66]. ~ *My mother was fearful of staying by herself with two young children in a dilapidated house...* [Aini (1), 87].

*-Биёед, монед ин **гапҳоро*** [Айнӣ (1), 64]. ~ *“Come on, enough of this **talk**”* [Aini (1), 85].

*Ногоҳ **шилдир-шилдири** об ба гӯш расид* [Шукӯҳӣ, 309]. ~ *After an hour, they heard the **splash** of oncoming water* [Shookuhi, 6].

*Албатта, ҳеч қор қардан наметавонистам ва чӣ будани **дарди** ӯро ҳам намедонистам* [Айнӣ (1), 82]. ~ *Of course, I could do nothing, and did not even know the nature of her **suffering*** [Aini (1), 102].

*... маро дубора ба оғӯш кашида сару рӯямро аз **бӯсаи** сероб тар кард* [Айнӣ (1), 84]. ~ *...she hugged me again, and smothered my face with wet **kisses*** [Aini (1), 104].

Ман бо нигоҳи машварат ба «шарики худ» - ба бобоям нигаристам [Айнӣ (1), 18]. ~ *I looked to my “partner,” my grandfather, for advice* [Aini (1), 40].

Мулло Ҳомид ин хоҳиши ӯро рад кард... [Айнӣ (1), 619]. ~ *Mullo Homid had refused this wish...* [Aini (1), 639].

Бобоям чун ин фикрашро ба аҳли деҳаи Маҳаллаи Боло маълум мекунад, онҳо дарҳол арӯс меёбанд [Айнӣ (1), 12]. ~ *When he announced this to the villagers of Mahallai Bolo, they immediately cast about for a suitable wife for my father ...* [Aini (1), 35].

Как видно из примеров в обоих языках, если сравнить субстантивацию инфинитива по группе классификации глаголов Л.А. Телегина по отдельности, очевидно, что процесс субстантивации происходит, но субстантивированные инфинитивы не всегда совпадают.

С высказываниями о том, что инфинитив может субстантивироваться, не согласен Ш. Рустамов. По его мнению, “утверждение о том, что в таджикском языке инфинитив субстантивируется, как нам думается, не совсем правильно” [Рустамов, 1981, 189].

Инфинитив называют названием действия, поэтому он принимает все грамматические категории существительного. В разделе “переход инфинитива в существительное” Ш. Мухамадиев подчёркивает, что “инфинитив принимает все категории существительного, сочетается с предлогами и послелогами, изафетом, местоименными суффиксами притяжательности, количественными числительными, указательными местоимениями [Мухамадиев (а), 2009, 111]. Ш. Мухамадиев также считает, что инфинитивы, относясь к неспрягаемым (неличным) формам глагола, приобретают морфологические признаки существительного и могут переходить в разряд имён существительных [Мухамадиев (б), 2009, 20].

Пурсидан айб нест ... [Айнӣ (1), 357]. ~ *Asking is not a sin ...* [Aini (1), 378]. В данном предложении инфинитив *пурсидан* выражает предметное

слово, так как выполняет синтаксическую функцию подлежащего. *Пурсидан*, образуя абстрактные существительные *суол кардан*, *пурсон шудан*, *салом гуфта* (спрашивать, передать привет), также может обозначать конкретное существительное *сардор ё ихтиёрдори ҷое будан*, *ҷое ё мансаберо идора кардан* (главарь, председатель).

Ман метарсам, ки «ин харҷ барои ту шуд» гуфта Бухоро рафтани маро дер намононанд [Айнӣ (1), 23]. ~, “Because I’m afraid that he’ll charge it to my account and put off sending me to Bukhara” [Aini (1), 46].

Як вақт модарам барои дида омадани падару модараш аз Соктаре ба Маҳаллаи Боло рафт ва акаам ӯро гирифта бурд [Айнӣ (1), 50]. ~ Once my mother left Soctare to visit her parents in Mahallai Bolo, accompanied by my elder brother [Aini (1), 72].

В данном предложении инфинитивы *омадану рафтан* принимают грамматические категории существительного, т.е. суффикс *-у*, формант множественного числа *-ҳо* и изафет *-и* и этим доказывают свой переход в разряд существительных. В предложении данные инфинитивы выполняют синтаксическую функцию подлежащего. *Омадану рафтан* в таджикском языке обозначает *ВИЗИТ*.

Кас худро ноҳинҷор ҳис мекард. На рафтанаширо медонист ва на нишастанаширо [Кӯҳзод, 44]. ~ One could feel inconvenience. One didn’t know, whether to stay or to leave [информант].

В данном примере инфинитивы *рафтан* и *нишастан* могут войти в группу существительных, так как они выполняют синтаксическую функцию дополнения, о чём свидетельствует послелог *-ро*. Кроме того, данные инфинитивы принимали местоимённый суффикс 3-го лица единственного числа *-аш*. В переводе мы видим, что инфинитивы *рафтан* и *нишастан* в английском языке тоже выражаются инфинитивами *to stay* и *to leave*.

Итак, подводя итог, можно суммировать, что инфинитив может субстантивироваться, как и другие части речи. Инфинитив, благодаря своему промежуточному положению между категорией глагола и категорией существительного, субстантивируется свободно и его субстантивы отражаются в словаре. Как правило, эти случаи транспозиции очевидны, потому что субстантивированная форма приобретает формально грамматические показатели, свойственные имени существительному.

Как показывает анализ примеров в процессе субстантивации инфинитив в таджикском языке выражает переносное значение.

3.3. Особенности субстантивации причастий в английском и их эквиваленты в таджикском языке

Многие учёные и лингвисты провели большую работу по исследованию перехода прилагательных и причастий в группу существительных в русском [М.Ф. Лукин, М.К. Смольянинова, Е.Н. Степанова], в английском [Л.А. Телегин, А.Ф. Громова], в немецком [А.А. Смирнова], в кумыкском [Э. Д. Саидова], в сопоставительном плане в русском и других языках [А.Ф. Гайнудинова В.А. Чижова] и др.

В таджикском языке также данной проблеме посвятили свои работы и статьи Д. Таджиев [1954], Ш. Рустамов [1981], М.Т. Джабборова [1998], Ш. Мухамадиев [2009]. Особенности перехода причастий в прилагательные в русском и таджикском языках рассматриваются в статье М.Т. Джабборова [Джабборова, 1999].

Причастие существует в обоих исследуемых языках. Под понятием «причастие» необходимо иметь в виду глагольную форму, которая обозначает действие или состояние предмета как его признак. Такой признак не имеет своего времени. Его время определяется по времени глагола-сказуемого. Причастие в предложении может использоваться, кроме своей основной функции, ещё и в функции существительного.

В английском языке существуют два вида причастий: причастие I и причастие II. Процесс их субстантивации не одинаков, т.е. они отличаются друг от друга. Субстантивация причастия I встречается редко. А субстантивация причастия II, которые происходят разными способами, встречается довольно часто.

*“The dead teach **the living**”*. *He looked down again at the body* [Doyle, 34]. ~ «Мурдагон **зиндагонро** меомӯзонанд». *ӯ аз нав ба ҷасад нигоҳ кард* [Дойл, 80].

Л.А.Телегин считает, что причастие с морфемой *-ing* не используется для обозначения личности [Телегин, 1992, 141]. Но как показывает вышеприведённый пример, со временем такие субстантивированные причастия могут использоваться для обозначения личности.

Причастие II субстантивируется чаще. Конечно же, у него при этом есть один показатель существительного – это определённый артикль:

***Born** in 1864. He’s forty-one years of age* [Doyle, 271]. ~ *Соли 1864 таваллудшуда*. *ӯ чилу-як сола аст* [Дойл, 317].

В данном предложении причастие *born* считается субстантивированным и его точный эквивалент на таджикском языке *таваллудшуда* – тоже причастие, перешедшее в группу существительных.

*Presently, as he stooped over the **wounded**, a startled movement of the crowd made him look up* [Voynich, 220]. ~ ... *сипас ба болои ҷосуси захмхӯрда хам шуд, аммо ҳамин вақт дар издиҳоми ба тарсу ваҳм афтода Монтанеллиро ба сар боло кардан водошт* [Войнич, 244].

В данном примере причастие *wounded* субстантивировалось, но как показывает перевод на таджикский язык его эквивалент *ҷосуси захмхӯрда* (*раненый шпион*) не является субстантивированным прилагательным.

*The **known** and the **unknown** were coming led in the dream-pageant that thronged his vision* [London, 107]. ~ *Дар пеши назараш тасвирҳои хаёли*

торафт бештар шудан гирифтанд, ки дар онҳо шиносу ношинос ҳама омехта шуда буданд [Лондон, 132].

Здесь *known* – причастие прошедшего времени, перешедшее в существительное, которое принимает определённый артикль *the*. Данное причастие на таджикский язык переведено как *шинос*, т.е. это субстантивированное прилагательное. Но слово *unknown* является существительным, и в таджикском языке оно выражается как *ношинос*; как и предыдущее слово, оно является субстантивированным прилагательным.

He was the only Negro among the learned [Abrahams, 74]. ~ *Ў ягона сиеҳпӯст дар байни донишмандон буд* [Абрахамс, 98].

Здесь тоже причастие *learned* субстантивировалось и в предложении выполняет синтаксическую функцию подлежащего. Его можно включить в состав окказиональных субстантивированных причастий. А в таджикском языке оно выражается как субстантивированное прилагательное.

Montanelly watched him with that pity one might feel for the lost [Voynich, 273]. - *Монтанелли ба ӯ бо чунон таасуф менигарист, ки кас ба фавтидае менигарад* [Войнич, 293].

В предложении *lost* является причастием и используется в качестве *гумшуда* (потерянный), *фавтида* (умерший). Как показывает перевод таджикского варианта, *lost* имеет свой эквивалент и оно эквивалентно *фавтида* (умерший).

В английском языке причастия типа *the wounded, the drunken* со временем полностью перешли в группу прилагательных:

He heard the voices of the drunken in the distance... [London, 6]. ~ *Аз масофае овозҳои дарёнавардони мастро мешунид...* [Лондон 13].

Причастие II, которое субстантивируется, обычно стоит во множественном числе:

The wounded are getting better [Euronews]. ~ *Аҳволи захмдорон беҳтар шуда истодааст* [информант].

Но они иногда могут выражаться в единственном числе. Множественное или единственное число определяется из контекста:

“Take the accused back to the cell [Voynich, 274]. ~ *Маҳкумро ба яккахона баред* [Войнич, 301].

В таджикском языке причастие разделяется на причастие прошедшего времени, настоящего времени, настоящего будущего времени, настоящего определённого времени и причастие будущего времени [ЗАҲТ, 1982, 334].

К. Усмонов в таджикском языке разделяет три категориальные формы причастий, которые имеют общность в своей структуре, т.е. каждая из данных единиц имеет одну общую форму причастия прошедшего времени с суффиксом *-а* и *-гӣ* *рафта – рафтагӣ*; причастие настоящего определённого времени *омада истода – омада истодагӣ* и причастие будущего времени *мерафта – мерафтагӣ* [Усмонов, 2016, 176].

Причастия, подобно прилагательным, легко субстантивируются, переходят в категорию имён существительных [Таджиев, 1954,6].

Случаев перехода причастий в существительные значительно больше, чем других неспрягаемых форм глагола, так как эта гибридная глагольная форма выступает в трёх временных формах и имеет различные морфологические варианты [Мухамадиев (а), 2009, 20].

Причастия прошедшего времени в таджикском языке получают выражение предметности и субстантивируются [Таджиев, 1954, 28].

Вақте ки ҷанг сар шуд, сарой будагиҳо ба воҳима афтоданд, ба фикри молу ҷони худ шуданд [Икромӣ (2), 52]. ~ *When the war began, the people in saray (palace) cared about their property and life* [информант].

В этом предложении слово *будагиҳо* является причастием прошедшего времени, которое имеет суффикс *-гӣ*. *Будагиҳо* в данном

предложении субстантивировалось и выполняет функцию подлежащего. Кроме того, *будагиҳо* в предложении принимает суффикс множественного числа (*-ҳо*), которое свидетельствует о наличии множества конкретных существительных. Сказуемые *афтоданд* и *шуданд* сочетаются с подлежащим *будагиҳо*, т.е. суффикс *-ҳо* требует, чтобы глаголы *афтоданд* и *шуданд* присвоили морфему 3-го лица множественного числа глагола (*-анд*). Причастие *будагиҳо*, переходя в группу существительных, обозначает группу людей, т.е. *обитателей дворца*.

На английский язык слово *будагиҳо* переведено как *the people* (*люди*), оно не считается субстантивированным причастием, а существительным. Как видно из перевода, причастие прошедшего времени таджикского языка субстантивировалось, но оно не может выражаться одним причастием в английском языке. Поэтому в английском языке данное причастие выразилось с помощью слова *the people*, поскольку под словом *будагиҳо* (*присутствующие*) в таджикском языке имеются в виду люди, которые не указаны в таджикском контексте. Исходя из этого, можно сделать вывод, что в английском языке слово *одамон* (*люди*) должно использоваться в обязательном порядке.

Наход, ки шунидагиҳоии ман ҳақиқат дошта бошанд-а! [Икромӣ (2), 15]. – *Could what I have heard be true!* [информант].

В данном примере причастие *шунидагиҳоии* переходит в группу существительных, отпредмечивается и в предложении выполняет функцию подлежащего. *Шунидагиҳоии* субстантивировалось, так как сочетается с формантом множественного числа *-ҳо*, который указывает на большинство предметов. Об этом также свидетельствует сочетание сказуемого *бошанд* с подлежащим *шунидагиҳоии*, т.е. глагол *буданд* принимает форму 3-го лица множественного числа глагола (*-анд*). *Шунидагиҳоии* также имеет изафет *-ии*, и с помощью данного изафета связывается со своим определением (*ман-я*). На английский язык *шунидагиҳоии ман* переведено как *what I heard* (*то что я слышал*), которое

не является субстантивированным причастием прошедшего времени. Здесь необходимо добавить слово-толкователь, которое в английском языке выражается относительным местоимением *what*, так как слово *шундагиҳо* в таджикском языке обозначает *что-то услышанное*, которое не приводится в таджикском языке. Из этого следует, что в английском языке необходимо добавить местоимение *what*. В таджикском языке данное существительное выполняет синтаксическую функцию подлежащего, а в английском языке эту функцию выполняет предложение *what I heard*.

...боре ба пурсидагиҳои модараш гуфт, ки дигар илоҷ надорад [Икромӣ (2), 290]. ~ *...once he replied his mother's questions that he had no choice* [информант].

В данном примере причастие *пурсидагиҳо*, которое, принимая формант множественного числа (*-ҳо*) субстантивировалось указывая на множество предметов. Кроме того, оно с помощью изафета *-и* связывает определение с определяемым словом. Но как показывает перевод на английский язык, *пурсидагиҳо* переводится как *questions* (*саволҳо-вопросы*), и оно само по себе существительное, а не причастие.

Перевод вышеприведённых примеров показывает, что слова типа *будагиҳо*, *шундагиҳо*, *пурсидагиҳо* выражают одно грамматическое значение, которое является причастием прошедшего времени и переходят в группу существительных, поскольку выражают предметное слово и указывают на конкретные предметы. Но круг их использования ограничен в контексте, поэтому такие субстантивированные причастия можно включить в группу окказиональных субстантиваций. В английском языке, как показывает перевод примеров, они не имеют своего эквивалента и выражаются с помощью какого-нибудь слова-толкователя.

В нашем материале существуют примеры, где причастия при субстантивации сочетаются с модальным глаголом:

Лекин ҳамин баҳор, ҳамин озодиро дида наметавонистагиҳо буданд.
[Икромӣ (2), 8]. ~ *But this summer there were people who were not able to see this liberty* [информант].

В данном предложении структура *дида наметавонистагиҳо* выполняет синтаксическую функцию подлежащего, так как оно переходит в состав существительных, о чём свидетельствует формант множественного числа (-ҳо). Такая форма указывает на большое количество людей, здесь автор под единицей *дида наметавонистагиҳо* имеет в виду группу людей, т.е. *противников*. На это также указывает сказуемое *буданд*, сочетаясь с подлежащим *дида наметавонистагиҳо*, т.е. суффикс множественного числа -ҳо требует, чтобы глагол *буданд* принял морфему 3-го лица множественного числа (-анд). Как показывает перевод примера на английском языке, как и в предыдущем примере состав предложения в английском языке не может выражаться только посредством причастия. Поэтому синтаксическая структура в английском языке выражается с помощью слова *people*, так как *дида наметавонистагиҳо* в таджикском языке обозначает понятие *одамон* (люди), но оно не указано в таджикском языке. Следует сделать вывод, что в английском языке обязательно нужно поставить единицу *одамон*. Данная субстантивированная структура приняла словосочетание *who were not able to see* в качестве своего определения.

Другие примеры:

-Дина маро масхара карда гурехтагиҳо шумо не-мӣ? [Шукӯҳӣ, 390].
~ “*Aren't you the ones who made fun of me yesterday and then ran away?*”
[Shookuhi, 38].

Рузи дигар ба пурсидагон Абдуфаттоҳ ҷавоб гуфт [Айнӣ (1), 315]. ~
Next day Abdufattoh has answered the questions of the people [Aini (1), 324].

-Хар аз одаме, ки дида ва шунидаашро аз ёд мебарорад, бехтар аст.
Диққат кун, ки ҳеҷ чизро аз ёд фаромӯш накуни! [Айнӣ (1), 132]. ~ “А

*donkey is better than a man who forgets what he has **seen** and **heard**. Take care not to forget anything!*" [Aini (1), 150].

*Падарат одами айбҷӯй аст. **Навиштаи** маро хуш намекунад, гӯй худаш навишта диҳад,- гуфта ба падарам ҳавола мекард* [Айнӣ (2), 36]. ~ *"Your father is very particular. He doesn't like my **handwriting**, so tell him to write it himself."* [Aini (2), 25]

В таджикском языке причастия настоящего определённого времени могут подвергаться субстантивации, заменяя имена, определяемые ими. Известную роль в этом процессе играют случаи препозитивного употребления причастий, где синтаксическая связь с определяемым может ослабевать [Таджиев, 1954, 39]:

*Анвар, хусусан Сурайё хостанд, ки ба **омадаистодагон** гапе назада гузашта раванд...* [Икромӣ (1), 158]. ~ *Anvar and especially Surayo wanted to go by without speaking, to **the coming people*** [информант].

В этом примере **омадаистодагон** относится ко второй форме категориального причастия, т.е. это причастие настоящего определённого времени, которое перешло в группу существительных, о чём явствует добавление суффикса множественного числа **-гон**. В предложении оно выполняет синтаксическую функцию косвенного дополнения. В таджикском языке причастия настоящего определённого времени устойчивы, они твёрдо сохраняют пределы своих категориальных значений. Это свойство не позволяет им переходить в категорию прилагательного [ЗАХТ, 1973, 230]. Несмотря на это, данные причастия могут войти в состав существительных. Перевод на английский язык данного примера показывает, что **омадаистодагон** не имеет точного эквивалента и выражается с помощью той же самой единицы **people**, так как **омадаистодагон** в таджикском языке обозначает **одамон** (люди), что не указано в таджикском языке. Это указывает на то, что единицу **одамон** в английском языке обязательно нужно компенсировать. Данное

существительное выполняет синтаксическую функцию подлежащего, и причастие *coming* приведено в качестве его определения.

Причастия будущего времени тоже могут субстантивироваться [Таджиев, 1954, 32], о чём свидетельствует нижеприводимый пример:

Мефаҳмидагӣ ҳамдардӣ мекунад, намефаҳмидагӣ бедардона айбу эрод мегирад [Икромӣ (1), 46]. ~ *The one who understands it sympathizes, and the one who doesn't understand it finds faults carelessly* [информант].

В данном предложении единицы *мефаҳмидагӣ* (понимающий) и *намефаҳмидагӣ* (непонимающий) субстантивировались, на что указывает их синтаксическая функция. Они приобрели предметное понятие, выполняя синтаксическую функцию подлежащего, отвечают на вопрос *кӣ? (кто?)*. Здесь причастия *мефаҳмидагӣ* и *намефаҳмидагӣ* тоже можно отнести к группе окказиональной субстантивации, хотя они и не вошли в состав “Фарҳанги забони тоҷикӣ” (Словарь таджикского языка); как в литературе, так и в разговорной речи такие субстантивированные причастия широко употребляются и их значения общепонятны. *Мефаҳмидагӣ* в английском языке переводится сочетаниями относительного местоимения *that* с числительным *one* и придаточным предложением *who understands it*. Единица *намефаҳмидагӣ* на английский язык переводится с помощью сочетания относительного местоимения *that* и числительного *one* и придаточным предложением *who doesn't understand it*.

В тех случаях, когда причастие на *-анда* не выражает признака а выражает сам предмет, оно субстантивируется. Субстантивированные причастия на *-анда* представляют собой частое явление в текстах таджикской художественной литературы. При этом причастия могут выступать в качестве имён существительных лишь в определённом контексте [Таджиев, 1954, 15]:

Ояндагон гузашта рафтанд [Айнӣ (1), 157]. ~ *Coming people have passed away* [Aini (1), 177].

В таджикском языке причастия во время субстантивации принимают все грамматические категории существительных: неопределённый артикль, сочетание с предлогами и послелогоми, и они выполняют синтаксическую функцию существительных.

Как в английском так и в таджикском языке в функции подлежащего могут выступить субстантивированные причастия, причём в английском языке такое причастие обозначает не один, а больше одного предмета, тогда как в таджикском языке у них имеются формы и единственного и множественного числа [Малыхина, 2011, 72].

Ба суханони монанди худашон дасторкалонон гӯш андозанд ҳам, гуфтаҳои мо барин касонро, маъқул бошад ҳам, писанд намекунанд... [Айнӣ (1), 127]. ~ ... *they listen to fat-turbaned clerics like themselves, but however sensible may be the views of a layman like me, they refuse to accept them* [Aini (1), 147].

В данном примере причастие *гуфтаҳо* субстантивировалось, так как оно принимает формант множественного числа *-ҳо*. Кроме того, присутствие изафета *-и* служит для связи определяемого слова. В толковых словарях таджикского языка значения причастия *гуфта* трактуется как существительное и обозначает *гали гуфташуда* (сказанное слово), *гуфтор* (высказывание), *сухан* (речь), *калом* (слово), *қавл* (обещание), *нақл* (рассказ), *баён* (изложение), *тақрир* (повествование), *суруда* (напев), *ашъор* (поэзия), *шеър* (стихи) [ФЗТ, Ч. 1. 1969, 300; ФТЗТ, Ч. 1. 2008, 352]. Исходя из этого, данное причастие можно отнести в группу полной или исторической субстантивации, хотя они иногда используются для обозначении своих прямых значений.

... *гуфтаҳои ҳар кас ба ҳаво рафт* [Айнӣ (1), 513]. ~ *All the words were wasted on* [Aini (1), 534].

В данном примере слово *гуфтаҳои* переходит в существительное, и принимая формант множественного числа *-ҳо*, свидетельствует о множественном числе существительного. *Гуфтаҳо* посредством изафета *-и* связывается со словом *ӯро* и этим выражает притяжательность. А в английском языке *гуфтаҳои* переводится *words* (слова), стоит во множественном числе, но мы не можем отнести его к субстантивированному причастию, так как слово *words* в английском языке существительное.

Аз гуфтаҳои Мулло Амон иштироккунандагон ҳама чизро фаҳмиданд... [Айнӣ (1), 525]. ~ *From the Mullo Amon's words everybody understood everything* [Aini (1), 555].

В данном примере предлог *аз* как вспомогательное слово, сочетаясь с субстантивированным причастием *гуфтаҳои*, служит для выражения объектного отношения.

Бояд ҳамаатон ба гуфтаи ман гӯш диҳед [Айнӣ (1), 323]. ~ *All of you must obey me* [Aini (1), 353].

Здесь слово *гуфта* – существительное, так перед ним стоит предлог *ба*, который служит для выражения объективного отношения. Как существительное данная единица принимает изафет *-и*, который служит для выражения атрибутивного отношения.

Ба гапи ман гӯш кун ва гуфтаҳоиамро иҷро нам! [Икромӣ (1), 321]. ~ *Listen to me and follow my words!* [информант].

В данном предложении причастие *гуфтаҳоиамро* субстантивировалось, так как оно принимает послеслог *-ро*, суффикс множественного числа *-ҳо*, указатель притяжательности – местоимённый суффикс *-ям*. Кроме того, субстантивированное причастие *гуфтаҳоиамро* в предложении выполняет синтаксическую функцию прямого дополнения. В английском языке, как показывает перевод, субстантивированное

причастие *гуфтаҳоямро* переведено как *my words* (*суханони ман – мои слова*) и оно само по себе существительное, а не причастие.

Гуфтагиҳо ба шумо нодуруст гуфтанд [Икромӣ (1), 132]. ~ *The reporters have told you wrong words* [информант].

Здесь причастие *гуфтагиҳо* субстантивировалось и в предложении выполняет синтаксическую функцию подлежащего, так как под понятием *гуфтагиҳо* имеется в виду конкретное существительное, т.е. *группа людей-доносчиков*. Кроме того, *гуфтагиҳо* с помощью форманта множественного числа *-ҳо* образовало множественное число данного существительного. Данное слово, хотя и не вошло в состав “*Фарҳанги забони тоҷикӣ*”, но оно широко используется в разговорной речи. На английский язык оно переведено как *reporters*, выполняет синтаксическую функцию подлежащего. Мы не можем считать слово *reporters* субстантивированным причастием, так как оно само является существительным которое приняло суффикс *-er*.

Хайр, набошад, гуфтаҳои директори мактаб чӣ маъно доранд? [Икромӣ (1), 190]. – *Well, what do then the headmaster's words mean?* [информант]

В данном примере причастие *гуфтаҳои* перешло в группу существительных, выполняя синтаксическую функцию подлежащего. Сказуемое данного предложения сочетается с подлежащим по числу. Это подлежащее стоит во множественном числе, и принимая изафет *-и*, связывает определяемое с определением. Как показывает перевод на английский язык, *гуфтаҳои* переведено как *words*, выполняет синтаксическую функцию подлежащего, но не является субстантивированным причастием.

Ин ҳама гуфтаҳои шумост [Икромӣ (1), 164]. ~ *These are all your words* [информант].

В данном примере субстантивированное причастие *гуфтаҳои* выполняет функцию именной части сказуемого. В английском языке *гуфтаҳои* переведено как *words*, которое тоже выполняет функцию именной части сказуемого.

Аз гуфтаи ӯ фаҳмидам... [Айнӣ (1), 315]. ~ *I understood from his words...*[Aini (1), 321].

В этом предложении причастие *гуфта* переходит в имя существительное, сочетаясь с предлогом *аз*, оно выполняет синтаксическую функцию обстоятельства. На английский язык оно переводится как существительное *words (слова)*, которое невозможно считать как эквивалент субстантивированного причастия.

Анализ приведённых примеров в данном разделе свидетельствует о том что, причастия как в английском, так и в таджикском, субстантивируются. При субстантивации в таджикском языке причастия могут:

- 1) Стоять как в единственном, так и во множественном числе: *гуфта, рафтаҳо*;
- 2) Использоваться с предлогом: *аз гуфтаҳои ӯ*;
- 3) Принять притяжательную морфему: *гуфтаҳоиам, гуфтаҳоиаш*;
- 4) Принять изафет *-и*: *гуфтаҳои шумо*;
- 5) Принять послеслог *-ро*: *гуфтаҳоиамро, гуфтаҳоиоро*;
- 6) Выполнять функцию подлежащего: *Дидагиҳо гуфтанд*;
- 7) В предложении выполнить функцию дополнения: *Ман ба гуфтаҳои директори мактаб бовар мекунам*;
- 8) Выполнить функцию именной части сказуемого: *Ин ҳама гуфтаҳои шумост*;
- 9) Сочетаясь с предлогом, выполнить функцию обстоятельства: *Баъди гуфтаҳои шумо ман пушаймон шудам*.

В английском языке субстантивация причастий I-го и II-го происходит по разному. Переход причастия I происходит редко: *The dead*

teach the living. Причастие II при субстантивации обычно стоит во множественном числе, хотя иногда встречается и в единственном. Обычно его число определяется из контекста.

Из проанализированных примеров можно прийти к выводу, что слова типа *the living, born, the lost, the accused* имеют свои эквиваленты в таджикском языке – *зинда, таваллудшуда, фавтида, айбдоршаванда* и в обоих сопоставляемых языках субстантивируются одним и тем же способом.

3.4. Особенности субстантивации наречий в английском и таджикском языках

Наречие – самостоятельная неизменяемая часть речи, которая выражает признак процесса действия или другого признака.

Субстантивация наречий в английском языке – обычное явление и многие лингвисты доказали это. Наряду со случаями, в которых прилагательное переходит в существительное, бывают и обратные, когда существительное приобретает признаки прилагательного [Ильиш, 1948, 80; Pyish, 1971, 64].

Наречию иногда представляется право выступить в роли существительного [Виноградов, 1986, 18].

Среди публикаций, посвящённых субстантивации, имеются работы, касающиеся отдельных аспектов изучения субстантиватов. Например, работы Р.Н. Валеева [1974] и М. Ф. Лукина [1986] посвящены особенностям субстантивации наречий в русском языке.

В теоретических работах по таджикской грамматике и учебниках для вузов [ГЗТ, 1956, ЗАХТ, 1983, ГЗАХТ, 1985] субстантивация наречия не упоминается. Субстантивации наречий в таджикском языке посвящён небольшой раздел в диссертационной работе Ш. Мухамадиева [1985, 117-122], где отмечается, что «возможность использования наречий в определённых контекстных условиях в функции существительного

свидетельствует о том, что их использование в субстантивном значении – посредством прилагательного – определяется именно их синтаксической функцией, местом в предложении и грамматическими показателями» [Мухамадидев (б), 2009, 117].

Л. Телегин выделяет частичную субстантивацию наречий и отмечает, что при субстантивации они приобретают грамматические признаки существительных: выполняют синтаксические функции подлежащего, дополнения; употребляются с предлогами и артиклями; определяются указательными и притяжательными местоимениями, неопределённым числительным “*every*” и формами множественного числа. Связь между наречием и существительным, которое является основой для субстантивации, можно увидеть в семантических свойствах наречий. Значения наречий служат базой для порождения предельно богатой по своему потенциальному содержанию речевой семантики наречий-субстантивов, где это очевидно и при анализе субстантивов наречий, соотносимых с абстрактным понятием.

Субстантивация наречий складывается из возможности употребления наречия в синтаксической позиции существительного. При переосмыслении значение признака транспонируется и транспозит приобретает значение предметности, связанной с данным признаком, благодаря чему возможно синтаксическое переодевание наречия [Телегин, 1992, 175].

Иногда в функции подлежащего может выступить наречие, если оно субстантивируется [Юсупова, 2006, 73]. Например:

Tomorrow will do [Voynich, 30]. ~ *Пагоҳ ҳам мешавад* [Войнич, 50].

В английском языке субстантивация наречий наиболее продуктивна с наречиями времени и места: *tomorrow* (завтра) *today*, *yesterday* (сегодня), *now* (сейчас), *once* (один раз), *then* (тогда), *above* (над), *uptown* (верхней части города), *beyond* (за), *behind* (сзади), *outside* (снаружи), *within* (в пределах) и т. д. Примеры:

*He was unable for some time to recall exactly to memory the circumstances of **the yesterday*** [London, 181]. ~ *Як муддат ӯ ҳодисаҳои дирӯзаро пай дар пай ба хотир оварда натавонист* [Лондон, 188].

Наречие *yesterday* в данном предложении перешло в разряд существительного, так как оно сочетается с определённым артиклем *the* и выполняет синтаксическую функцию дополнения. Из перевода на таджикский язык мы видим, что наречие *yesterday* имеет эквивалент *дирӯза*, но оно не субстантивировалось, так как перед наречием *дирӯза* стоит пояснительное слово *ҳодисаҳо*.

*When the **outsides** saw this, they put their halfpence back into their rockets again* [London, 26]. ~ *Вақте ки, мусофирон ин ҳолро диданд, аз нав пулҳояшонро ба киссашон гузоштанд* [Лондон, 32].

*...it was a pity Mr. Brocklehurst could not see them too; he would perhaps have felt that, whatever he might do with the **outside** of the cup and platter, the **inside** was further beyond his interference than he imagined* [Bronte, 55]. ~ *Афсӯс, чаноби Броклҳерст инро надид: шояд он гоҳ мефаҳмид, ки ҳар қадар ӯ доир ба намуди зоҳирии онҳо заҳмат кашад ҳам, олами ботинии онҳо аз ӯ беохир дур аст* [Бронте, 61].

В данном примере наречия *outside* и *inside* субстантивировались, так как они с сочетанием определённого артикля *the* выражают существительное. Данная субстантивация входит в группу окказионально субстантивированных наречий. На таджикский язык данные единицы переводятся как *намуди зоҳирӣ* и *ботинӣ* и эти единицы – прилагательные, а не субстантивированные наречия.

*So they wanted me to come up and get the straight of it so as to get the charge dismissed, if possible so now if you'll just let me know the **ins** and **outs** of*

this — you know — that is —” [London, 192]. ~ *Онҳо ба ман супориш доданд, ки ҳама чизро омӯхта барояму агар мумкин бошад корро хобонам, ва агар шумо ба ман ҳама **чизро** гуфта медед...* [Лондон, 200].

В данном предложении наречия *ins* и *outs* в сочетании с определённым артиклем *the* и формантом множественного числа *-s* субстантивировались и выполняют синтаксическую функцию дополнения, которое свойственно существительному. На таджикский язык они переводятся как **чиз** и это существительное, а не субстантивированное наречие.

Возможность использования наречий в определённых контекстных условиях в функции существительного свидетельствует о том, что их использование в субстантивном значении – определяется именно их синтаксической функцией, местом в предложении и грамматическими показателями. В значении имени существительного они непосредственно обозначают названия времени, направлений, уровней, площадей, объёмов, количеств, даже иногда и лиц. При этом они отвечают на вопрос *кто?* и *что?* и принимают специальные грамматические признаки [Мухамадиев (6), 2009, 21].

Касби асосии аҳолии ин деҳа деҳқонӣ буда, бештаринашон камзамин ва безамин буданд [Айнӣ (1), 8]. ~ *The basic occupation of the inhabitants was farming, **most of them** being smallholders or landless peasants* [Aini (1), 32].

В данном предложении можно увидеть, хотя и окказионально, субстантивацию количественного наречия **бештар** в таджикском языке. Видно, что данное наречие получило местоимённый суффикс **-аш** и формант множественного числа **-он** и этим выражается конкретное существительное во множественном числе. Здесь автор под единицей **бештаринашон** имеет в виду *большое количество людей, жителей деревни*. А в английском языке, как показывает перевод, единица **бештарин** не подлежит субстантивации.

Ҳарчанд орзуи хондан, хусусан баъд аз васияти падарам, аз **аввала** зиёдтар шуда бошад ҳам, ин орзу ба назарам як хаёли маҳол барин менамуд [Айнӣ (1), 161]. ~ *Though I wanted this more than ever, particularly after my father's last words this hope seemed to be an impossible dream* [Aini (1), 181].

Здесь наречие времени **аввал** перешло в разряд существительных, так как оно сочетается с предлогом **аз** и выражает абстрактное существительное, т.е. автор здесь имеет в виду мечту.

-Не, гуфт ӯ, **поёнашро** хон! Аммо ман намедонистам, ки **болояш** кадом асту **поёнаш** кадом аст [Айнӣ (2), 23]. ~ *“No, no, read the next line,” he said. But I did not know what was written on which line* [Aini (2), 18].

Шарифчон-махдум бо **наздиқон** ва хизматгорони худ омада будаанд [Айнӣ (1), 126]. ~ *Sharifjon Makhdum had arrived with his entourages, and additional quests had been invited in his honor* [Aini (2), 188].

Как видно из примеров, субстантивация наречий возможна в английском и таджикском языках. При субстантивации наречий они приобретают грамматические признаки существительных: выполняют синтаксические функции подлежащего, дополнения; употребляются с предлогами и артиклями; определяются указательными и притяжательными местоимениями.

Многие таджикские лингвисты не рассматривают возможности явлений субстантивации наречий, по нашему мнению, данный вопрос может стать темой будущих изысканий лингвистов, в том числе и в сопоставительном плане. Мы придерживаемся мнения тех лингвистов, которые считают, что наречие в таджикском языке может субстантивироваться. Анализ приведённых примеров свидетельствует о том, что субстантивироваться они могут, хотя и окказионально.

Субстантивация наречий в английском языке – обычное явление и многие лингвисты доказали данную теорию.

Выводы по третьей главе

Можно сделать выводы, что, наряду с другими частями речи, глаголы также могут субстантивироваться. При субстантивации глаголы как английского, так и таджикского языков, принимают все морфологические и синтаксические показатели существительного. В таджикском языке глаголы в основном в контекстах выполняют функцию существительных, при этом уровень перехода одной части речи в другую не одинаков. Некоторые единицы во время перехода не теряют свои лексические значения, но некоторые теряют. Лексическое изменение во время перехода в основном свойственно глаголу. Причина перехода глаголов в разряд существительных, с одной стороны, связана с их омонимией, а, с другой стороны, она связана с выполнением их синтаксических функций в контексте.

В таджикском языке количество глаголов, которые полностью перешли в разряд существительных, мало. Но существуют множество глаголов, у которых основное значение расширилось, у них появилось свойство многозначности, и они в своих основных значениях функционируют как глаголы, а в другом значении как существительные. Как показывает анализ примеров на таджикские субстантивированные глаголы, в английском языке они выражаются самим существительным.

В таджикском языке наблюдается переход в группу существительных обеих основ глагола. Но их соответствие (пропорция) не одинаково. Количество переходящих в существительное основ глагола прошедшего времени гораздо больше, чем основ глаголов настоящего времени. В таджикском языке глаголы при субстантивации принимают все грамматические категории существительных: ударение, формант множественного числа, артикли и местоимения.

Инфинитив также может субстантивироваться. Хотя некоторые лингвисты исключают субстантивацию инфинитива. Инфинитив, благодаря своему промежуточному положению между категорией глагола

и категорией существительного, субстантивируется свободно и его субстантивы отражаются в словаре. Как правило, эти случаи транспозиции очевидны, потому что субстантивированная форма приобретает формально грамматические показатели, свойственные имени существительному.

Как показывает анализ примеров, в процессе субстантивации инфинитив в таджикском языке выражает переносное значение.

Причастия как в таджикском, так и в английском языке, могут субстантивироваться. При субстантивации в таджикском языке причастия могут: стоять как в единственном, так и во множественном числе; использоваться с предлогом; принимать притяжательную морфему; принимать изафет **-и**; принимать послеслог **-ро**; выполнять функцию подлежащего; в предложении выполнять функцию дополнения; выполнять функцию именной части сказуемого; сочетаясь с предлогом выполнять функцию обстоятельства.

В английском языке субстантивация причастий I-го и II-го происходит по разному. Переход причастия I происходит редко, причастие II при субстантивации обычно стоит во множественном числе. Обычно его число определяется из контекста.

Из проанализированных примеров можно прийти к выводу, что слова типа *the living, the born, the lost, the accused* имеют свои эквиваленты в таджикском языке – *зинда, таваллудшуда, фавтида, айбдоршаванда* и в обоих сопоставляемых языках субстантивируются одним и тем же способом.

Субстантивация наречий возможна в английском и таджикском языках. При субстантивации наречий субстантивы приобретают грамматические признаки существительных: выполняют синтаксические функции подлежащего, дополнения; употребляются с предлогами и артиклями; определяются указательными и притяжательными местоимениями.

Хотя большинство таджикских лингвистов не рассматривают вопросы субстантивации наречий, наречие как и в английском языке может субстантивироваться и в таджикском языке, как показывают примеры, они могут субстантивироваться, хотя и окказионально.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ материала показывает, что в сопоставляемых языках субстантивы характеризуются стилистической дифференциацией.

Стилистический колорит каждого из выявленных типов субстантивов разный, в связи с чем полные и неполные субстантивы шире и разнообразнее применяются в жанрах разговорного стиля, в частности, в жанре художественной литературы. Окказиональные субстантивы свойственны замкнутому, научному стилю, в частности жанру лингвистической литературы. Поэтому при изучении субстантивации следует учитывать и фактор функционально-стилистической дифференциации.

Таким образом, проблема субстантивации разных видов языковых единиц, как английского, так и таджикского языков выкристаллизовывается во всей сложности, многогранности и сущности.

Каждая часть речи имеет свою специфику и может транспонироваться, т.е. переходить в другую часть в зависимости от присущих ей грамматических категорий и способов их выражения. При транспозиции слова из разряда в разряд могут приобретать как оценочные, эмоциональные, экспрессивные так и функционально-стилистические коннотации.

Переход частей речи друг в друга является самым популярным способом словообразования в обоих сопоставляемых языках и на их продуктивность влияют как внеязыковые, так и языковые факторы.

Внеязыковые факторы — это необходимость в номинации новых понятий, которые появляются по ходу прогресса науки и техники, влияния моды, а также в результате общественно-экономического развития.

К языковым факторам относятся внутриграмматические параметры, т.е. грамматический строй языка, стилистические факторы и тенденция к экономии речевых усилий.

Многие лингвисты [А.М. Пешковский, А.А. Шахматов, В.В. Виноградов] считают, что переход частей речи занимает особое место в системе словообразования. В таджикском языке вопросом словообразования занимались лингвисты Ш. Мухамадиев, К. Тахирова, М. Шукуров, Ш. Рустамов и другие. Они обратили своё внимание также и на трудности классификации частей речи таджикского языка, так как зачастую трудно отграничить существительное от прилагательного, с одной стороны, и прилагательное от наречия, с другой стороны, что тесно связано с исчезновением категорий падежа и рода в системе этих частей речи. Ш.Рустамов в таджикском языке, разделяя способы словообразования существительного на несколько групп, отметил, что

явление перехода частей речи друг в друга относится к морфолого-синтаксическому способу, т.е. к транспозиции.

Все случаи транспозиции определяются лингвистами по-разному. Различаются два этапа транспозиции: неполная и полная.

В процессе перехода если слова, которые принадлежат к одной определённой части речи, изменяют свои основные лексические значения, приобретают черты другой части речи и при этом получают её морфологические признаки, то в соответствии с этим меняются их синтаксические функции.

Многие лингвисты под понятием «переход» понимают исключительно безаффиксальный переход. Но, с другой стороны, некоторые учёные под термин «переход» подводили все случаи транспозиции: аффиксальный и безаффиксальный, для этого используется термин «безаффиксальная транспозиция».

Сходство процесса субстантивации в исследуемых языках заключается в том, что в обоих языках наблюдаются как аффиксальный, так и безаффиксальный способ субстантивации.

Части речи могут быть многофункциональны, т.е. это способность выполнить несколько функций в исследуемых языках.

Приспосабливаясь к конкретной ситуации, слова отступают от привычных норм и средств актуализации и выполняют новую функцию.

Проявление многофункциональности — это также способность языковой единицы накапливать семантико-синтаксические свойства, изначально ей несвойственные. Многофункциональность единиц в исследуемых языках одновременна; и потенция языковых единиц, и реализация этой потенции приводят к транспозиции.

Субстантивация – это одно из частых проявлений переходности в грамматическом строе языка.

Хотя лингвисты в исследуемых языках трактуют термин «субстантивация» по-разному, они приходят к единому выводу о том, что

субстантивация – это переход слов других частей речи в разряд имён существительных.

Одни лингвисты считают, что конверсия и субстантивация – это разные словообразовательные явления. Другие считают, что конверсия – это переход разных частей речи в другую часть речи. Сюда входят субстантивация, адъективация, адвербиализация и т.д., следовательно, субстантивация – частный случай конверсии.

Многие лингвисты в исследуемых языках признают субстантивацию числительных. Субстантивация числительных выражается в приобретении ими сочетаемости существительных, возможности определяться прилагательными, принимать определённый артикль, формант множественного числа, и изменяться по числам. Все виды числительных – количественные, порядковые и дробные – как в английском, так и в таджикском языке, могут подвергаться случаям субстантивации. Они реализуют категории конкретности, одушевлённости, неодушевлённости и при этом получают все грамматические категории существительного. Выполняют синтаксические функции подлежащего и дополнения; сочетаются с определённым и неопределённым артиклем, с формантом множественного числа (*-s* в английском языке и *-ҳо* и *-он* в таджикском языке), сочетаются с указательным и притяжательным местоимением, а также с предлогом. Лёгкость и активность числительных при субстантивировании объясняется тем, что числительное и существительное имеют тесные связи в предложении. Их взаимосвязь осуществляется через семы “количественность” и “порядковость”. Числительное является неизменной частью речи, поэтому употребление его с морфологическими показателями существительного является его несобственным признаком.

В исследуемых языках разграничивается три вида субстантивации: полная, неполная и окказиональная.

При полной субстантивации в английском языке субстантиват приобретает показатели числа и падежа существительного и

сочетаемость, характерные определители, такие, как артикль, притяжательные местоимения, числительные, синтаксические функции подлежащего и дополнения. В таком случае другая часть речи функционирует в языке параллельно с существительным как его омоним.

Частично субстантивированные части речи в английском языке не имеют форм множественного числа и притяжательного падежа. Морфологическим показателем их субстантивации является определённый артикль. Субстантиваты такого рода передают значение собирательности распространяющегося класса, обладают качествами, названными соответствующими частями речи.

При окказиональной субстантивации части речи переходят в разряд существительных в условиях данного контекста.

Существительные и прилагательные связаны отношениями взаимопритяжения. Как в английском, так и в таджикском языке, модель перехода прилагательного в существительное считается одной из самых продуктивных моделей субстантивации. Данная модель складывается из возможности употребления прилагательного в синтаксических позициях существительного. При употреблении в синтаксической позиции существительного субстантивированное прилагательное приобретает значение имени существительного, т.е. значение признака предмета переходит в значение самого предмета. Кроме того, субстантиват приобретает все грамматические свойства существительного. Следует разграничивать полностью, частично и окказионально субстантивированные прилагательные в сопоставляемых языках. В сопоставляемых языках в разряд существительных могут переходить следующие семантические группы прилагательных:

- 1) Прилагательные, которые обозначают национальность: *English* – *англис*;
- 2) Прилагательные, обозначающие внешность лица или черту характера: *stupid* – *ахмак*;

- 3) Прилагательные, обозначающие название цвета: *black* – *сиёх*;
- 4) Прилагательные, характеризующие социальное положение: *poor* – *камбагал*;
- 5) Прилагательные, указывающие на состояние человека: *blind* – *кӯр*;

В английском языке такие прилагательные, употребляясь с определённым артиклем, обозначают совокупность лиц, а в таджикском для этой цели используется морфема множественного числа: *the sick* – *беморон*.

Разные языковые единицы могут субстантивироваться по-разному. У них разная степень субстанциальности. Одни могут соотноситься с конкретным понятием, другие с абстрактным, при этом они выражают в высшей степени абстрагированную субстанциальную идею.

Субстантивация местоимений как в английском, так и в таджикском, вполне вероятна, хотя во многих случаях окказиональна. Несколько видов местоимений в английском языке образуют предметное слово, такие, как личные местоимения, указательные местоимения, вопросительные местоимения и неопределённые местоимения. Из них личные, указательные, вопросительные субстантивировались окказионально, а неопределённые местоимения перешли в группу существительных полностью. При переходе они принимают все морфологические свойства существительного: выполняют синтаксическую функцию подлежащего и дополнения; принимают определённый или неопределённый артикль; формант множественного числа; сочетаются с предлогом, числительными, указательными и притяжательными местоимениями. Как показывает перевод примеров, в сопоставляемых языках многие местоимения имеют свои эквиваленты.

Общим значением числительных является значение числа, т.е. количества или порядкового счёта предметов. Многие лингвисты [У.А. Кеннеди, Дж. Мейра-Миклестад, В.Н. Жигадло, Ш. Рустамов, Ш. Мухамадиев] признают субстантивацию числительных. Субстантивация

числительных выражается в приобретении ими сочетаемости существительных, возможности определяться прилагательными, принимать определённый артикль, формант множественного числа, и изменяться по числам. Все виды числительных – количественные, порядковые и дробные – как в английском, так и в таджикском языке могут подвергаться случаям субстантивации. Они реализуют категории конкретности, одушевлённости, неодушевлённости и при этом получают все грамматические категории существительного. Выполняют синтаксические функции подлежащего и дополнения; сочетаются с определённым и неопределённым артиклем, с формантом множественного числа (*-s* в английском языке и *-ҳо* и *-он* в таджикском языке), сочетаются с указательным и притяжательным местоимением, а также с предлогом. Лёгкость и активность числительных при субстантивировании объясняется тем, что числительное и существительное имеют тесные связи в предложении. Их взаимосвязь осуществляется через семы “количественность” и “порядковость”. Числительное является неизменной частью речи, поэтому употребление его с морфологическими показателями существительного является его несобственным признаком.

Наряду с другими частями речи, глаголы тоже могут субстантивироваться. В процессе субстантивации глаголы как английского, так и таджикского языков, принимают все морфологические и синтаксические показатели существительного. В таджикском языке глаголы в основном в контекстах выполняют функцию существительных, при этом уровень перехода одной части речи в другую не одинаков. Некоторые слова во время перехода не теряют свои лексические значения, но некоторые теряют. Лексическое изменение во время перехода в основном свойственно глаголу. Причина перехода глаголов в разряд существительных, с одной стороны, связан с их омонимией, а, с другой стороны, оно связано с выполнением их синтаксических функций в контексте. В связи с этим иногда субстантивированные глаголы обозначают предметное значение, и даже конкретное существительное. В

таджикском языке количество глаголов, которые полностью перешли в разряд существительных, мало. Но существуют множество глаголов, у которых основное значение расширилось, у них появилось свойство многозначности, и они в своих основных значениях функционируют как глаголы а в другом значении как существительные. Как показывает анализ примеров на таджикские субстантивированные глаголы, в английском языке они выражаются самим существительным.

В таджикском языке глагол имеет две основы: основа настоящего времени и основа прошедшего времени. В таджикском языке наблюдается переход в группу существительных обеих основ глагола. Но их соответствие (пропорция) не одинаково. Количество переходящих в существительное основ глагола прошедшего времени гораздо больше, чем основ глаголов настоящего времени.

В таджикском языке глаголы при субстантивации принимают все грамматические категории существительных: ударение, формант множественного числа, артикли и местоимения.

В сопоставляемых языках также наблюдаются переход служебных и модальных глаголов в существительное. Но в процессе их субстантивации не наблюдается полное соответствие.

Инфинитив также может субстантивироваться. Хотя некоторые лингвисты [Ш. Рустамов] исключают субстантивацию инфинитива, вопреки им другие [Л.А. Телегин, Ш. Мухамадиев] считают, что инфинитив во время опредмечивания тоже может субстантивироваться, как и другие части речи. Инфинитив, благодаря своему промежуточному положению между категорией глагола и категорией существительного, субстантивируется свободно и его субстантивы отражаются в словаре. Как правило, эти случаи транспозиции очевидны, потому что субстантивированная форма приобретает формально грамматические показатели, свойственные имени существительному.

Как показывает анализ примеров, в процессе субстантивации инфинитив в таджикском языке выражает переносное значение.

Причастия как в таджикском, так и в английском языке, могут субстантивироваться. При субстантивации в таджикском языке причастия могут: как в единственном, так и во множественном числе; использоваться с предлогом; принимать притяжательную морфему; принимать изафет **-и**; принимать послеслог **-ро**; выполнять функцию подлежащего; в предложении выполнять функцию дополнения; выполнять функцию именной части сказуемого; сочетаясь с предлогом выполнять функцию обстоятельства.

В английском языке субстантивация причастий I-го и II-го происходит по разному. Переход причастия I происходит редко: *The dead teach the living*. Причастие II при субстантивации обычно стоит во множественном числе, хотя иногда встречается и в единственном. Обычно его число определяется из контекста.

Из проанализированных примеров можно прийти к выводу, что слова типа *the living, the born, the lost, the accused* имеют свои эквиваленты в таджикском языке – *зинда, таваллудшуда, фавтида, айбдоршаванда* и в обоих сопоставляемых языках субстантивируются одним и тем же способом.

Как видно, из примеров, субстантивация наречий возможна в английском языке. При субстантивации наречий они приобретают грамматические признаки существительных: выполняют синтаксические функции подлежащего, дополнения; употребляются с предлогами и артиклями; определяются указательными и притяжательными местоимениями.

Хотя таджикские лингвисты не считают, что явление субстантивации наречий можно встретить в таджикском языке, как показывают примеры, они всё-таки могут субстантивироваться, хотя и окказионально.

Субстантивация наречий в английском языке – обычное явление и многие лингвисты [Б.А. Ильиш, Г. Поустма] доказали данную теорию.

Кроме того, субстантивироваться могут все виды языковых единиц, т.е. служебные слова – союзы, частицы, междометия и целые предложения, функционировать в одних случаях в качестве существительного, в других случаях в качестве его эквивалента. Не каждую субстантивирующуюся единицу можно считать существительным. Глубина субстантивации или степень опредмечивания у субстантивирующихся единиц неодинакова. Подмечена неодинаковость самого процесса субстантивации и здесь также выделяются разные виды субстантивации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Научная литература

1. Авлиёва П. Сопоставительный анализ указательных местоимений в английском и таджикском языках // Российско-Таджикский (Славянский) Университет. Актуальные вопросы филологии. Выпуск VI. – Душанбе, 2013. – С. 153 – 157.

2. Авлиёева П. Семантические особенности указательных местоимений в таджикском и английском языках. Вестник национального университета. - №4/3(2003). – Душанбе, 2016. – С. 115 – 121.
3. Аракин, В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков / В.Д. Аракин. – М.: Просвещение, 1989. – 256 с.
4. Арбекова, Т.И. Лексикология английского языка / Т.И. Арбекова. – М.: Высшая школа, 1977. – 240 с.
5. Арнольд, И.В. Лексикология современного английского языка / И.В. Арнольд. – М.: Высшая школа, 1959. – 295 с.
6. Арнольд, И.В. Стилистика современного английского языка. / И.В. Арнольд. – Л.: Просвещение, 1981. – 295 с.
7. Ахмедова, Н.К. О морфологической характеристике наречия в русском, английском и таджикском языках // Актуальные проблемы сопоставительной типологии, теории и практики перевода / Н.К. Ахмедова. – Душанбе: ТГНУ, 2007. – С. 21–27.
8. Ахмедова, Н.К. Синтаксические функции наречия в английском, таджикском и русском языках // Вестник университета (РТСУ) / Н.К. Ахмедова. – Душанбе, 2008. – Вып. 2 (20) С. 87–91
9. Бабайцева, В.В. Переходные конструкции в синтаксисе / В.В. Бабайцева. – М., 1967. – 392 с.
10. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш.Балли. – М., 1955. – 416 с.
11. Бархударов, Л.С. Грамматика английского языка / Л.С. Бархударов, Д.А. Штелинг. – М.: Высшая школа, 1960. – 425 с.
12. Баудер, А.Я. Явления переходности в грамматическом строе современного русского языка и смежные явления // В сб.: Явления переходности в грамматическом строе современного русского языка / А.Я. Баудер. – М., 1988. – С.13–19.
13. Беяева, М.А. Грамматика английского языка / М.А. Беяева. – М.: Высшая школа, 1984. – 319 с.

14. Белявская, Е.П. Семантика слова / Е.П. Белявская. – М.: Высшая школа, 1982. – 128 с.
15. Бенневист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенневист. – М.: Прогресс, 1974. – 477 с.
16. Бойбобоева Д.А. Частеречная транспозиция (субстантивация) в английском и таджикском языках // Проблемы перевода и его лингвистические аспекты. Международная научно-практическая конференция. – Душанбе, 2014. – С. 138–144.
17. Бобомуродов Ш., Мухторов З. Субстантиватсия // Фарҳанги истилоҳоти забоншиносӣ. – Душанбе, 2016. – С. 302–303.
18. Борте, Л.В. Глубина взаимодействия частей речи в современном русском языке / Л.В. Борте. – Кишинёв, 1977. – 108 с.
19. Бразирович, А.М. Субстантивация прилагательных в русском языке: автореф. ... дис. канд. филол. наук. / А.М. Бразирович. – Киев, 1952, – 27 с.
20. Бузаров, В.В. Субстантивация в свете теории языковой экономии / В.В. Бузаров. – Пятигорск, 1997. – 286 с.
21. Васильева-Шведа, О.К. Степанова Г.В. Теоретическая грамматика испанского языка. Морфология и синтаксис частей речи. – М., Высшая школа, 1972. – 342 с.
22. Вьалеева Р.Н. Субстантивация наречий в современном русском языке: автореф. ... дис. канд. филол. наук. 10.02.20 / Р.Н. Вьалеева. – М., 1974, – 22 с.
23. Виноградов, В.В. Исследования по русской грамматике / В.В. Виноградов. – М.: Наука, 1975. – 559 с.
24. Виноградов, В.В. Русский язык // Грамматическое учение о слове / В.В. Виноградов. – М., 1986. – С. 352–363.
25. Воронцова, Г.Н. Очерки по грамматике английского языка / Г.Н. Воронцова. – М, 1960. – 400 с.
26. Гак В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков / В. Г. Гак. - Учеб.пособие. – Л.: Просвещение, 1976. – 286 с.

27. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка / В.Г. Гак. Морфология. 2 изд. – М., 1986. – 467 с.
28. Гак В.Г. Транспозиция // Лингвистический энциклопедический словарь (ЛЭС). Главный редактор В.Н. Ярцева. – М.: Издательство «Советская Энциклопедия», 1990. – С. 519.
29. Гак В.Г. Языковые преобразования / В.Г. Гак. – М., 1998. – 763 с.
30. Ганшина, М.А. Английская грамматика / М.А. Ганшина, Н.М. Василевская. – М.: Высшая школа, 1953. – 548 с.
31. Гайнудинова А.Ф. Субстантивные прилагательные в татарском и русском языках: Сопоставительное исследование: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02, 10.02.01 / А. Ф. Гайнудинова. – Казань, 2002. – 24 с.
32. Гайнудинова А.Ф. Частеречная транспозиция (субстантивация) в татарском языке в сопоставлении с русским языком: автореф. дис. ... док. филол. наук: 10.02.02, 10.02.01 / А. Ф. Гайнудинова. – Казань, 2011. – 48 с.
33. Голанов, И.Г. Морфология современного русского языка / И.Г. Голанов. – М.: Высшая школа, 1963. – 120 с.
34. Голубева, Н.П. Изменения лексико-грамматических признаков, связанные с субстантивацией (К вопросу об изменчивых и постоянных признаках трансформированных грамматических категорий): автореф. дис. канд. филол. наук / Н.П. Голубева. – Киев, 1963. – 19 с.
35. Голубева Н.П. К вопросу о причинах возникновения так называемых субстантивированных прилагательных // Филологические науки. 1970. 2. – С. 125 – 131.
36. Грамматикаи забони тоҷикӣ (ГЗТ). Китоби дарсӣ барои мактабҳои олии Қ. 1. – Сталинобод, 1956. – 232 с.
37. Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик (ГЗАҲТ). Фонетика ва морфология. – Душанбе: Дониш, 1985. – 356 с.

38. Громова, Д.А. Субстантивация разных видов языковых единиц. Её возможности и пределы (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Д.А. Громова. – Санкт-Петербург, 1994. – 240 с.
39. Джабборова М. Т. О способах субстантивации причастий в русском и таджикском языках // Известия АН Тадж. ССР. Сер. востоковедения, истории, филологии. Вып. 3. – Душанбе, 1989. – С. 60–66.
40. Джабборова М.Т. Переход причастий в прилагательные в русском и таджикском языках. – Душанбе: Дониш, 1999. – 37 с.
41. Джабборова М.Т. Переход причастий в имена существительные в русском и таджикском языках. – Душанбе: РТСУ, 2000. – 34 с.
42. Джаматов С. Роль конверсии в словообразовании английского языка // Вестник педагогического университета имени С.Айни (серия филология). – Душанбе, 2013. - № 1 (50). – С. 351–353 (на тадж. яз.).
43. Джамшедов П. Проблемы глагольной типологии (время и вид). – Душанбе: Дониш, 1984. – 240 с.
44. Джамшедов П. К вопросу о субстантивации в таджикском и английском языках // Рудаки рафту монд ҳикмати ӯй... – Курган-тюбе, 2008. – С. 70-78.
45. Есперсен, О. Философия грамматики / О. Есперсен. – М., 1958. – 400 с.
46. Жигадло, В.Н. Современный английский язык. Теоретическая грамматика / В.Н. Жигадло, И.П.Иванова, Л.И. Иофик, – М., 1956. – 349 с.
47. Забони адабии ҳозираи тоҷик (ЗАҲТ). Лексикология, фонетика ва морфология. Қ. 1. – Душанбе: Ирфон, 1983. – 450 с.
48. Забони адабии ҳозираи тоҷик (ЗАҲТ). Синтаксис – Душанбе: Ирфон, 1970. с. 268.
49. Заботкина, В.И. Новая лексика современного английского языка / В.И. Заботкина. – М.: Высшая школа, 1989. – 125 с.

50. Зернов, Б.Е. Поле субстанциальности и проблема межчастеречных контактов / Б.Е. Зернов // В.сб: Функциональные характеристики единиц коммуникации в английском языке. – Владивосток, 1990. – С. 115–129.
51. Иванова, И.П. Теоритическая грамматика английского языка / И.П. Иванова. – М.: Высшая школа, 1981. – 285 с.
52. Ильиш, Б.А. Грамматика английского языка / Б.А. Ильиш. – М.: Просвещение, 1967. – 319 с.
53. Искандарова Д.М. Типологическое и сопоставительное языкознание / Д.М. Искандарова. – Душанбе, 2013. – 308 с.
54. Калечиц, Е.П. О составе явлений, рассматриваемых как переходные в области частей речи // В сб.: Переходность и синкретизм в языке и речи / Е.П. Калечиц. – М, 1991. – С. 38–61.
55. Камянова, Т. Грамматика английского языка, теория и практика / Т. Камянова. – М., 2015. – 1024 с. (а)
56. Камянова Т. Субстантивация прилагательных // Грамматика английского языка, теория и практика / Т. Камянова. – М., 2015. –С. 250–254. (б)
57. Карашук, П.М. Словообразование английского языка / П.М. Карашук. – М.: Высшая школа, 1977. – 303 с.
58. Ким, О.М. Транспозиция на уровне частей речи и явление омонимии в современном русском языке: автореф. ... дис. канд. филол. наук. – 10.02.20 / О.М. Ким. – Ташкент, 1978. – 24 с.
59. Кубрякова Е.С. Деривация, транспозиция, конверсия // Вопросы языкознания. – 1974, №5. – С. 64–74.
60. Кубрякова, Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова / Е.С. Кубрякова. – М., 1981. – 200 с.
61. Кудрявцева, В.А., Шеляховская Л.А. К проблеме имплицитности в словообразовании / В сб.: Вопросы словообразования и номинативной деривации в славянских языках / В.А. Кудрявцева. – Л., 1989. – С.118–123.

62. Курилович, Е. Очерки по лингвистике / Е. Курилович. – М., 1982. – 192 с.
63. Қосимов, О.Ҳ. Воситаҳои ифодакунии категорияи ҷамъи исмҳо дар забонҳои англисӣ ва тоҷикӣ / О.Ҳ. Қосимов // Актуальные вопросы филологии. – Душанбе: РТСУ, 2009. – С. 301–307.
64. Лингвистический энциклопедический словарь (ЛЭС). Главный редактор В.Н. Ярцева. – М.: Издательство «Советская Энциклопедия», 1990. – 684 с.
65. Лопатин В.В. Транспозиция // Русский язык. Энциклопедия / В.В. Лопатин. – М., 1979. – С. 570.
66. Лукин М.Ф. Переход причастий в прилагательные и существительные в русском литературном языке: автореф. дис... канд. филол. наук. – Киев, 1965. - 17 с.
67. Лукин, М.Ф. Переход частей речи или их субституция? / М.Ф. Лукин // НДВШ, филол. науки, 1982. Вып. 2. – М., 1982. – С. 109–114.
68. Лукин М.Ф. Лексико-грамматическая специфика наречных субстантиватов в современном русском языке // Русское языкознание. — Вып. 13. – Киев, 1986. – С. 65–70.
69. Малыгина, Л.Ш. Способы выражения категории количество (единичности и множественности) в русском, английском и таджикском языках: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Л.Ш. Малыгина. – Душанбе, 2011. – 158 с.
70. Мамадназаров А. Таджикский конъюнктив в сопоставительно-типологическом освещении. Монография. – Душанбе: Эр-граф, 2015. – 184 с.
71. Мамадназаров, А. Библиографический указатель работ по сопоставительно-типологическому исследованию языков в Республике Таджикистан / А. Мамадназаров. – Душанбе: Эр-граф, 2016. – 355 с.

72. Мамедов Б.Р. Субстантивация в разносистемных языках (на материале английского и азербайджанского языков): автореф. дис. ... доктора филол. наук. – Баку, 1973. – 56 с.
73. Маъсумӣ, Н. Асарҳои мунтахаб. Ҷ. II. Забоншиносӣ / Н. Маъсумӣ. – Душанбе: Ирфон, 1980. – 296 с.
74. Медникова, Э.М. Соотношение нормы и системы в словообразовании / Э.М. Медникова // В.сб.: Филология, Вест. МГУ, сер. 9, 1983, вып. 5. – С. 33–30.
75. Мещанинов, И.И. Члены предложения и части речи / И.И. Мещанинов. – Л., 1978. – 322 с.
76. Мигирин, В.Н. Очерки по теории процессов переходности в русском языке / В.Н. Мигирин. – Бельцы, 1971. – 199 с.
77. Мороховская, Э.М. Проблемы развития аналитических тенденций в деривации языковых единиц: автореф. дис. ... док. филол. наук / Э.М. Мороховская. – Л, 1987. – 34 с.
78. Музаффарова, Ш.М. Структура подлежащего в таджикском, русском и английском языках / Ш.М. Музаффарова // Актуальные вопросы филологии. – Душанбе: РТСУ, 2009. – С. 183–189.
79. Муродов Б. Структурно-семантический и синтаксический анализ отрицательных местоимений в таджикском и английском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Душанбе, 2018. – 26 с.
80. Мухамадиев, Ш. Переход нарицательного имени существительного в собственное // Сборник статей научной конференции преподавателей “Искра просвещения” / Ш. Мухамадиев. – Худжанд, 2008. – С. 203–206.
81. Мухамадиев, Ш. Субстантивация в таджикском литературном языке: дис. канд. филол. наук. 10.02.22 / Ш. Мухамадиев. – Душанбе, 2009. – 143 с. (а)
82. Мухамадиев, Ш. Субстантивация в таджикском литературном языке: автореф. ... дис. канд. филол. наук. 10.02.22 / Ш. Мухамадиев. – Душанбе, 2009. – 22 с. (б)

83. Мухамадиев, Ш. Субстантивация частей речи в таджикском языке // Актуальные вопросы филологии. Вып. 3. / Ш. Мухамадиев. – Душанбе: РТСУ, 2009. – С. 286-289. (в)
84. Мухамадиев, Ш. Субстантивация относительных прилагательных // Вестник Таджикского государственного Университета права, бизнеса и политики / Ш. Мухамадиев. – Худжанд, 2009. – С. 203-208. (г)
85. Мухамадиев Ш. Переход собственного имени существительного в нарицательное // Вестник Таджикского национального Университета (научный журнал). -№2(51). –Душанбе: Сино, 2009. – С. 286–289. (д)
86. Немченко, В.Н. О разграничении частей речи в современном русском языке / В.Н. Немченко. – Горький, 1975. – 77 с.
87. Ниёзӣ, Ш. Н. Исм ва сифат дар забони тоҷикӣ / Ш.Н. Ниёзӣ. – Сталинобод, 1954. – 54 с.
88. Никитевич, В.М. Части речи и производные классы слов // В кн.: Вопросы теории частей речи / В.М. Никитевич. – Л., 1968. – С. 177–184.
89. Основы иранского языкознания. Новоиранские языки / ответственный редактор В.С. Расторгуева. – М.: Наука, 1982. – 572 с.
90. Пауль, Г. Принципы истории языка / Г. Пауль. – М., 1960. – 501 с.
91. Пешковский, А.М. Русский синтаксис в научном освещении / А.М. Пешковский. – М., 1956. – 512 с.
92. Потёбня, А.А. Из записок по русской грамматике / А.А. Потёбня. – М., 1968. – Т. 1 – 551 с.
93. Рахимов, А.Р. Инфинитив в современном английском и таджикском языках: автореф. ... дис. канд. филол. наук: 10. 02. 20 / А.Р. Рахимов. – Душанбе, 2013. – 24 с.
94. Родионов, А.Ф. О соотношении конверсии и субстантивации в современном английском языке / А.Ф. Родионов // В кн.: Некоторые вопросы теории и методики преподавания русского и иностранного языков. – Саратов, 1968. – С. 33–47.

95. Рубинчик, Ю.А. Грамматика современного персидского языка /Ю.А. Рубинчик. – М.: Восточная литература, 2001. - 600 с.
96. Русский язык: энциклопедия / 2-е издание. Гл. ред. Караулова Ю.Н. – М.: Дрофа, 2008. – 703 с.
97. Рустамов, Ш. Калимасозии исм дар забони адабии ҳозираи тоҷик / Ш. Рустамов. – Душанбе: Дониш, 1972. – 77 с. (а)
98. Рустамов, Ш. Таснифоти ҳиссаҳои нутқ ва мавқеи исм / Ш. Рустамов. – Душанбе: Ирфон, 1972. – 216 с. (б)
99. Рустамов, Ш. Исм / Ш. Рустамов. – Душанбе: Дониш, 1981. – 220 с.
100. Рустамов, Ш. Ба исм гузаштани дигар ҳиссаҳои нутқ // Забони адабии ҳозираи тоҷик / Ш. Рустамов. – Душанбе, 1982. – С. 171–177.
101. Рустамов, Ш. Усули морфологӣ-синтаксисӣ // Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик. Ҷ. 1. Фонетика ва морфология. – Душанбе: Дониш, 1985. – С. 126–130.
102. Савченко, А.Н. Части речи и категории мышления // Язык и мышление / А.Н. Савченко. – М., 1967. – 226 с.
103. Сазонова, И.К. Субстантивация // Русский язык. Энциклопедия / И.К. Сазонова. – М., 1979. – С. 544–545.
104. Саидова Э.Д. Субстантивация прилагательных и причастий, инфинитива и имён действия в кумыкском языке: автореф. ... дис. канд. филол. наук: 10.02.02 / Э.Д. Саидова. – Махачкала, 2012. – 24 с.
105. Сайфуллаев, Х.Г. Вопросительные местоимения таджикского языка в роли дополнения и их эквиваленты в немецком языке / Х.Г. Сайфуллоев // Известия АН Тадж. ССР, отд. общ. наук, Вып. 1, 1977. – С. 24– 28.
106. Сайфуллаев Х.Г. Сопоставительно-типологический анализ вопросительных местоимений таджикского и немецкого языков: автореф. дис... канд. фил. наук. – Душанбе, 1981. – 24 с.

107. Сиёев Б. Аз таърихи ҷамбандии исмҳо дар забони тоҷикӣ / Б. Сиёев // Масъалаҳои забоншиносии тоҷик. – Душанбе, 1967. – С. 32–67.
108. Смирницкий, А.И. По поводу конверсии в английском языке / А.И. Смирницкий // ИЯШ. Вып. 3. 1953. – С. 12 – 24.
109. Смирницкий, А.И. Лексикология английского языка / А.И. Смирницкий. – М., 1956. – 260 с.
110. Смирницкий, А.И. Очерки по сопоставительной грамматике русского и английских языков / А.И. Смирницкий. – М.: Высшая школа, 1975. – 380 с.
111. Смирнова А.А. Субстантивация прилагательных и причастий в современном немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1989. – 18 с.
112. Смольянинова М. К вопросу о субстантивации в современном русском языке // Уч. зап. Калужского пед. ин-та. Вып. 10. Филол. серия. – Калуга, 1961. – С. 48–68.
113. Смольянинова М.И. Значение и некоторые особенности именных категорий в структуре субстантивированных причастий // Вопросы истории и теории русского языка. Вып. 2. – Калуга, 1969. – С. 35–42.
114. Смольянинова М. И. Субстантивация причастий в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1970. – 17 с.
115. Смольянинова М. И. К вопросу о синтаксических условиях субстантивации и функциональных возможностях субстантиватов // Вопросы синтаксиса русского языка. – Калуга, 1971. – С. 96–104.
116. Смольянинова М.И. Глагольные категории в структуре субстантивированных причастий // Вопросы грамматики русского языка // Отв. ред. И.П. Святогор. – Тула, 1974. – С. 36–48.
117. Смольянинова М. И. К вопросу о степени субстантивации причастий // Актуальные вопросы лексики и грамматики современного русского языка. –Тула, 1976. – С. 42–58.

118. Сорокина М.А. Субстантивация имени прилагательного в английском, таджикском и русском языках/ М.А. Сорокина. Материалы международной научно-практической конференции «Терминология в разно-системных языках и актуальные проблемы языкознания». – Душанбе: ТНУ, 2015. – С. 78–86.
119. Сорокина, М.А. Имя прилагательное в разноструктурных языках как транслятор синестезии (на материале английского, таджикского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук / М.А. Сорокина. – Душанбе, 2018. – 22 с.
120. Сохибназарова, Х.Т. Подлежащее и сказуемое – грамматическая основа простых двусоставных предложений таджикского и английского языков / Х.Т. Сохибназарова // Молодёжь и современная наука. – Душанбе, 2012. – С. 97–100.
121. Степанова Е.Н. Структурно-сематические и функциональные особенности субстантиватов в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04/ Е.Н. Степанова. – Ростов-на-Дону, 1987. – 22 с.
122. Таджиев, Д. Причастия в современном таджикском литературном языке / Д. Таджиев. – Сталинабад, 1954. – 54 с.
123. Ташпулатова Д.О. Сравнительный анализ субстантивации как одного из способов транспозиции (на примере таджикского, французского и русского языков) // Вестник педагогического университета. – Изд. ТГПУ им. С. Айни, №6 (49). – Душанбе, 2014. – С. 295–298.
124. Ташпулатова Д.О. Сравнительно-типологический анализ отглагольных субстантиватов в таджикском, русском и французском языках: дис. ... канд. филол. наук. – Душанбе, 2015. – 165 с. (а)
125. Ташпулатова Д.О. Сравнительно-типологический анализ отглагольных субстантиватов в таджикском, русском и французском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Душанбе, 2015. – 24 с. (б)

126. Телегин, Л.А. Безаффиксальная транспозиция и её влияние на процессе деривации в современном английском языке: дис. ... док. фил. наук: 10.02.04 / Л.А. Телегин. – Самарканд, 1992. – 259 с.
127. Теньер, Л. Основы структурного синтаксиса / Л. Теньер. – М., 1988. – 656 с.
128. Усманов, К. Категория определённости и неопределённости имени существительного в таджикском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / К.Усмонов. – Ленинабад – Душанбе, 1979. – 180 с.
129. Усмонов, К. Услубиёти забони англисӣ ва муқоисаи он бо забони тоҷикӣ / К. Усмонов. – Хуҷанд, 2007. – 128 с.
130. Усмонов, К. Грамматикаи забони англисӣ / К.Усмонов. – Душанбе, 2011. – 223 с.
131. Усмонов, К. Морфологияи муқоисавии забонҳои англисӣ ва тоҷикӣ / К. Усмонов. – Хуҷанд, 2016. – 214 с.
132. Уфимцева, А.А. Лексическое значение: Принцип семасиологического описания лексики / А.А. Уфимцева. – М., 1986. – 139 с.
133. Чижова В. А. Субстантивация прилагательных и причастий в современных русском и чешском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 1997. – 19 с.
134. Шахматов, А.А. Синтаксис русского языка / А.А. Шахматов. – Л., 1941. – 624 с.
135. Шахобова, М.Б. Опыт сопоставительного исследования строя таджикского и английского языков / М.Б. Шахобова. – Душанбе: Дониш, 1985. – 252 с.
136. Шоев Э. Сифатшавии баъзе исмҳо / Э. Шоев // Маориф ва маданият. 1980, 28 январ.

137. Щерба, Л.В. Языковая система и речевая деятельность / Л.В. Щерба. – Л., 1974. – 428 с.
138. Юсупова, М.И. Структурно-семантические особенности подлежащего в современном таджикском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / М.И. Юсупова. – Душанбе, 2006. – 162 с.
139. Яхьяева, Х.Ю. Словообразование имён прилагательных в таджикском и английском языках / Х.Ю. Яхьяева. – Душанбе, 1971. – 63 с.
140. Яхьяева Х.Ю. Опыт сопоставительного изучения имен прилагательных в английском и таджикском языках: дис. ... канд. филол. наук / 10.02.22 / Х.Ю. Яхьяева. – Душанбе, 1973. – 180 с. (а)
141. Яхьяева Х.Ю. Опыт сопоставительного изучения имен прилагательных в английском и таджикском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук / 10.02.22 / Х.Ю. Яхьяева. – Душанбе, 1973. – 22 с. (б)
142. Яцкевич, Л.Г. О субстантивной транспозиции русских прилагательных в речи / Л.Г. Яцкевич // НДВШ, филол. науки, 1977. Вып. 4. – С. 101-106.
143. Ярцева, В.Н. О задачах сопоставительно-типологического изучения родственных языков // Вопросы общего языкознания / В.Н. Ярцева. – М., 1964. – С. 54–60.
144. Ярцева, В.Н. Контрастивная грамматика / В.Н. Ярцева. – М., 1981. – 111 с.
145. Arnold, I.V. The English Word / I.V. Arnold. – М., - 1986. – P. 194-200.
146. Barabash T.A. A Guide to Better Grammar / T.A. Barabash. – М.: Mezhdunarodnye Otnosheniya, 1975. – 288 pp.
147. Blokh M.Y. A Course in Theoretical English Grammar / M.Y. Blokh. - М.: Vyschaya Schkola, 1983. – 383 pp.
148. Brunner K. An Outline of Middle English Grammar / R/ Brunner. Cambridge, Harvard University Press, 1965. VI. – 111 pp.
149. Close P. A. A Reference Grammar for Students of English / P.A.

- Close. – M., 1979. – 341 pp.
150. Ginsburg, R.S. A Course in Modern English Lexicology / R. S. Ginsburg. – Moscow. 1966. – 269 pp.
151. Gordon E. M. A Grammar of Present-Day English (Parts of Speech) / E.M. Gordon, L.P. Krylova. – M.: Vyschaya Schkola, 1974. – 336 pp.
152. Ilyish B.A. The Structure of Modern English / B.A. Ilyish. –M. – L.: Prosvechshenie, 1971. 63–73 pp.
153. Kaushanskaya V.A. English Grammar / V.A. Kauhanskaya, R.A. Kovner. – M.: Ayriss Press, 2008. – 382 pp.
154. Khaimovich B.S. A Course in English Grammar / B. S. Khaimovich, B.I. Rogovskaya. – M.: Vysshaya Shkola, 2008. – 382 pp.
155. Meyer-Myklestad, J. An Advanced English Grammar for students and teachers // J. Meyer-Myklestad. –Scandinavia: Universitets forlaget, 1967. – 625 pp.
156. Pennanen, E.V. Conversion and zero-derivation in English / E.V. Pennanen. – Tempere: 1971. – 76 pp.
157. Postal, P. Limitations of Phrases Structure Grammar // The structure of language: Readings in philosophy of language / P. Postal. – N.Y. 1964.
158. Qurik, R. A University Grammar of English / R. Qurik, S. Greenbaum, G. Leech, J. Svartick. –M.: Vysshaya Shkola, 1982. – 391 pp.
159. Rastorgueva V.S. A Short Sketch of Tajik Grammar. Indiana University / V.S. Rastorgueva. – Bloomington, 1963. PP. 47–52.
160. Rubinchick Yu. A. The Modern Persian Language / Yu. Rubinchick. – M., 1969. – 280 pp.

2. Лексикографические источники

161. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М.: Книжный дом «Либриком», 2010. – 576 с.

162. Бобомуродов, Ш., Мухторов З. Фарҳанги истилоҳоти забоншиносӣ / Ш. Бобомуродов, З. Мухторов. – Душанбе, 2016. – 428 с.
163. Лингвистический энциклопедический словарь / Главный редактор В.Н. Ярцева. – М.: Советская Энциклопедия, 1990. – 684 с.
164. Мамадназаров, А. Фарҳанги англисӣ-тоҷикӣ / А. Мамадназаров. – Душанбе: Эр-граф, 2019. – 1015 с.
165. Розенталь, Д.Э., Теленкова М.Я. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д.Э. Розенталь, М.Я. Теленкова. – М.: Просвещение, 1976. – 544 с.
166. Фарҳанги забони тоҷикӣ (ФЗТ): иборат аз 2 ҷ. / зери таҳрири М.Ш. Шукуров, В.А. Капранов, Р. Ҳошим, Н. Маъсумӣ. – М.: Советская Энциклопедия, 1969. – 952 с.
167. Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ (ФТЗТ): иборат аз 2 ҷ. / зери таҳрири с. Назарзода, А. Сангинов, с. Каримов, М.Х. Султон. – Душанбе, 2008. – 784 с.
168. Ҳусейнов Х. Луғати терминҳои забоншиносӣ / Х. Ҳусейнов, К. Шукурова. – Душанбе: Маориф, 1983. – 255 с.
169. Ҷамшедов П., Розӣ. Фарҳанги англисӣ-тоҷикӣ. – Душанбе: Пайванд, 2005. – 1120 с.
170. Ҷамшедов П. Луғати тоҷикӣ ба русӣ. – Душанбе, 2008. – 978 с.
171. Hornby, A.S. Oxford advanced learner's dictionary of current English / A.S. Hornby. – Oxford University: Press, 1989. – 1578 p.
172. Jomatov S. Linguistic Dictionary (English, Russian and Tajik) / S. Jomatov. – Dushanbe: Shujoiyon, 2011. – 250 pp.
173. Longman Dictionary of Contemporary English. – Great Britain: Clays Ltd, 1995. – 1700 pp.

174. Mamatov, J., Harrel S. J., Kehoe K., Khodjibaev K. Tajik-English Dictionary (TED). – USA: Dunwoody Press, 2005. – 741 pp.

3. Список источников, цитируемых примеров

175. Абрахамс, П. Аз раҳи раъди ғуррон / П. Абрахамс. – Душанбе: Нашриёти давлатии Тоҷикистон, 1962. – 410 с.

176. Айнӣ, С. Ёддоштҳо / С. Айнӣ. – Душанбе: Адиб, 1990. – 852 с. (1)

177. Айнӣ, С. Мактаби кӯҳна / С. Айнӣ / Акнун навбати қалам аст. Ҷ. 2. – Душанбе: Ирфон, 1978. – С. 107-144. (2)

178. Айнӣ С. Мухтасари тарҷимаи холи худам / С. Айнӣ / Акнун навбати қалам аст. Ҷ. 1. – Душанбе: Ирфон, 1977. – С. 13-98. (3)

179. Бронте Ш. Ҷен Эйр. – Душанбе: Истикбол, 2010. – 410 с.

180. Войнич Э. Л. Ғӯрмагас / тарҷумаи С. Улуғзода. – Душанбе: Маориф, 1982. – 315 с.

181. Дойл, Артур Конан. Ҳикояҳо дар бораи Шерлок Холмс. – Душанбе: Адиб, 1982. – 480 с.

182. Икромӣ, Ҷ. Ман гунаҳгорам / Ҷ. Икромӣ. – Сталинобод: Нашриёти Давлатии Тоҷикистон 1957. – 210 с. (1)

183. Икромӣ, Ҷ. Дувоздаҳ Дарвозаи Бухоро / Ҷ. Икромӣ. – Душанбе: Ирфон, 1984. – 384 с. (2)

184. Кэррол, Л. Алиса дар олами аҷоибот. Алиса дар оиназамин / Л. Кэррол / Аз англисӣ тарҷумаи Раҳматуллоев Н. – Душанбе: Маориф, 1985. – 148 с.

185. Кӯҳзод. Кини Хумор / Кӯҳзод. – Душанбе: Ирфон, 1978. – 233 с.

186. 168. Лондон Ҷ. Мартин Иден / Ҷ. Лондон. – Душанбе: Ирфон, 1981. – 408 с.

187. Стивенсон Р. Ҷазираи ҷавохирот / Р. Стивенсон. – Сталинобод: Нашриёти давлатии Тоҷикистон, 1952. – 258 с.
188. Толстой Л.Н. Ҷанг ва сулҳ / Л.Н. Толстой. Асарҳои мунтахаб. Ҷ. 1. – Душанбе: Ирфон, 1978. – 439 с.
189. Фирӯз, Б. Агар вай мард мебуд / Б.Фирӯз. – Душанбе: Адиб, 1987. – 99 с.
190. Хемингвей, Э. Пирмамард ва баҳр. – Душанбе: Бухоро, 2014. – 168 с.
191. Шукӯҳӣ А. Об аз кучо меояд // Парии Ҷазира /А. Шукӯҳӣ. – Душанбе: Ирфон, 1978. – С. 368 – 480.
192. Abrahams, P. The Path of Thunder / P. Abrahams. – Moscow, 1971. – 334 pp.
193. Aini. The Sands of Oxus // Boyhood Reminiscences of Sadriiddin Aini / J.R. Perry, R. Lehr. – California: Mazda, 1998. – 193 pp. (1)
194. Aini S. The Old School/ S. Aini. Translated by John R. Perry. The Sands of Oxus. USA. Mazda publishers, 1998. – 223-252 pp. (2)
195. Aini S. Pages from my own story / S. Aini. –М.: Foreign Languages Publishing House, 1955. – 128 pp. (3)
196. Carroll, L. Alice's Adventures in Wonderland / L. Carroll. – Chicago, Illinois, 1998. – 195 pp.
197. 178. Doyle, A.C. The Adventures of Sherlock Holmes / A.C. Doyle. – 307 pp.
198. Hemingway, E. The Old Man and the Sea. – Dushanbe: Bukhoro, наречие 2014. – 167 pp.
199. Hornby, A.S. Oxford advanced learner's dictionary of current English / A.S. Hornby. – Oxford University: Press, 1989. – 1578 p.
200. Martin Eden. Project Gutenberg E-text Martin Eden, by Jack London. <http://manybooks.net/>

201. Shookuhi A. Where Does the Water Come From? Translated by Karim Khodjiboev and Muhabbat Khojiboeva. VSP Publishing, Texas, USA, 2015. – 87 pp.
202. Show, B. The masters / Ch. Show. – London, 1977. – 316 p.
203. Tolstoy L. War and Peace / L. Tolstoy. V.1. Penguin Books, 1973. – 712 pp.
204. Voynich, E. The Gadfly / E. Voynich. – 300 pp.